

НОВЫЙ Журнал

139

*THE NEW
REVIEW*

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

*С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Г. Андреев, Л. Ржевский*

Тридцать девятый год издания

РЕДАКТОР: РОМАН ГУЛЬ
СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW June 1980

Quarterly No. 139
2700 Broadway, New York, N. Y. 10025
Subscription Price \$24 — for one year
Publisher: New Review Inc.
Second Class Mail postage paid
at New York, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Г. Сомов</i> — Blue Devils	5
<i>И. Елагин</i> — Стихи	20
<i>О. Маслей</i> — Сон	23
<i>А. Величковский</i> Стихи	46
<i>Е. Васильева</i> — Петербургу	47
<i>Р. Гуль</i> — Я унес Россию	48
<i>И. Чиннов</i> — Стихи	66
<i>П. Первушин</i> — По поводу одного портрета	68
<i>Ю. Иваск</i> — Дон Кихот	91
<i>Р. Плетнев</i> — А. Чацкий в "Горе от ума" Грибоедова	92
<i>Л. Владимирова</i> — На Масличной горе	103
<i>А. Величковский</i> — Стихи	104
<i>И. Маркадэ</i> — Свет и тени русского советского искусства	105

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>С. Пушкарев</i> — Одинокий "барчук" среди классовых врагов	116
<i>Р. Реннинг</i> — Первый Всероссийский кооперативный съезд	134
<i>Письма Б. Зайцева к И. и В. Буниным</i> (публ. М. Грин)	152

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>А. Авторханов</i> — Ислам и мусульманские народы СССР	172
<i>А. Федосеев</i> — Дела китайские	203
<i>Исмаилов Г. Эйгалович</i> — Идеология св. Руси	225
<i>М. Бернштам</i> — Веймарская командировка	240

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

<i>Б. Прянишников</i> — А. Кутепов и Б. Штейфон	267
<i>К. Аренский</i> — А. Н. Бенуа	270
<i>Полк. М. Бугураев</i> — Письмо в редакцию	273

БИБЛИОГРАФИЯ: *Ек. Андреева* — Жертвы Ялты. *Ю. Иваск* — В. Вейдле. Эмбриология поэзии. *С. Голлербах* — М. Андреевко. Перекресток. *Р. Плетнев* — С. Белов "Роман Достоевского 'Преступление и наказание' ". *Игум. Г. Эйкалович* — "Dieu est vivant". *Книги для отзыва*. 274

BLUE DEVILS

1

Прежде всего сесть надобно было так, чтобы тень, падавшая от головы на стену, была легко уследима. С тем Петр Яковлевич Чаадаев поставил слева от себя еще одну зажженную свечу и некоторое время, то так то эдак припадая к столу, смотрел на обои: все выходило четко и живо. Штоф, испещренный золотыми по голубому звездочками, являл собой прекрасный фон. Любо было отражаться на нем! Особенно привлекал Петра Яковлевича так называемый ускользящий профиль, когда ясная линия обрывистого лба его, с неуловимой быстротой пробежав по впалым щекам, трепетно и сильно, властно даже, схватывала подбородок... Чуть ближе к локтю подвинул он левую свечу, почти довольный встал из-за стола и, вздев руки, осторожными чуткими пальцами бережно коснулся висков. При едва ошутимом надавливании там за изжелта-бледной кожей, где перекрученные струились жилы, кололась боль... Коротко дыша, он переступил с ноги на ногу. Да, саднило также и где-то в левом боку... Он опустил руки на грудь. Что ж? Стало быть, слава Богу! Всё в порядке! Дух пришел к спокойствию и позволяет плоти ее маленькие, понятные вполне и неперменные капризы. Значит — смута душевная улеглась и осталась в прошедшем; значит... Чаадаев невольно усмехнулся: "Коли часа два тому — уже прошедшее и далекое! А впрочем, как знать, мерится ли минувшее, то есть исчезнувшее, нашим временем? Славно уже и

Мы печатаем главу из романа "Пушкин" Георгия Сомова. Эту рукопись мы получили из Самиздата и печатаем ее без ведома и согласия автора, в чем приносим ему извинения. РЕД.

Copyright by The New Review, New York, 1980.

то, что ум опять независим, опять сам по себе! Значит..." — поймал Петр Яковлевич потерянное и сильно опустил в кресло. Вот — подсиненная бумага! Как ни брезговали его белые с простым серебряным перстнем пальцы — брызгало перо: "Что было меж нами, — тотчас же с наклоном влево побежала французская клинопись почерка, — что, подобно свободно сеющемуся дневному свету, оживляло расстояние от Вас до меня, от одной человеческой сущности до другой и во всепроникающем житии этом могло заключать Бога, — отныне преломлено, ибо — ложь! — Держа перо на весу, он приостановился: "Не слишком ли жарко?" Какую-то долю мгновения хотел было скомкать бумагу и бросить от себя прочь, но не понял, отчего давно задуманное им письмо к Екатерине Дмитриевне Пановой так волнует его, и потому продолжал. — От Я до Я ничего не может быть другого, кроме пустоты, которая одна и есть истина. Любое вольное, или даже невольное, нарушение правила сего святотатственно. Смотрите: пусть двое неотделимы друг от друга, тогда один из них непременно Бог, что само по себе не более, как отвратительный эвгемеризм! Далее, если их трое, то первый из них всегда мудрец, и всё сие лишь школа; когда же замышляют едиными быть сонмы, вождем их может стать только злодей, а уж сие, простите, обыкновенная гадость! Теперь Вам, думаю, должны стать зримыми причины, по коим я не могу быть ни первым, ни другим, ни третьим! Итак, прощайте! Мне от нашей дружбы та половина, что еще не зажила, которая еще вызывает и болит..."

"Нет! — глядя на перо, словно на некое гнусное насекомое, отложил его в сторону. — Нет!" И тотчас же с четкостью, постоянно взыскующей того единственного и непререкаемого, кто волен присуждать мнения свои другим словно свысока, словно извне, осознал: вовсе ни при чем здесь Екатерина Дмитриевна, и адресовать писанное надо было так: Александру Сергеевичу Пушкину, стихотворцу.

2

Оставалось до сна положенного еще два часа с четвертью. Насупившись, Петр Яковлевич поднялся из-за стола,

подошел к камину, чуть принагнулся над топкой. Пламени там, как и любил он в этот час, оставалось только-на-только; дрова обратились в лежащие как придется уголья, и над тугими отблескивающими телами их висел низкий синий огонь. "Пушкин появился у меня именно в то время, когда могут сходиться в мой павильон и все прочие!" Чаадаев сильно сжал шипцами серый, весь, казалось, давным-давно умерший уже уголек; из последних сил тот ожил — ощерился красным. "Но странно, кроме него, никто более не зашел!" Не сходя с места, Петр Яковлевич шипцами же дотянулся до штор, распахнул их. Поверх намерзшего на стёкла узора видно было, что вплоть до ворот исчерчен двор кривыми гребнями частых сугробов, на падавший из окна свет слетались редкие хлопья иссякшей метели. "Ни следа!" Простейшая мысль, что за сугробами этими, там на улицах в других больших и малых домах могут жить люди и делать сейчас что-нибудь свое, человеческое, — хоть сплетничать или молиться на ночь — представлялась отсюда чудовишной нелепостью. Нет, мир тянулся лишь настолько, насколько хватало зрения! — "Ни души!"

Смущенно кривя губы, Чаадаев боком скользнул в завешенное пледом кресло. Что-то явно не додумывалось до конца, не припоминалось насквозь, вязло и терялось на полдороге. Причина тому, без сомнения, в Пушкинском визите, — ревностно шевельнулось в душе, и, на миг успокоясь, Петр Яковлевич сосредоточенно сощурился. На привычное тянуло мысли и сердце — на воспоминание. А без этого никак не мог представить себе жизни Чаадаев, ибо сколько помнил себя — ровно столько и жил, сколько прожил — столько и помнил. Память ему всегда с прописной буквы мыслилась. Холодно и четко любил Петр Яковлевич эту единственную для человека возможность накапливать время. Обычно выручала его эта кладовая... "Вот нынче?"

Нынче, чувствуя в груди непреходящее смятение, избегая и смотреть на стол, где — подумать только! — все лежало не к тому начатое письмо, почти позабыв даже о тени своей на обоях, оказывается не хотел — боялся? — вспоминать Чаадаев тот кратчайший отрезок нынешнего дня, в котором мерещилось ему посещение проездом из Болдина на Петербург его старинного

одномышленника, будто почитателя даже, Александра Сергеевича Пушкина. Возможность, еще недавно сулившая счастливую занятость, выкручивалась из рук, и подобная неподчиняемость самому себе раздражала, как запах угара, как монотонное шуршание ветра о стены. Почему же, черт побери, после стольких лет выдержки и скованности организм, этот если и не любимый, то неизбежный инструмент, все-таки смеет расстраиваться?! Смеет сбивать с мысли и само воспоминание пускать толчками! Нет, всё путается, всё! Ни в чем нет порядка! Мысленно теребя то обаяние, каким всегда была проникнута для него речь Пушкина, Петр Яковлевич и то терялся: зачем его восхищение живостью и меткостью суждений не отделимо от восхищения промашками Александра Сергеевича, когда тот, оставив живописать что-либо словами, брался за логику; почему одинаково резкую неприязнь вызывали у него и пушкинские колючие антитезы, и собственное неумение ответить на них вовремя как должно? Почему до сих пор тянутся паузы и кажется, что Пушкина вовсе не было? Да, почему кажется, что не уходил он никуда?

Зачем?

”Мнительность обыкновенная, — сам себе в ответ шурился Чаадаев и не мог избавиться от того, что таким же голубоватым отсветом, как и потухающий в камине огонь, исходит снег за окнами... А видит Бог, это уж совершенно лишнее, давно ушел Александр Сергеевич, даже метель кончилась и тихо стало так, что слышно, как бормочет что-то свое из прихожей бессменный Тит... Так же бормотал он и наемдни днем, когда кто-то, яростно хлопывая себя по бокам и груди, гулко скреб об пол каблуками...

Петру Яковлевичу пришло на мысль, что как некогда считали, будто на трех китах стоит Земля, так от веку любая дружба стояла: на любви к себе, которую поддерживает в тебе твой друг; на любви к себе, которой ты поддерживаешь его и на любви к себе, за которую держатся оба дружащих. Он заметно успокоился этим, а шум из прихожей между тем пошел громче. Туго скрипнула дверь, и кто-то, покамест невидимый, так же неловко, как и в первый раз днем, начал заступать в комнату, казалось, целых пять минут кряду. Что-то словно толкнуло

Чаадаева, он, как давеча, кивнул слегка головой и просунулся кресла вперед...

Так и есть: опять эти какие-то застоявшиеся, уж никак не пушкинские глаза! Слава Богу, хоть голос-то прежний:

— А руки, Петр Яковлевич, можно не подавать? Пальцы у меня совсем смерзлись!

Удовлетворенно усмехнувшись, позволил себе Петр Яковлевич пустоте наотмашь поклониться. От мгновенно прихлынувшего головокружения пришлось на край доски каминной опереться, он закрыл глаза и тотчас же увидел, что Пушкин, неуклюже отведя полы сюртука, в кресло сел.

"Добро!" — уверенно прошептал Чаадаев. Ему легко стало. Хотелось двигаться, смотреть, думать. С плотно смеженными веками он огляделся: "Всё верно! Когда взошел он — смеркалось! Свет зажжен был... там... и там! Еще ребром столешницы тень его надвое секлась. Профиль отличал вскинутый в уровень лба подбородок, фас же из-за вьющегося волоса просветами сквозил! И снег — о, Боже! — всё снег сек по стеклам!"

Хоть и не предполагал Петр Яковлевич на эту мысль свою ровно никакого ответа, тишина объявлявшая мир, словно чуть треснула, дала на слух какую-то неуловимую паузу. Потому нынче, в отличие от давешнего дневного визита, и прекрасно понял Чаадаев, с чего начинать надо, и, не слушая явственно вспоминавшиеся ему приветственные слова Пушкина, спросил прямо: "Вот, Александр Сергеевич, мне тут намерении в одном из списков твоя новейшая пьеса подвернулась: "Не дай мне Бог сойти с ума" называется. Что сие?"

Не было уже нигде тишины и в помине, а Пушкин все молчал. Или, может, что-то такое сказал, но незначашее совсем, словно просто руками развел.

"У меня, разумеется, не к исполнению твоему вопрос, — говорил далее Петр Яковлевич. — Что давно уж пишешь ты выше критики нашей — ведаю! Но, — помедлил он, — я право твое вопрошаю, право на разговор о сем предмете!"

— Цензуруешь? — как-то слишком уж догадливо улыбнулся Александр Сергеевич.

"Как и всякий читающий, — поймал себя Чаадаев на утвер-

дительном кивке головою и продолжал уже про себя. — Так вот, не скрою, читая пиесу твою, изумлен я был презрительно. Господь свидетель, не стал бы я на твоём месте так ломить в растворённые двери! Тогда, когда у нас и без того всё кверху ногами стоит, ты ещё и дозволения просишь на голову стать! А?”

— Объяснись, сделай милость!

”Безумие, друг мой, — холодно и охотно откликнулся Чаадаев, — есть прежде всего род одиночного заключения. Какими-то несколькими ночами прошедшего года я принужден был очень близко познать на деле то, что в просторечии именуется сумасшествием, — чего никогда никому не сказал бы, говорил Петр Яковлевич. — К счастью, верно, у разума нашего несносного есть спасительное свойство обычно не завершать начатого. Как правило, он удовлетворяется и одной логической последовательностью, простодушно полагая ее за итог. После того оставшееся расходуетя потом на сновидения или, быть может, питает чувство веры. Я тогда не спал почти, не молился, а приученная к работе мысль все точила свое в мозгу и, наконец, я стал чувствовать ее, как чуют иные ток крови собственной! Понимаешь, воскресающая мысль уходит из вместилища своего, сжигая мосты за собой! — Он схватился за голову. — И жжет! Вот здесь жжет! И взыскует истины! Последней! Единственной! Я заклинаю тебя! Слышишь? Никогда не ищи истины! Здоровому она не нужна, а больного никто и слушать не станет!

— Сколько помню себя, я к этому и не стремился никогда, — сухо отозвался Александр Сергеевич.

”Никогда! — тотчас же за ним повторил, улыбнувшись, Чаадаев. Некоторое время он скорыми шагами мерил комнату и вдруг остановился у кресла, в котором, как знал, никого не было. — Зачем же тогда из каждой почти пиесы своей ты в будущее подсмотреть метишь? Нет, ты и к самому себе относясь, о чести все ж не забывай. Оставь привычку эту! Грядущее, знаешь ли, ревниво...”

— Пустое подозреваешь! — Так и непременно встал бы после подобного Пушкин.

... и мнительно, — как не слышав, договаривал Петр Яковлевич. — Неосторожный, да ты никак тайну времени в загадку превратить хочешь?! — Он словно забыл о присутствии

собеседника. — Что ж, это бесславный путь многих, и ныне он так истоптан, что бесплоден сделался, словно пустыня! Я другой знаю, тот на котором всякий намек законом становится, на котором потребны только внимательность да строгая голова. На нем не составляет труда понять, отчего, казалось бы, безобидно пошлое зубоскальство Вольтера приобрело со временем остроту не бритвы, но гильотины, а Платоновое идеальное государство так и осталось случайным ребяческим вздором, никогда не имевшим и не могущим иметь жизни, ибо является просто произволом отдельной частной воли. А единичная человеческая воля — Тиран, зерно на необозримой ниве Господней воли и обязано быть односущным общему, потому что без того не будет хлеба, а будет глад и мор. И суеверия прошедшего будут неизменно превращаться в науку настоящего, чтобы, в свою очередь, стать со временем суеверием будущего. В истории человечества тому слишком много примеров! Я уже устал находить и объяснять их даже таким людям, как мой друг Штиллинг! Никто не понимает, что быть самим собой и значит осуществлять на деле высшую волю Творца! Последнее, — Чаадаев потупился — тебе сие известно так же отлично, как и мне, у нас почти невозможно! Я так надеялся на тебя! Но птичьему лету своих стихов ты начал сообщать чисто человеческие ковы! Зачем? Ты нездоров?! — с неподдельным участием спросил Петр Яковлевич, очень ожидая услышать в ответ односложное согласие; не улыбнулся Александр Сергеевич и сказал ясным голосом: — Я ужасно давно не страдаю, любезный мой друг!

— Как? — и во второй раз перевернуло Чаадаева. — Как так?"

Тихая, прозрачная улыбка стояла на лице Пушкина. Сквозь нее несколько двоились его широко открытые глаза, а черты лица рябило и дергало. Он сказал:

— Не знаю, Петр Яковлевич, сам не знаю! — подошел так близко, что различимы были лишь сборки узорного платка на груди. — Кажется мне, что сие не моя вина, однако более винить некого! Ранее, давно, я куда бы ни посмотрел — все себя, отторженного, видел, мучился тем необыкновенно и через то сопричастность свою всему знал до крайности. Ныне же — сам не понимаю! — нет меня нигде! Одна сволочь вокруг шевелится! Знаю, где стихи пишутся, где за чинами толкотня идет, где

страсть на страсть меняют! Нет меня там! Быть не может! А по-сему пусто на сердце и холодно. Не от того, что лишним себе кажусь — нет, крошечник — моя давнишняя мечта, а от того, что жизни не вижу нигде! Ровно на часы без футляра смотрю.

"Безотносительно сказано! Совершенно в сторону! Не для себя говорит — для меня! — Разом скривился, сморщился Чаадаев. Спокойствие оставило его, он беспрестанно перебирал пальцами по каминной доске, прикусывал нижнюю губу, шурил глаза. — Смотри, — вдруг простер он руку, — пример из первых пришедшихся к слову! Триста лет тому кучку убийц и душегубов послал царь Иван в Сибирь, чтоб принесли они ему еще земли, на коей мог бы он жечь и резать! Водительствовал сбродом сим Ярмач! Стала, к великому счастью нашему, русской земля доселе свободная. Что ж, может быть, нам передалась толика воли ее? Нет, покуда здесь точит моль рухлядь сибирскую, пошли туда протопоп Аввакум, Радищев, твои друзья, мои одномышленники, потекли туда жены их, тайком повезли с собой послания Александра Сергеевича Пушкина! Что сие? Жизнь? А я говорю, куда бы ни принесли мы смерть, она, пусть хоть через десятое колено, а воротится к нам! Ты вот только что жаловался: нет, мол, меня нигде. Да! Верно! Оттого, что лишь вширь растем, двоимся, троимся! Копии бездушные, идола творим там, где жить необходимо! Потому и меры душе своей не знает у нас никто! Зачем же ты мне вширь говоришь? Зачем?"

— Понял, — вяло произнес Александр Сергеевич. — Нам нельзя говорить о себе.

"Да! Русский к русскому пришел!"

3

— Те бумаги, что дал ты мне, я прочел еще в Царском, — с какой-то не свойственной ему мягкостью и медлительностью цедил, в пол глядя Пушкин. — Должно сказать, многое увидено тобой с верностью необычайной. Особливо, когда заходит слово о дичи нелепиц наших, тут ты словно сквозь увеличительное стекло смотреть начинаешь! Ничто от тебя не ускользает, каждой малости находишь ты не только название точное, но и

место ее в общей системе подлости и злодейства! Я поражен был искренне и глубоко, прикидывал на себя твои глаза, худомыслие твое прошел из конца в конец, соглашался даже... а все ж! Худомыслие, по-моему! Видит Бог, не умею сказать, что, собственно, отталкивает!

"Далее! Далее!" — не торопил, но глаз с говорящего не спускал Петр Яковлевич.

— Далее! Далее одна безгласная Россия поперечить может! Я ведь под ней не только историю либо общественное устройство разумею, мне она — и весна, и осень, я знаю от какого ветра мужика в кабак клонит, из чего бабы для приворота мужьям любимишки заваривают. Мне Русь безмолвием своим без числа простого и единственного поведала! Ты вот требуешь от нее исторических деяний, угодных тебе. Добро! Отставив в сторону летописи, изумимся попросту! Как? Ведь твое понимание того, что можно назвать событием, достойным историка, лишь тебе и принадлежит! Тебе, видишь ли, надобно, чтобы не тянулась Русь от Черного моря до Белого, чтобы Царь-колокол на Москве заговорил?! Не уразумею никак! — донельзя вытянул лицо Александр Сергеевич. — По-моему, от протяженности только протяженности и можно ждать, а раритеты одним раритетам и соразмерны! Нечего пенять груше, за то что не дает она огурцов! Потом, это упрямое твое кивание на Европу! Да ведь Европа потому лишь и может быть примером для нас, что Русь во всем самочинна и своеобразна! Страны, как люди, — у всякой свой лик!

"Народ наш не беднее талантами, чем французы, — успел вернуть Петр Яковлевич. Сердце его бешено колотилось. — Сократ! — не выходило из головы ненавистное имя. — Сократ! Вот, кому не было больно!"

Пушкин поднял бровь:

— Благодарю покорно! Тогда мне и вовсе не ясны причины раздражения твоего?!

"Значит, коли народ наш не глупее заморского, — спокойно продолжал Чаадаев, — отчего же так велика разница в развитии европейских стран и России?"

— Старее культура! — не вдруг и тихо отозвался Александр Сергеевич.

— "Ничуть не причина! Ты сам, припомни, писал о греческих развалинах в Тавриде, о том, что Овидий жил средь наших прашуров!"

— То — стихи!

"Клио — тоже муза!" — Нет, было больно Сократу! Отварцикуты, обнажив до мяса губы, нестерпимо долго сочился в желудок! Сейчас Петр Яковлевич знал: о камни недостроенного храма бился Сократ затылком до тех пор, пока не стала кость мягкой, как настеганный ватой халат! Тогда наконец опустилась на землю несущая прохладу ночь, стали видны звезды. "Просто в жизни каждого сколько-нибудь думающего человека, — отовсюду чувствуя наступающую усталость, начал он, — нарождается однажды мгновение, от которого насущная ложь, ранее охотно принимаемая им и за философию, и за историю, и за государственное могущество, пресекается. Кроме идеи Бога, ничто из содеянного человеком не вечно, и ложь вырабатывается так же, как и любое другое орудие нашей деятельности. Она возвращается на изначальные круги свои, превращается в обыденный ритуал, которому с истинной страстью служит большинство, но отдельным личностям она уже ничего не может дать! И тогда они должны или присоединиться к большинству, стать как все, вообще перестать быть, или... или, я и гроша ломаного не дам за их жизнь!"

— Еще раз скажи! — может, только показался Чаадаеву нахмуренный пушкинский голос.

"Здесь все как на ладони! — одернул Петр Яковлевич свою неуклюже сгорбившуюся на стене тень. — Это я за себя гроша ломаного не даю!"

— Пстой! — схватился Александр Сергеевич. — Ты же верующий! — Видимо, мысль его не в раз попадала на слова, они у него терялись в паузах, казались первыми, случайными. — Как же Бог тогда? Ведь то, что говорил ты сейчас, более всего на Веру указывает! Ты что ж... как я, афеем стал? Да?

"В православного, из византийских городов вывезенного Бога я давно не верю! По моему разумению, он хуже даже языческого пантеона! О том же Пане известно хоть, что он умер, наш же несчастный и не жил никогда! Он — одна ложная ипостась!"

Полные, как перевязанные глубокими продольными морщинками губы Пушкина дернулись:

— В церковь, значит, близко, да ходить склизко; в кабак же далеко, да ходить легко! — с улыбкой, нехорошо открывшей его зубы, промолвил он.

— Нет, мой Бог всегда был со мною! — посторонился этой улыбки и взгляда Чаадаев.

4.

”Поклонимся путнику! — тихо сказал Петр Яковлевич, сам чуть преклоняя голову. — Мы видели их достаточно, но до сей поры мало думали о них. Позволю себе напомнить: кто рано поутру выходит в мир искать свою заблудшую скотину, тот весь день идет скотьями тропами и лишь мраку наступившего вечера и нашей усталости бывает обязан тем, что не видим мы с кем и с чем возвращается он в дом свой. Есть еще иные, пускающиеся в путь с жадными помыслами о богатстве; их мы чествуем обычно более других, ибо возвращение их слепит нас либо блеском золота, либо бесстыдно выставленной напоказ нищетой. Не будем же обольщаться ни подобным золотом, ни подобной нищетой! Я хочу сказать о себе. Не безбожником вышел я из дома отеческого! — Я шел искать Бога! Оттого, что встречал я людей, деяния их и читал их мысли, ближе и необозримее становился мне образ Творца. Я не задержался в пути, конца которому нет; я воротился в Отчизну в самый горький для нее час: порушен был кров предков, а братьев моих, искавших свою лукавую скотину, всех угнали скотьями тропами в Сибирь! Я был один с Богом моим! И ныне никто из близких мне в голову взять не может, что на пепелище нашем строю я дом не себе — ибо нет у меня ни золота, ни нищеты, ни скотины, — а Богу своему! Где были окна, отныне нужны двери, а крыши, мне думается, не нужно вовсе, пусть гудит в пустых мозгах ветер! Но еще никто не спросил меня, что строю я? Все говорят: зачем ломаешь? зачем не умножаешь стад своих? почему не учишь нас новым путям? Здесь хуже всего то, что каждый поступок мой рассматривают как ответ! А я даже себе еще не все открыл! Вот все, что мог я сказать тебе, друг мой, о моем Боге!”

— Достаточно! — не поднял глаз Пушкин. — Мне сдается, из путешествия за Богом вдвоем вернулся один!

“?”

— Да! За неимением разживы ищущий стал Богом сам!

5

“Так понимать меня я не разрешал!” — В кресло, к которому только что обращался с вопросами, сел Чаадаев. Лишь серое, мягко подбитое изнутри алым хотелось осязать и видеть. Казалось, ни говорить, ни думать он не сможет более никогда. Бесплодная, как жердь, стояла в мозгу, ничем не отзываясь, одна единственная мысль: “Выходит, о чем бы я ни заводил речь, итог предreshен заранее!” И ответа на нее Петр Яковлевич не желал всей душой своей! Уж лучше пусть будет пустота; заживившая весь год чахоточная осень; разъедающий глаза дождь! Но мир, о котором нельзя размышлять, не может существовать! Не Богом единым жив человек! Тогда не понимайте меня вовсе! Ради всего святого!

— Знаю, — раздался голос нивесть откуда слышавшегося Пушкина, — то, что понял я тебя, — дурно! Да что поделаться? Коли пришло на ум, так пришло! Тут попятной дороги нет! Впрочем, меня сие нисколько не пугает и не отвращает. Чего-то подобного я ждал от тебя! И сказать по чести, этому-то как раз и рад! Ты построил себе не из худых дом! Надобно только научиться жить этим домом открыто! Так, право, будет безопаснее в нашем отечестве. Русский человек любит прислуживать сильному чувству, которое не разумеет! Но, дорогой мой, само по себе наше взаимопонимание меня отнюдь не утешает! Напротив, страшит! Чтоб мыслить нужно непременно убеждать! Кого угодно — себя, друга, недруга. Нынче же мы охотно меняемся позициями, и я, каюсь, сего трушу, потому как одному Творцу в каждой твари его вольготно. Мне же, например, в тебе делать нечего, как и наоборот!

“Перестань сейчас же! — чуть не выкрикнул Чаадаев. — Ты языком мыслишь!”

— Не последний способ, — совсем на себя окрика не принял обидчивый обыкновенно Александр Сергеевич. Оказывается, был

он у какого-то из окон: занавеси все шевелились и временами шаркали по полу чем-то на каблуки сапог похожим.

"Так ты не согласен?" — бережно спросил Петр Яковлевич.

— С чем это?

"С Богом, о котором я тебе намедни сказал!"

— Я — афей, — как-то уклончиво, словно голову к плечу клоня, отвечал Пушкин. — А по сему для меня все Боги равно-велики в своем небытии!

"Свечи, друг мой, нынче как-то странно делают, — задумчиво же подхватил и Петр Яковлевич. — Как бы рано ты не зажег их, они горят и горят. Ужасные расходы претерпеваю я из-за этого: засиживаюсь допоздна, задумываюсь до абсурда, и все это так и летит на ветер, а особенно слова и мысли! Временами чувствуешь себя прямо-таки полнейшим банкротом! Уж не говоря о том, что ежели у тебя всегда огонь, — так от посетителей отбою нет с утра до ночи. Господь свидетель, я не делаю себе труда подмечать, с чем они приходят ко мне, но по их уходу я не становлюсь богаче! Пусть это и не покражи, но, согласись, неудобно же до крайности! Вот, скажем, на прошлой неделе был у меня отрок один. Из новейших московских немцев; то есть родом-то он, разумеется, наш, кондовый, а вот в образе мыслей, как сам объявил, неукоснительно следует Гегелю! Я спросил его, а почему же не Шеллингу или Фихте? Отрок отвечал, что в учении Гегеля сильнее всего диалектика, каковая, наконец-то, сумеет объяснить миру, зачем ему всегда хочется лишь того, чего нет... Ежели за что и люблю я, Александр Сергеевич, нашу матушку Русь, так вот за это! До философии, собственно, у нас никому дела нет; по нам хоть сгори она вся немедленно! Но за то в достатке у нас такие непростывающие головы, которые только и рыщут, чем бы это непростывание еще подгорячить! Они каждую обмолвку какого-нибудь геморроидального немца или там развратного грека, ровно носильное платье, на себя тащут. Вот подвернулся тебе под руку Гегель, ну, стало быть, это уже не Гегель, а самоучитель; стало быть, отечество наше от сей поры не свиномордыми столоначальниками управляется, а диалектикою! Матерь Божия! Диалектика! Вообще-то, затею эту после приснопамятной схоластики, может, и выдумывать вовсе незачем было!

Так нет, все копают в греческих гробах! Диалектика! Логомахия! По-русски сказать, словоборчество! Борьба же всегда чью-то гибель подразумевает! Значит, это прежде всего философия для жестоких детей, которым вечно надо пробовать кого угодно на кулачки. А мысли и идеи не убивают друг друга; это преимущество людей! Я спросил об этом у отрока. Это, отвечает, суть не важно! Диалектика есть метод для понимания действительности. Но, милый мой, все, что мы называем действительностью, в действительности не более как только наш личный метод понимания. Иначе бы нам никогда не доказать существования бытия высшего, чем наше! Например, Божия! А так, когда на метод приискивается еще один метод — выходит не слишком разумно! Тут надулся мой отрок. Вы, упрекает, софист! Можно и диалектиком назвать, отвечаю. Обиделся тем отрок совсем и удалился, а я принялся огонь тушить, хотелось мне, чтоб стало в моем доме пусто! Пожалуйста! — Чаадаева словно пронизало какой-то квелой волной. — У меня нынче день *неприемный*! Я один остаться хочу!”

— Ты же знаешь, что этому никто помешать не может! — сказал ему уже совершенно незнакомый голос.

Петр Яковлевич, казалось, не расслышал. Чувствуя опасную, бессонницу, сулящую бодрость, он по стеночке, мелким, дерганным шагом прошел в спальню. Там только над иконою Божьей матери троеручицы качался красный, как ягода, круглый огонек. Перехватив колени обеими руками, Чаадаев приткнулся на край давно разостланной постели, с минуту сидел так, на два горба горбя лопатки и легонечко раскачиваясь туда-сюда, вдруг, словно подломилось под ним что-то, опрокинулся на бок, затих недвижимо. Даже того, что лишь половина тела была прижата к перине, к простыням, хватало с избытком, шевелиться же еще и с укрыванием поверх — уже напоминало натаскивание на себя собственными руками крышки гроба. Нет, ежели нельзя иначе — так пусть так! Хотя сейчас лучшим из положений могло быть лишь то, когда вообще не опираешься ни на что, когда меж тобой и любым предметом хоть вершок чистого воздуха есть. На худой конец еще мог бы Петр Яковлевич согласиться, чтобы сплошь под всей спиной его стлалась бы сейчас июльская, уже поджухшая и покалывающая несколько трава; но худой конец,

как ты его не оборачивай, таки не выход, потому что и тогда, когда под спиной только трава, — над головою и — о, Боже! — глазами непременно будет висеть это бесконечно синее небо; эта лазурная пропасть, куда тысячелетиями стремится падать человечество; эта перистыми облаками изукрашенная нравственность; эта прежде мораль, чем закат; эта высокая безысходность, которой ближе всего в душе человеческой всеобъемлющая глупость, всепрощающая черствость, всех под крыло свое принимающая жестокость! Нет, тогда, ради бога, не надо никаких концов! Уж лучше жить в табакерке и просто знать, что наше небо — не отражается, а гниет в жутких осенних лужах; не осеняет, а служит в бесчисленных церквах; не исповедуется, а славословит в пиитических излияниях! И таким оно еще приемлемо и не слишком кровожадно! Пусть только под ним перестанут наконец болтать о том, что Бог тайно обитает в наших сердцах! Никто не может спрятать в себе Христа! А ежели кто не согласен со мной — пусть гонит его вон из России! На раскисших обочинах проселочных дорог, в смрадной суеде ваших улиц, в хижинах, равно как и во дворцах, — не увидите вы тогда его распятой, источающей кровь плоти! Ее никогда нигде не было! У народа блаженного в рабстве не может, не должно быть Бога! У него одна смерть охраняет жизнь, но жизни берегущей от небытия — нет! Раб — афей, лежащий ниц перед собственным неверием! Покуда еще не поздно, гоните Бога из России вон! вон! вон!..

...Ушло последнее слово в темную пустоту, и он долго лежал, не понимая ничего из окружающего; слушал, как медленно копится застоявшаяся кровь в неловко подвернутую правую ногу. Первым, что ощутилось и отозвалось движением — оказался крик петуха, сорванный и злой. Заботясь, чтоб не простыть, Чаадаев натянул на голову старенький плед. Под ним, не зная точно открыты его глаза или нет, он четко увидел: не было сегодня в его окраинном флигеле Александра Сергеевича Пушкина, быть не могло, да, по правде сказать, и нужды не имело.

Уверясь в этом, Петр Яковлевич вздохнул успокоенно и долго. Ему вновь неудержимо травы хотелось. Прежде ему и в голову не приходило, что есть иное положение: не на траве, а

под! Там ведь можно лежать так, что меж тобой и всем миром божьим совсем не будет никакого расстояния; лежать вплотную — плотью — ко всему; лежать, чуя собственное смешение с жизнью; быть попеременно то камнем, то супесью, то ветром; и тихо улыбаться, зная, что растущая из тебя былинка не изувечена сознанием, не отделима от Бога и навек бессмертна в этом единстве... Брат мой — ветер, сестра моя — вода...

Георгий Сомов

*

Вот мне и стало казаться,
Что стихи мои тоже так,
Как солдаты, четко по плацу
Отбивают за шагом шаг.

А душа моя по-другому,
А душа моя, как назло,
То проскальзывает невесомо,
То волочится тяжело.

Сочинитель, к беде готовься!
Будет участь твоя плоха,
Если не совпадает вовсе
Шаг души с шагами стиха.

Иван Елагин

*В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.*

Н. Заболоцкий

... В руках тетради
Стихотворений,
А сбоку и сзади
Конвойных тени.

В сплошном распаде,
В года гниений —
Несли вы тетради
Стихотворений.

Жизни ради,
Во имя горений
Несли вы тетради
Стихотворений.

У века клади
Нет драгоценней,
Чем эти тетради
Стихотворений.

Иван Елагин

*

Суетись всю жизнь, кружись
Без толку в бедламе.
Лучше б нам у входа в жизнь
Дали по программе.

Я бы знал: я генерал
Или только клоун,
Знал бы я, какой финал
Мне приурочиван.

В жизни не произойдет
Путаницы с нами,
Если знаем наперед,
Сколько актов в драме,

У кого какая роль,
У кого какая боль,
Кто ты — шут или король,
Единица или ноль.

Героиня какова,
И в какой картине,
И какие ты слова
Скажешь героине.

Знать бы, кто руководит
Частью музыкальной,
Принимать веселый вид,
Или вид печальный?

Декорации взойдут,
Когда свет потухнет,
Или жизнь мою дадут
Прямо в серых сукнах?

Чуть программу приоткрой
Видно из программы, —
Всеблагой или Другой
Постановщик драмы.

Иван Елагин

СОН

ГЛАВА 5

Она была с ним, он возвращался домой с добычей, с неожиданно доставшимся счастьем. Но ощущение победы ослабевало с каждым днем. Она больше не смеялась, не спорила, она почти не разговаривала. Невидящими глазами она смотрела в окно на аккуратные домики, на нарядных женщин, смеющихся детей.

На пароходе им отвели лучшую каюту. Не обращая на него внимания, она спокойно укладывалась на койку и поворачивалась к стене. На его робкую попытку выразить свои чувства она ответила удивленным взглядом.

— Посоветуйте недорогую гостиницу, — сказала она в последний день, стоя на палубе среди радостно взволнованных пассажиров, ловивших перламутровые очертания города на горизонте. — Я деньги отдам, когда найду работу.

— Но вы... ведь мы поедем к нам на 67-ю улицу. Они ждут, я телеграфировал. Там никого нет, только Тинни и Корнфилд. Они отложили свадьбу до моего приезда.

Она пожала плечами.

— Как хотите. Гостиница была бы проще.

На 67-й улице их ждали. Тинни была в волнении. Перед ней открывалась новая жизнь. Она больше не будет одна, у нее будет близкий друг. Они будут ходить по магазинам, в театры и концерты. Все подруги замужем, она им не нужна. Нэд и Роберт

заняты, им некогда.

Тинни на минуту присаживалась, и сейчас же вскакивала, что-то вспомнив. Все было давно готово, два раза меняли цветы в вазах, посылали на Мэдисон авеню за другим сортом икры. Все, все, чтоб жена Роберта почувствовала себя дома, увидела, как ей рады.

Доктор Корнфилд в третий раз переворачивал страницы газеты, отыскивая что-нибудь непрочитанное.

— Я не понимаю в чем дело? — повторяла Тинни, прижимая руку к горячей щеке. — Я звонила опять. Какая-то задержка...

— Во всяком случае, волноваться не стоит, — спокойно отзывался Корнфилд. — Немного раньше, немного позже...

— Я знаю. Должно быть это глупо, но я просто не могу... Главное, так неожиданно. Я не могла поверить. Если бы кто-нибудь свой... Ведь ему нравилась Нэнси. Я знаю, все люди одинаковы... Но я не знаю никого русских. Только Скуратовы, но они уже давно, они совсем как свои...

— Всё постепенно наладится.

— О, я уже решила, что я буду ее любить! Надо посмотреть наверху, мне все кажется пахнет сыростью, там уже давно никто не жил...

В волнении Тинни не заметила как подъехал автомобиль и в передней послышались громкие голоса. Она чуть ни оступилась, сбега по лестнице.

— Я так, так рада! — воскликнула она, горячо обнимая Роберта. — Я хотела встретить, они говорят только к вечеру...

Обернувшись, она протянула обе руки к девушке в старом дождевике.

— Здравствуйте, — не улыбаясь сказала незнакомка. — Надеюсь я вас не стесню?

В недоумении Тинни повернулась к брату. Он что-то рассказывал Корнфилду.

— ...только последний день. Бедная Люба, она никогда не плавала. Ну, вы познакомились? — спросил он, обнимая сестру за плечи. — Идемте в гостиную! Ах, как хорошо, я даже забыл!

— Сейчас будем обедать, — неуверенно предложила Тинни, глядя на жену Роберта, севшую на первый попавшийся стул у двери. — Вы хотите переодеться?

— Да, да, возьми Любу наверх, она очень устала, пусть отдохнет.

Они молча поднялись на второй этаж и Тинни распахнула дверь.

— Надеюсь вам будет удобно. Вам не кажется, что пахнет сыростью? Это мамина комната. Здесь давно никто не жил.

— Мне все равно.

Тинни испуганно взглянула в чужое, равнодушное лицо.

— Это ужасно, что вы так устали! Сейчас я пришлю горничную...

— Нет, нет, пожалуйста, не надо! Я ничего не хочу, я лягу.

Внизу в гостиной Роберт и Нэд весело разговаривали, будто ничего не случилось, всё было как раньше.

— Много, слишком много, всего не расскажешь. Лучше ты о себе! Что здесь происходит? Неужели это правда? Конечно слышал, но в смягченном виде. Только уже на пароходе рассказывали. Я не мог поверить! Что случилось? Когда я уезжал всё было прекрасно, на такой высоте, как никогда не бывало!

— Завтра увидишь. Я проехать не мог, везде толпы. Главное так незаметно, казалось, все прекрасно.

— Да, но почему? Почему? Что президент говорит?

— Он как будто не волнуется. Вчера объявил, что через два месяца безработица кончится. Его тоже обвинять нельзя. Ему пришлось расплачиваться за чужие грехи, не он спекуляции начал. И конечно, депрессии и раньше бывали. Вчера подъезжаю к больнице — толпа, шагают взад и вперед, какие-то плакаты, портрет президента, разорванный пополам. Спрашиваю: в чем дело? Оказывается, опять не платят жалованье. Санитары сидели и даже кое-кто из конторы... Докторам не так трудно, почти у всех частная практика. Но даже и это — многие не могут платить.

Форест повернул голову, Тинни стояла за его спиной, сжимала и разжимала руки.

— Ну, чего ты волнуешься? Всё будет хорошо, пожалуйста, не выдумывай! Что-то надо делать, но сначала надо обдумать. А пока что я хочу вам кое-что объяснить. Писать я не мог, весь проект мог провалиться. Дело в том, что Люба и я ... одним словом, наш брак фиктивный. Не совсем настоящий. Понимаете?

Она прекрасный человек, и я уверен, что вы ее оцените. А пока что нужно терпение. Все наладится, просто не надо обращать внимания на некоторые странности. Там сейчас острый момент, всякие строгости, должно быть неизбежно при резких переменах. У нее семья, мать и брат, прекрасные люди, но им приходится быть очень осторожными. Вот мы и придумали план — я ей сказал, если она будет моей женой, я смогу их выписать. Выехать так они не могут в силу некоторых особенностей режима. Ну, вот и всё! А пока лучше оставить ее в покое. Моя комната свободна? Я буду спать там. Скажи м-с Бейкер, что Люба плохо себя чувствует, ей надо быть одной. Пока лучше соблюдать некоторую видимость. Ну, так что же вы молчите? — спросил он другим тоном, откидываясь на спинку кресла и улыбаясь. — Когда же свадьба?

Морщинки на лбу у Тинни разгладились, с нежной улыбкой она взглянула на своего жениха.

— Бедный Нэд, он так занят. Мы думали в июне, но в Чикаго конференция.

— А тетка уехала не дождавшись?

— О, она придет! Думала лучше, когда всё устроится, придет в норму.

ГЛАВА 6

То, что имело смысл в Москве, оказалось нелепым в Нью Йорке. Люба не старалась облегчить задачу. На радостные приветствия старой экономки она молча кивнула головой. Напрасно добрая м-с Бейкер показывала ей комнату, где родился Роберт, портреты его покойных родителей, ящики с хрусталем и серебром — молдая хозяйка оставалась равнодушной.

Первое время еще можно было отделываться от приглашений и визитов, ссылаясь на усталость, но чем дальше, тем трудней было отвечать на вопросы.

— Глупости! — говорила кузина Элис Хант. — Ты там набрался русских фантазий. Мне все равно фиктивный брак или не фиктивный, я хочу видеть твою жену.

Заезжали старые друзья — Люба спешила скрыться.

— Почему вы ушли? Они милые люди, они так хотят познакомиться.

Большую часть дня она сидела наверху с книгой на коленях или ходила из угла в угол, прижимая руки к груди.

Утром Форест отправлялся по делам, когда он возвращался, она встречала его на пороге.

— Вы были? Что они говорят?

— Надо ждать, надо быть терпеливым, я добьюсь. Сейчас неудобный момент, надо быть очень осторожным. Скоро запрещения будут сняты.

Она втягивала голову в плечи и уходила к себе наверх.

Сердце Роберта сжималось от жалости, он ничего не требовал, он только хотел помочь, приласкать. Она отталкивала его руку и забивалась в угол.

— Оставьте меня в покое! Зачем вы обещали?

Совсем как та птица, которую они нашли когда-то с Корнфилдом в лесу, освободили из силков и принесли домой. Когда он открывал дверь гаража, птица кидалась навстречу, волоча перебитую ногу и клевала его, сверкая круглым злым глазом. "Почему она сердится?" — спрашивал он своего друга. "Надо было оставить ее в лесу", — отвечал рассудительный товарищ. "Но она бы погибла!" Корнфилд пожимал плечами.

Люба продолжала жить, как в гостинице — куда-то уходила и, вернувшись, не говорила, где была.

За обедом Тинни старалась поддерживать разговор, чтоб не сидеть молча, как чужие в ресторане. Люба не принимала никакого участия. Часами они слушали спортивные новости. Хрупкая, болезненная Тинни в восторге хлопала руками. Люба старалась незаметно уйти.

— Куда вы? Почему вы не посидите с нами? Разве вы не любите спорт?

— Спорт? Люблю. Лыжи, коньки...

— Ну вот видите!

— Это другое. Я люблю сама.

— Так ведь интересно соревнование, мастерство!

Форест делал всё, чтоб ее развлечь. Он повез ее в деревню, где переделывали дом. Она отказалась выйти из автомобиля.

— Идемте, я покажу вам сад — ведь вы любите природу.

— Это все ненастоящее.

— Ну, хотите поедem к морю? У нас дом на острове, вам понравится.

— Мне все равно.

Газет она не читала, журналы откладывала в сторону.

— Но так жить нельзя, надо любить то, что нас окружает.

— А если я не люблю? Зачем притворяться?

Добрая Тинни возила ее по лавкам, уговаривала купить платье, пальто.

— Мне ничего не нужно.

— Вы не можете себе представить, как одежда меняет настроение. Ну, для меня! Доставьте мне удовольствие!

Один раз Тинни не выдержала.

— Все-таки, она могла бы больше ценить твои заботы! сказала она брату. — Может, правда, ей лучше устроиться как она хочет?

Роберт вспыхнул.

— Что ты хочешь сказать? Я обязан! Я обещал! Я просто не имею права... Не говоря уже о том, что начнутся разговоры...

В начале сентября он нашел Любу наверху перед раскрытым чемоданом.

Я еду домой, в Россию.

— Но я не могу, надо подождать...

— Вам незачем, я одна.

Она бы уехала, если б ни пришло письмо в квадратном, синем конверте с серпом и молотом. Не из Москвы, откуда-то с Волги. Она прочитала письмо стоя и молча протянула ему.

— Мы живем хорошо, ни в чем не нуждаемся. Только здоровье плохо, многие болеют последнее время, надо быть очень осторожным. Увидеться нам не придется, уж очень я стала стара..."

— Это ничего, — пробормотал он поспешно, — я устрою, мы поедem.

— Как вы не понимаете! Разве вы не видите — они не хотят!

Она стала чаще уходить из дому, пропадала целый день. Быстро, быстро моргая, Тинни сказала брату, что Люба ищет работу.

Где? Какую работу? Откуда ты знаешь?

— Она сказала, ей все равно — кухаркой, горничной...

По вечерам приходил доктор Корнфилд. Они сидели в мягких креслах, пили вино и говорили о безработице, о депрессии, о голоде. Тинни широко открывала глаза и моргала.

— Боб, знаешь, мы открыли столовые для бедных, они так благодарны, бедняжки. Я обещала каждый четверг...

Люба вскакивала с дивана, журналы сыпались на пол.

— Куда вы? Разве вы не хотите с нами посидеть?

— Голод! Вы даже не знаете, что это значит!

— Конечно, если сравнивать... Но в Америке другой стандарт. У вас трудный момент, это временно, все понимают, что правительство старается перестроить хозяйство по кооперативному принципу — вместе работать и делить поровну.

— Делить поровну!

— Так мне говорили и я видел...

— Кто говорил? Кто? Ваш профессор?

— Мой профессор умный, справедливый человек!

— Как я их ненавижу этих умных, справедливых людей! Да еще профессор, студенты слушают, верят... Может он просто не знает, а может врет или сам себя обманывает. А что вы видели? Ведь вы нигде не были! Что вы знаете о крестьянах, которых угоняют в Сибирь за то, что у них две коровы!

— Правительство должно было освободиться от кулаков, они тормозили коллективизацию.

А вы знаете, что значит кулак?

— Богатый крестьянин.

— Кулаки это мелкие торговцы, перекупщики. Те, которых ссылают, самые обыкновенные крестьяне. В нашей деревне один, у него семь человек детей, корова и теленок. Сказали две коровы, значит кулак!

— Но это было необходимо! Хозяйство было неорганизовано, многое расточалось зря!

— Значит вам нравится теперь?

— Нравится или не нравится, мы должны считаться с идеологией.

Спорить было бесполезно. Люба не слушала или раздражалась. И то, что нравилось ему в Москве, ее искрен-

ность и прямота, теперь стало его раздражать. Неужели так трудно быть вежливой, сказать что-нибудь приятное, поблагодарить, даже просто улыбнуться, хотя бы вид сделать... Может он сам виноват? Но он так был уверен, что она оценит жизнь без забот, свободу делать все, что хочешь.

В доме завелся сквозняк, что-то мешало, портило приятную, спокойную жизнь. Тинни смотрела с грустной улыбкой. Нэд делал вид, что ничего не замечает, заводил разговор о политике.

— Ну, как твой энтузиазм увеличился или исчез?

— Не знаю, будущее покажет. Может они делают ошибки, но откуда им взять опыт? Страна разорена, еще не оправилась после войны. Смешно говорить об отсутствии свободы в таких условиях! В конце концов, свобода есть результат экономического успеха.

— Тебе нравится идея коллектива? Какой смысл работать изо всех сил, если ты просто винтик в жизни-конвейере? Не знаю, может, у русских такое стадное влечение...

— А ты читал? Перепечатка из Лондонского издания — опытные рабочие в Советском Союзе получают достаточно, чтоб жить, как живут состоятельные люди в Англии! Даже если наполовину правда... За последний год продукция увеличилась на 22%. Мы никогда не переходили 4%. Недаром Сталин сказал, что через десять лет они нас обгонят и перегонят.

Идеализм так же опасен, как излишняя подозрительность.

Но индустриализация это факт. Пятилетний план охватывает и координирует все отрасли хозяйства. А у нас?

— У нас демократия. Правительству надо считаться и с теми, в чьих руках средства производства, и с рабочими, и с фермерами. Население имеет право на удовлетворение своих потребностей. Там у власти огромные ресурсы, которые могут быть употреблены по желанию. А населению предлагается подтянуть пояс и забыть о хлебе для великих целей.

Тинни, не слушая, постукивала спицами, вязала шарфы для нуждающегося населения. Люба уходила в парк и шагала по дорожкам, чтоб убить время, чтоб не думать.

В парке все чаще собирались безработные, слушали речи энергичных молодых ораторов о безвыходном положении, об

огромных суммах, которые правительство выбрасывает зря.

— Товарищи! — выкрикивал человек в кожаной куртке. — Есть страна, где нет безработных, где все равны ...

— Неправда! — крикнула Люба.

Женщина рядом на скамейке повернула голову.

— Как же неправда, я по радио слыхала, и в газетах пишут. Там для всех работа. А посмотрите, что у нас делается!

— Если безработные будут работать бесплатно, здесь тоже будет для всех работа.

— Неизвестно кому верить. Может, богатые там потеряли, зато бедным стало лучше. В кино картину показывали, как там рабочие живут, квартира чистенькая, сидят за столом, еды сколько хочешь.

Попытка найти работу кончилась ничем. Другие, опытные, самоуверенные пробивались вперед.

— Улыбнитесь! — говорила хозяйка конторы. — Нельзя смотреть так мрачно, вы сами отпугиваете людей!

Безнадежность и апатия овладевали Любой все сильнее. Она больше не спорила, молча, не слушая, сидела в гостиной или уходила наверх. Роберт шел за ней, рассказывал ей, что он видел в городе. Она слушала рассеянно, но не прогоняла, не просила оставить ее в покое. Она больше не отталкивала его руку и раз даже заплакала, уткнувшись лицом в его плечо. Равнодушно и безучастно она стала его женой.

— Ведь ты меня немножко любишь? Да? Да?

Ее молчание добрый Роберт приписал стыдливости.

ГЛАВА 7

Приближались выборы. Тревога и неуверенность росли с каждым днем. Партии нахваливали своих кандидатов, порочили чужих, но согласия не было и внутри. По городу ходили чьи-то слова: "если можно было бы голосовать не за, а против, я голосовал бы против всех".

— Но, господа, это невозможно! — волновался Форест. — Неужели нет честных, бескорыстных людей, думающих не о себе, а об общем благе? Таких, как были Джефферсон, Адамс,

Франклин, не было нигде в мире! Это какое-то затмение, такого никогда не бывало!

— Было и будет, — спокойно возражал Корнфилд, — такова человеческая природа.

— Ты циник!

— Известная доля скептицизма необходима. Самюэль Джонсон говорил: для того чтоб стали говорить правду, надо, чтоб люди научились правду выслушивать.

— Там, в Европе, Америка кажется несокрушимой, будто другая раса людей. И вдруг — безработица, депрессия, голодные марши! Неужели это правда, что фермеры вываливают продукты в реку, чтоб поднять цены?

— Сознательная мера — они разорены. После войны разбогатели, покупали землю, машины, большей частью на выплату, а теперь платить нечем, бросают хозяйства, переезжают в города. На Западе погибают целые урожаи — цены не покрывают расходов по уборке и перевозу.

— Но это ужасно! Неужели они не думают о детях? И все эти несчастные люди, потерявшие свои сбережения... Я видел женщину, колотившую в окно запертого банка! Неужели ничего нельзя сделать?

— Не так просто и не так легко. Вон отец Кокс со своим голодным маршем — пошли и вернулись. Квакеры тоже были у президента, предупреждали, что мы идем к революции. Что бы сказали отцы пилигримы, если б увидели, во что превратилась наша страна. Но страна уже не та и население другое. Старые законы для многих не обязательны.

Остаться бездейственным, примириться с таким равнодушием Форест не мог. Нехватка продуктов питания, бледные лица детей натолкнули его на идею летних каникул для школьников. Что стоило фермеру, который выливает молоко на землю, приютить одного или двух городских ребят?

Раз загоревшись он вложил в дело всю свою энергию. Препятствия встречались на каждом шагу. Казалось то, что удалось в Англии, должно было еще лучше пойти в демократической Америке, но неожиданные затруднения религиозного и расового характера тормозили дело.

Широкие планы требовали санкций центрального

управления. В одну из поездок в Вашингтон Форест попал в толпу демонстрантов. Несколько тысяч человек стояло перед зданием Конгресса. Он с трудом пробрался внутрь между двумя рядами полицейских.

— Ветераны, — объяснил ему кто-то, — требуют выдачи пособий немедленно, говорят через двадцать лет деньги будут нужны только для цветов на могилы. Нижняя палата утвердила, ждут решения Сената. Больше двухсот тысяч приехало, вчера была стычка, бросали кирпичи, одного полицейского ранили. Опасно ходить по улицам.

— Нужно что-то сделать!

— А что именно?

Никто не знал. Одни настаивали на решительных мерах, другие вспоминали пункты Конституции. Когда вызванные войска вытеснили ветеранов из столицы и сожгли их временные жилища, по стране прокатилась волна негодования.

Вступительная речь нового президента привлекла общие симпатии. Молодой, полный энергии человек, не боявшийся смотреть правде в глаза, обещал выход из создавшегося положения. Даже факт его недуга, то, что он не пал духом, победил отчаяние, передвигался с трудом, опираясь на руку сына, — все говорило в его пользу.

Он обещал работу безработным, помощь фермерам, восстановление коммерческой жизни. Да, положение трудное, но самое опасное падать духом. Депрессия временна, впереди новый расцвет.

— Что ты думаешь? — спрашивал Форест своего друга. — Ты веришь всем этим обещаниям?

— Я верю только фактам. Теперь вешают собак на Хувера, обвиняют его за бездеятельность и забывают, что Конгресс тормозил все его решения.

Каждый день приносил новые проекты, приказания и законы. Вокруг нового президента собирались молодые силы, воспитанники Харварда, Принстона и Колумбии, полные идей и планов.

Конгресс одобрил отмену запрещения спиртных напитков. Через три дня прошел акт земельной реформы. На следующей неделе президент объявил проект трудовой

организации для молодежи как меру борьбы с безработицей и депрессией. Новые комиссии и учреждения возникали одно за другим.

— Все-таки это какое-то движение, — говорил Форест. — Мы не стоим на мертвой точке. Даже если не всегда удачно, они имеют право пробовать.

Корнфилд усмехался.

— А как насчет экономии? Насколько помню, президент говорил, что за последние годы мы шли к краху, приводил цифры дефицита. А теперь? Ты представляешь, сколько все эти новые проекты стоят?

Ну, это мы можем себе позволить.

ГЛАВА 8

На второй этаж волнения не доходили. Там шла своя независимая полная жизнь. Наверху, в много лет пустовавшей детской, появилось новое небывалое существо. К дому подъезжали автомобили, тетки, двоюродные сестры, друзья детства — все хотели взглянуть на маленькое чудо.

— Какая прелесть! Маленькая американочка, портрет тети Луиз!

Мать шурила чужие татарские глаза и молчала. За нее отвечала Тинни, соглашалась, восхищалась, благодарила за подарки.

Когда через год родился мальчик, между родителями произошло разногласие.

Тэдди, с гордой нежностью говорил Форест, осторожно поднимая сына.

— Сережа! — упрямо повторяла мать.

— Но это всегда... мой отец Теодор. Следующего мы назовем, как ты хочешь.

Она усмехалась, она знала следующего не будет. Хорошо, пусть Тэдди, она будет звать его Федей, он ее сын, ее и больше ничей.

Она больше не спорила, не вспыхивала, не говорила резкостей. Она не собиралась уезжать. Центр мира переместился,

то, что было единственным местом на земле, заволакивалось туманом.

Рано утром Тинни с нетерпением заглядывала в детскую.

— Можно? — спрашивала она умоляюще.

Дети росли на глазах, еще вчера их носили на руках, и вот они уже начинают ходить. После долгого молчания Тэдди сказал сразу два слова.

Вытянув длинные, худые ноги Тинни строила с ними дома, мосты и железные дороги. Она была полицейским, командовавшим движением, рабочим, чинившим дорогу, пароходом и поездом. Она умела свистеть и гудеть.

— Осторожно! — кричала она, поднимая костлявое колено, — здесь гора!

Тэдди пятил нагруженный автомобиль, сталкивался с Даной. Полицейский спешил к месту катастрофы.

Было что-то в удивленно моргавших глазах Тинни, в ее глухом голосе, что внушало полное доверие, она не притворялась, не делала вид, как другие взрослые, с увлечением она вытаскивала раненых, спешила в полицейском автомобиле на пожар.

Старая мудрость говорила: дети сближают родителей. В новом теплом мире Форесту было отведено небольшое место, меньше, чем старой экономке м-с Бейкер. Только через сестру он узнавал о важных событиях — о новом зубе, о смешном слове. По утрам он заглядывал в детскую, Люба сидела на полу, дети карабкались ей на спину, на колени. На звук его шагов она поворачивала голову.

— Что-нибудь надо? — спрашивала она взглядом.

— Нет, нет, — поспешно успокаивал он, — просто на минуту.

Он садился на стул у двери, он не обижался, не претендовал на большее. У него была семья, необходимая часть жизни каждого человека. Это был их женский мир, так же как у него был свой мужской. Ощущение полноты и счастья он уносил с собой во взволнованный событиями мир.

ГЛАВА 9

Из Европы приходили тревожные вести. Англия первая отказалась от золотого стандарта, за ней последовали другие. У всех были трудности, времена изменились, Европа пострадала от войны больше, чем Америка. По инициативе Великобритании союзники потребовали пересмотра задолженности.

С Востока шли темные тучи, они то расходились и светлели, то вырастали в зловещую угрозу. Связанная по рукам и ногам Версальским договором, разоренная унижительными репарациями Германия прислушивалась к призывам кучки демагогов восстановить былое могущество и славу Империи.

— Но как это может быть? — негодовал Форест. — Немцы, самый спокойный, уравновешенный народ, неужели они верят каким-то авантюристам?

Доктор Корнфилд пожимал плечами.

— По-видимому, верят. Германия вышла из Лиги Наций, Гитлер объявлен канцлером.

— На что они надеются? Неужели война их не научила!

— Когда терпение лопнет, люди хватаются за любые обещания. Наша депрессия игрушки по сравнению с тем, что было у них...

— Я просто не верю, что культурная часть населения допустит ...

— Допустит и постепенно присоединится.

Западные правительства совещались, обсуждали, надеялись, что Гитлера можно удовлетворить небольшими уступками. Рузвельт и Чемберлен уговаривали сохранять мир.

Из Советского Союза шли противоречивые вести. Как ни скрыто происходили события, известия просачивались на Запад. В связи с новой конституцией оппозиция в коммунистической партии подняла голову. Ее питала неприязнь к Сталину, выскочке, выдвинутому его решительностью и беспринципностью.

Сложные, непонятные, скрытые от широких масс переговоры между союзниками и Сталиным не прекращались. Он ничего не обещал, но слушал. В американских газетах его называли "Великой загадкой". Один из послов даже уверял, что он вовсе не коммунист, а просто русский националист.

В Польше начались погромы, в Японии, Индии и Южной Америке прокатилась волна мятежей. Финская война вызвала недоумение — маленькая, свободная Финляндия против свободолюбивого Советского Союза? Окончательный удар нанес договор о ненападении между Гитлером и Сталиным.

Не объявляя войны, Германия заняла Рейнскую область. Напряжение росло, новости были неутешительны. Гитлер отдал приказ о мобилизации. Разрешенная союзниками стотысячная армия вдруг выросла. Ходили слухи, что подготовка шла за железным занавесом.

— Я просто не понимаю! — волновался Форест. — Весь мир сошел с ума! Война в Азии уже факт, японцы в Пекине. Итальянцы захватили Эфиопию, про Германию я уж не говорю! Гитлер соглашается, Чемберлен возвращается в Лондон с обещанием вечного мира, а немецкие войска захватывают Судеты и двигаются дальше.

— В конце концов, нас это не касается, — спокойно возражал Корнфилд. — Президент объявил в Чикаго, что американцы могут быть спокойны, их сыновьям опасность не угрожает. Согласно голосованию 85% населения войны не хотят.

— Но мы должны быть готовы, чтоб не очутиться в таком же положении, как Англия.

— Готовы к чему? Не думаю, чтоб Гитлер хотел захватить Америку.

— Но мы не можем оставаться в стороне! Так или иначе мы уже участвуем, мы снабжаем разные страны оружием, посылаем в Китай и еще больше в Японию. Я не политикан, я всех этих уловок не понимаю — посылать можно, но охранять транспорт нельзя! Что это значит? Уж лучше действовать прямо, Германия должна быть наказана!

Угроза войны нависла над миром. Немецкие войска двинулись на Восток. Сталин занял часть Польши и захватил Балтийские государства.

Англия и Франция объявили войну. Французская армия двинулась к немецкой границе, англичане высадились во Франции. Линия Мажино охраняла покой французов. Вдруг, почти неожиданно, немцы прорвались в Данию, захватили Голландию, Бельгию и Норвегию и в 1941 году вторглись в СССР.

Гитлер объявил себя величайшим врагом коммунизма, но знатоки уверяли, что у него другие цели — захват Украины и Кавказа с их богатыми ресурсами.

Америка медлила. Оставаться в стороне? Помогать союзникам? И если помогать, то как — экономически или активно? Вопрос был решен за них — в декабре японцы напали на Перл-Харбор. Америка вступила в войну. Правительство призывало бороться без ненависти, в защиту свободы и демократии.

Захваченный общим чувством Форест хотел идти добровольцем, но его порыв отклонили и предложили работать в тылу. Он ушел с головой в организацию помощи жертвам войны, миллионам бездомных детей, голодных, больных, одичавших. В освобожденных городах вырастали организации помощи населению, открывались приюты и столовые. Америка щедро снабжала одеждой, пищей, лекарствами. Дело росло и ширилось. Число бездомных было велико, необходимо было точно определить, кто подходил под категорию "беженцев". Согласно решению Объединенных Наций каждый, кто оставил родину из-за религиозных или расовых преследований, кто не может или не хочет вернуться, имеет право на приют в другой стране. Правда, политические соображения тормозили движение. Принять иммигрантов значило признать, что у себя на родине они могут подвергнуться преследованиям, и этим можно испортить дружеские отношения в Объединенных Нациях.

И все-таки работа по приему и устройству иммигрантов на новом месте была огромная.

ГЛАВА 10

Постепенно дети стали его замечать. Дана бежала навстречу, роняя игрушки, опрокидывая построенные из кубиков дворцы. Он осторожно поднимал хрупкое, беспокойное существо и прижимался лицом к ее нежной щеке.

— Дэдди, дэдди! — бормотала она в восторге.

Она чувствовала — для матери и для Тинни она и брат равны, отец принадлежит ей. Она требовала, чтоб он укладывал ее спать, не хотела слушать сказок, которые рассказывала мать,

про птиц, про рыб, говоривших человеческим языком, про ведьму и Ивана-дурачка.

— Это все неправда, — говорила она, надувая губки.

Рыбы не умеют говорить. И почему дурак лучше всех?

— Но ведь ты любила раньше?

— Я притворялась, чтоб ты не сердилась. Папа, расскажи про парад! Мы поедем опять, хорошо?

Она расцветала с каждым годом. Он брал ее кататься в открытом автомобиле, прохожие провожали их глазами. В магазинах их встречали улыбками и приветствиями, откуда-то из глубины появлялся заведующий.

Форест гордился ее красотой, умением себя держать. Дана все больше походила на его покойную мать. Она была продолжением поколений американских женщин, украшавших жизнь, помогавших мужьям в их ответственной работе. Подруги обожали ее, учителя прощали слабые успехи и называли украшением школы.

Она была его радостью, его счастьем. Заботы и усталость исчезали, когда он слышал ее веселый смех. Сложные мировые проблемы казались не такими безвыходными. Он уже строил планы кругосветного путешествия через год после ее выпускных экзаменов.

Опомнился он, когда Дана ворвалась в неурочное время в городскую контору и бросилась ему на шею. Она влюблена, она выходит замуж!

— Ты с ума сошла, — бормотал он растерянно, не понимая, шутит она или нет. — Ты же ребенок! Ну, тихо, тихо... Успокойся! Какие глупости ты говоришь!

— Если ты не согласишься, я убегу!

— Но нельзя же так легкомысленно. Давай поговорим серьезно.

— Я его люблю, как ты не понимаешь?!

— Да кто он? Где ты его встретила?

— Он чудный! Ты увидишь!

Ей было семнадцать, она еще не кончила школу. Голландец был благообразен и практичен. Он был честный человек, наследник скромного, но прочного торгового дома. Могло быть гораздо хуже — жизнь расшаталась. Похищения детей и

взрослых никого уже не удивляли, только недавно закончился суд над организацией, вывозившей девушек в Южную Америку. Но Дана! Его Дана! Зачем ей нужен этот чужой человек? И даже накануне свадьбы он продолжал ее убеждать.

— Еще не поздно, мне все равно, что будут говорить... Уедем в Париж, в Австралию, на Луну!

— Но я умру без него!

Была толпа, широкие ступени церкви, запах вянувших лепестков — все в тумане. Прощаясь, она немного поплакала.

— Вы подружитесь, я знаю?

Нужно было страшное усилие, чтоб не думать, не стонать. Землетрясение в Перу немного отвлекло внимание. Тысячи людей остались без крова, дети умирали с голода. Он уехал на место катастрофы с отрядом добровольцев, с огромным запасом одежды и продовольствия.

Вернувшись, он нашел новую притихшую Дану. Он старался подавить недостойную надежду. Разводы никого уже не пугали. Но ожидание оказалось напрасным, скоро она стала прежней, веселой, ласковой девочкой. Она входила тихонько, без стука, обнимала сзади, закрывала ему глаза милыми тонкими руками.

— Отгадай кто! Знаешь, где я была? Огромная распродажа, ты представить не можешь, какая красота — стол, восемь стульев, шкаф... дерево, как шелк, по особому заказу из Дании. Наша столовая такая старомодная, даже стыдно! Как ты думаешь? Я очень боюсь упустить, они сказали, кто-то обещал дать задаток...

— Но Вальтеру может не понравиться...

— О, какие пустяки! Он будет рад. Смотри! — говорила она, вытряхивая из сумочки счета из магазинов. — Не понимаю, откуда они берутся, я давно ничего не покупала! Например, вот этот — я наверное знаю, я заплачу гила...

Конверты сыпались на письменный стол.

— Я даже не показывала Вальтеру, он такой чужак, принимает всё это трагически. Неужели все голландцы такие?

Форест старался быть справедливым.

Может, ему трудно платить. И, конечно, другое воспитание.

— Но зачем портить себе жизнь? Это так глупо. Он душка,

когда захочет. Это просто смешно, как он выключает свет, когда выходит из комнаты. А я нарочно возьму и зажгу во всем доме!

Она прижималась к его лицу нежной прохладной щекой и исчезала сияющая, полная жизни, оставив на столе горку конвертов.

Форест платил, даже с удовольствием, чувствовал превосходство над голландцем, непонимавшим, какое счастье дала ему судьба.

ГЛАВА 11

С сыном было другое. В раннем детстве он отбивался руками и ногами, когда отец хотел его поднять. Его упрямство росло, с каждым годом он делался все независимей. Восьми лет он уже читал газеты, был в курсе военных событий. Его возмущало правительство, не спешившее на помощь союзникам.

— Не говори о том, чего ты не понимаешь, занимайся своим делом!

В школе Тэдди получил первый приз за доклад о продвижении союзных войск. Форест был возмущен.

— Этого не хватало! Довольно ненависти в мире, чтоб еще затягивать детей.

Мальчик спорил с отцом, хотел убежать из дома, сделаться разведчиком, уверял, что в Германии и в России дети участвуют в войне.

Сходство с матерью выступало все сильнее. И Форест, прощавший ей многое, не мог простить, что она калечит сына. Мальчик — американец, он будет жить в своей стране, продолжать дело отцов, а она воспитывала его человеком без родины, без корней, висящим в воздухе.

Самым ужасным было её отношение к религии. Форест был согласен на все — пусть ходят в русскую церковь, в конце концов христианские религии имеют одну основу. Но она даже не научила детей молиться.

— Ты пойми, вера необходима! Она основа всей нашей жизни. Даже взрослые не могут жить в пустом пространстве. Детям нужна уверенность, что есть высшая сила, высшая справедливость.

— Я не могу им врать.

С Даной было легко. Без всяких вопросов она отправлялась каждое воскресенье с Тинни в церковь, нарядная и торжественная.

Тэдди не спорил, он только усмехался и пожимал плечами. Что-то было не так, чего-то в нем не хватало или, наоборот, было слишком много. Во всем он доходил до крайностей. Летом в Мейне он переплыл с одного острова на другой, хотя знал, что там было опасное подводное течение. Построив с товарищем планер, он прыгнул со скалы ухватившись за веревки и только чудом не расшибся.

Оставалась надежда, что школа сделает то, чего не могла сделать семья. По настоянию отца мальчика поместили в закрытое заведение, где учился он сам, где поддерживались старые традиции.

И мать, и сын приняли разлуку трагически. Она ходила как потерянная, жила от почты до почты. Писем сына она никому не показывала, там были слова, принадлежавшие только ей. "Мы с тобой — одно, разница только, что я мальчик, а ты девочка". "Твой собственный" подписывался он.

Надежда Фореста не оправдалась. То ли старая школа изменилась, как менялось теперь все, то ли Тэдди подобрал неподходящих товарищей. Правда, грубость и резкость исчезли, он стал вежлив, зато появился новый снисходительный тон. Он перестал интересоваться политикой, спорт, полеты в стратосферу, входивший в моду телевизор вызывали у него презрительную усмешку. Он пристрастился к чтению, ходил по выставкам и концертам. В первом году колледжа, после успеха в роли Гамлета, он решил стать актером.

Культурные интересы Форест уважал. Он считал своим долгом просматривать отзывы о новых книгах, зайти в музей, где была выставлена купленная за огромные деньги картина знаменитого мастера. Он гордился своим городом, охотно жертвовал на научные учреждения, поддерживая Оперу, был попечителем Публичной библиотеки. Но когда жена показала ему тоненькую книжечку стихов, написанных его сыном, он возмутился.

— Пора ему заняться делом!

— Ты же говорил, что американская литература...

— Я говорил о настоящих больших писателях.

— Да, но когда они начинали...

— Все равно, все равно! Во всяком случае, поэзия — занятие для дам. Никогда не мог понять, почему слова, поставленные в каком-то особом порядке, получают необыкновенное значение.

Пробыв в колледже год, поссорившись с отцом, Тэдди уехал за границу. Письма приходили из Японии, из Австралии, из Южной Африки. Форест неохотно отвечал на вопросы знакомых.

— Да, что-то делает. Кажется, в Сорбонне.

ГЛАВА 12

Послевоенные годы были загромождены работой. Отовсюду приходили мольбы о помощи. События выбросили миллионы людей, вырванных с корнем, не имеющих пристанища.

Война ничего не разрешила, все пострадали. В Объединенных Нациях обсуждали положение беженцев, застрявших в Европе. Германия отказывалась принять обратно своих, Советский Союз требовал возвращения "изменников", покинувших родину.

Верная гуманитарным принципам, Америка широко распахнула двери. Одна за другой возникали организации по приему беженцев, им помогали получать визы, встречали на пристани.

Роберт Форест нашел свое место в общей работе. Когда-то, еще до поездки в Россию, он мечтал устроить сельскохозяйственную колонию, наподобие знаменитой Брукс-фарм. Ему удалось заинтересовать группу интеллигентов, но тогда из этого ничего не вышло — две вдовы Колумбийских профессоров, записавшиеся первыми, испугались тяжелой работы; веселый негр, проповедник из Луизианы, уехал домой; исчез куда-то японец со своим фотографическим аппаратом.

Теперь Форест вернулся к старой идее. Дело было не только в том, чтоб привезти людей и найти им работу. Для того чтоб они не остались чужеродным телом, необходимо было помочь им войти в американскую жизнь, слиться с общей массой свобод-

ного народа.

Он отдал для Колонии свое имение в Коннетикут. Когда Большой дом наполнился до отказа, правительство выдало субсидию для постройки бараков. Дело росло с невероятной быстротой, пожертвования шли со всех сторон от общественных организаций и от частных лиц. В Нью Йорке его контора заняла целый этаж. Каждый день приходили сотни писем, непрерывно звонил телефон. Из министерства просили приютить группу чехов, церковная организация не знала куда направить полтора-два человека из Галиции, из Польши, из Прибалтики люди бежали массами.

Форест чувствовал себя в центре больших событий, он делал правое дело вместе с своей страной. Не все было понятно, ни со всем он был согласен, но он отгонял сомнения — в конце концов в Вашингтоне сидят такие же люди и они могут ошибаться так же, как он.

Когда согласно договору союзники выдали Советам русских военнопленных, перешедших на сторону немцев, он долго не мог найти оправдание ни для выдачи, ни для тех, кто боролся против собственной страны. Слухам о их гибели он не верил.

Форест возвращался домой усталый, измученный противоречиями. Его идеал благочестия и доброжелательства был отвергнут всем миром.

На 67-й улице царил покой и тишина. То, о чем он мечтал и не знал как сделать, совершилось само собой. Люба смягчилась, она больше не пряталась, по вечерам они сидели все вместе. Корнфилд заходил почти каждый день, расспрашивал Любу о России, о докторам, о больницах, о народной медицине. Постукивая спицами, Тинни смотрела на них с доброй улыбкой. Милый Нэд, какой он добрый, делает вид, что ему интересно слушать о диких людях, которые пьют керосин вместо лекарства, лечат артрит укусами пчел, верят в заговор. С ней, с Тинни, ему не надо притворяться.

О предполагавшейся свадьбе давно перестали говорить. Незаметно, но неуклонно здоровье Тинни убывало. Она редко выходила из дома, скоро уставала, но никогда не жаловалась. Ее жизнь была полна, она была счастлива, дети сделали то, чего не мог бы сделать никто другой. Корнфилд был добр и внимателен,

если они оставались одни, они сидели молча, как сидят люди, прожившие вместе долгую жизнь и знающие все, что другой мог сказать.

Корнфилд уже не был полуголодным студентом, сыном бедной вдовы, убиравшей чужие квартиры. Его известность росла, чтобы попасть к нему на прием, надо было ждать неделю. Пациенты не хотели никого другого, им нравились его отрывистые замечания, его сухой юмор. Они знали, что в трудную минуту он будет заботливым и внимательным, в его умных руках страшные операции делались менее страшными.

Форест не мог понять его равнодушия к волновавшим всю страну проблемам.

— Я не понимаю, как ты можешь сидеть спокойно и не видеть того, что происходит. Чистка в университетах! Как можно делать такие глупости! Кого они назначают в свои комиссии?! Людей, которые ничего не понимают, оскорбляют тех, кто на две головы их выше! Мы должны быть счастливы, что они у нас работают, а мы преследуем их всякими выдумками...

— В чем дело? Чего ты волнуешься?

— Неужели ты ничего не знаешь? Не так давно мы критиковали немцев, а теперь сами не лучше!

— Ты же сам говорил, что надо принять меры против пропаганды. Старые идеи о полной свободе отжили.

— Но нельзя обвинять людей, которые ни в чем не виноваты! Если они интересуются тем, что происходит в Советской России, это не значит, что они коммунисты. Даже если они находят что-нибудь положительное или временно попали в какую-нибудь организацию...

Люба не выдерживала — наивность Фореста была переносима.

— Когда ты поймешь, что они умеют заставить человека делать то, что им нужно! Одни помогают по глупости, другие из расчета. Мне вчера пришло в голову — я не христианка, но я понимаю, что христианство вызывает в людях то, что в них есть хорошего, а коммунизм то, что в них есть дурного: жадность, бесчестность, жестокость, ложь, неразборчивость в средствах.

— Ты очень ошибаешься, в коммунизме — прекрасные идеи.

— Вот-вот, это и есть один из путей — соблазн идеями.

Корнфилд слушал, попыхивая трубкой.

— В конце концов, Америка свободная страна, обвинения без доказательств ничего не стоят.

— Но это оскорбительно! Он плакал, когда рассказывал, он был так счастлив, что нашел место, где не надо бояться, ждать нападения, и вдруг! Дело не в том, что придется бросить работу, любая страна будет счастлива его принять...

— Это твой профессор? — усмехнулась Люба, но Корнфилд перебил.

— Я думаю, — сказал он спокойно, — что осторожность не мешает, особенно если касается людей, имеющих влияние.

Ольга Маслей

НОЧЬЮ

Меня сегодня утомили
Волненья суеты дневной,
Но медленно в меня входили
Блаженство, радость и покой.
В сравнении с теплом постели,
С биеньем сердца моего —
Казалось, все дневные цели
Теперь не стоят ничего.
Казалось, лучше быть не может —
Чем эта ночь, луна в окне.
Как это чувство непохоже
На смерть, живущую во мне.

А. Величковский

ПЕТЕРБУРГУ

Под травой уснула мостовая,
Над Невой разрушенный гранит...
Я вернулась, я пришла живая,
только поздно, — город мой убит.

Надругались, очи ослепили,
Чтоб не видел солнца и небес,
и лежит, замученный, в могиле...
Я молилась, чтобы он воскрес.

Чтобы все убитые воскресли.
Бог, Господь, Отец бесплотных сил,
Ты караешь грешников, но если б
Ты мой город мертвый воскресил.

Он Тобою удостоен славы
от убийц кончину воспринять,
но ужель его врагов лукавых
не осилит ангельская рать?

И тогда на зареве заката
увидала я на краткий миг,
как на мост взошел с мечом поднятым
Михаил Архистратиг.

Е. Васильева, СПб, 1922

Это стихотворение мы получили из СССР. Елизавета Ивановна Васильева (1887 — 1928) была другом Максимилиана Волошина. — РЕД.

Я УНЕС РОССИЮ

АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ

ГЛ. 2. РОССИЯ В ГЕРМАНИИ

Лидия Сейфуллина

Лидия Сейфуллина была первым советским писателем, с которым я встретился в Берлине. Было это в 1927 году. Помню, в нашей квартире на Бельцигерштрассе зазвонил телефон. Подхожу: "Алло?" — "Это Роман Борисович?" — "Да". — "Здесь Лидия Сейфуллина, я только что из Москвы. Простите, я к вам за справкой. Где тут можно достать третий том *моих произведений*?" Эти "произведения" меня как ножом резанули, ну, сказала бы "моих книг", "собрания сочинений", было бы не безвкусно. Я ответил, что здесь есть большой советский книжный магазин "Международная книга", и там наверняка она найдет свои "*произведения*". Сейфуллина поблагодарила и добавила, что кое в чем хотела бы моей помощи и хорошо бы было встретиться: "Может быть, вы приедете как-нибудь ко мне в пансион?" Я с удовольствием согласился.

В назначенный день пришел в пансион где-то неподалеку от Курфюрстендамм, почему-то там останавливались многие советские писатели. Сейфуллина встретила меня любезно. Маленького роста, типичная татарка, только глаза большие (скорее русские), какие-то темно-зеленые. Веселая, живая, резкая, волосы подстрижены челкой. Голос приятный.

Заговорили о том, о сём. Сразу почувствовалось — Сейфуллина умница и талантливый человек. Литературно тогда она была, как говорится, "в зените славы". Вышло ее "собрание сочинений". Вещи ее переводились на иностранные языки.

Особенно "гремела" — "Виринея", были известны и "Перегной" и "Правонарушители". Держалась Сейфуллина, хоть и просто, но явно "знала себе цену".

Стали пить чай. В разговоре я спросил ее, где она живет? Она ответила: "Во дворце". Надо было бы сказать: "В доме ученых" (он был во дворце). Помню я (вполне искренне) похвалил "Виринею", сказав, что очень хорош у нее народный русский язык. Она залилась заразительным смехом: "Ах, этот мой народный язык! Вот и вы хвалите! А знаете, какой конфуз вышел с Александром Воронским?" — "Нет". — "Ну, я расскажу, он написал обо мне хвалебный отзыв, особенно хваля мой русской народный язык. И как образцы этого народного языка привел, конечно, цитаты. А в цитатах были чудовишные, просто нелепые опечатки, которых в книге почему-то было совершенно несуразное количество, подчас просто диких! Так вот он и выписал именно их — примерами "прекрасного" языка! Я потом его так стыдила!" Рассказывая, Сейфуллина заразительно, хорошо смеялась (от души), как смеются хорошие люди. Смеялся и я.

После этой встречи мы виделись с Сейфуллиной много раз. Как-то попросила она съездить с ней в Полицийпрезидиум, ездили кое-куда и в магазины. В своих очерках о заграничной поездке Л. Н. меня даже увековечила, упомянув, что ездила в Полицийпрезидиум с "товарищем Гулем". Меня же характеризовала, как "тихого и воспитанного". Ну, с "воспитанным" я согласен, но "тихости" я немного удивился. Впрочем, я, конечно, не "громок". Я не Маяковский. Она права.

Думаю, что за наши встречи Л. Н. почувствовала, что имеет дело с "порядочным человеком". Вероятно, поэтому, как-то при мне получив письмо от своего мужа, критика Валериана Правдухина, заговорила о том, что оба они беспокоятся сейчас о судьбе близкого им человека — оппозиционера Слепкова. В противоположность "аполитичности" Серапионов, которых в Берлине я узнал позднее, Сейфуллина "аполитичной" не была, она была "красного цвета", "с убеждениями". Где-то я читал, что в начале революции (с 1917-го по 1919-й год) Л. Н. была эсеркой. Это ей шло. На ней не было "марксистского штампа", скорее эдакая народническая горячность. Чувствовалась чело-

вечность и свободомыслие. За Слепкова волновалась именно "по-человечески". Этого Слепкова, так же как и других "бухаринцев", Сталин "шлёпнул". И не только его: очередь дошла и до Валериана Правдухина, который отдал Богу душу в 1939 году в какой-то тюрьме при "невыясненных обстоятельствах". Расстреляли попросту. Сейфуллину же, вероятно, спасла ее "литературная известность".

Как иллюстрацию ее резкости и прямооты, приведу воспоминание об одном разговоре. Как-то за чаем, в том же пансионе, разговорились о "путях" советской литературы. Мало зная Сейфуллину, я все же — очень мягко (ибо я "тихий и воспитанный") — хотел высказать свою мысль, что все-таки, несмотря на таланты многих, подлинной, *настоящей литературы* в советской литературе маловато. Сейфуллина слушала меня с недовольным, насупленным лицом и это заставляло меня в моих формулировках быть еще мягче. Но вдруг она не выдержала и раздраженно перебила: "Так что же вы думаете, что мы не понимаем, что мы только навоз для какой-то будущей литературы? (так и сказала "навоз", Р. Г.) Что ж вы думаете, мы этого не понимаем?" Признаюсь, я был поражен и резкостью и определенностью ее фразы. И увидел воочию, что живущая "там" Сейфуллина ощущает это гораздо острее и, конечно, больше, чем люди живущие вдали.

Помню еще один интересный вечер с Сейфуллиной. К ней должен был прийти известный немецкий художник Жорж Гросс. Она по телефону попросила меня прийти переводчиком между ними. Гросса я встречал раньше. Это был исключительно талантливый, открытый, своеобразный, интереснейший человек. Не знаю, возможно, что формально он был даже членом немецкой компартии. Но был человеком вполне духовно свободным. Прославился Жорж Гросс (не только в Германии) своими знаменитыми зарисовками "прусских юнкеров". Гросс действительно был первоклассный, острый рисовальщик. Но вечер с Гроссом для Сейфуллиной, по-моему, был неприятен. Как я говорил, Сейфуллина была смелый и открытый человек, но расспросы Гросса о жизни в СССР были чересчур едки. Его интересовала политика (и практика) власти в отношении крестьянства. И он стал ей сразу же задавать совершенно беспо-

щадные вопросы: как, мол, она относится к подавлению крестьянских восстаний, почему они происходили и какова политика власти в этом смысле сейчас? Я, как переводчик, вопросов не смягчал, а иногда и сам присоединялся к вопросам Гросса. И тут я увидел впервые, как Сейфуллина "заметалась". Она была прямой человек и отрицать то, что в душе (я так думаю) сама не одобряла, ей было трудно. Но открыто подтверждать и соглашаться с Гроссом, с известным иностранцем, который мог передать ее слова и другим иностранцам — было для нее тоже невыносимо. И вскоре Гросс (по-моему) понял, что Сейфуллина "в капкане", что она не может правдиво отвечать на вопросы, и тактично прекратил эту тему, перейдя на что-то незначительное. А вскоре и ушел.

Как-то я спросил Сейфуллину, что она сейчас пишет? Ответила: "Ничего. Я же ведь татарка и, как все восточные люди, ленива. По нашей поговорке: "сидеть лучше, чем ходить, лежать лучше, чем сидеть". Через несколько лет Сейфуллиной пришлось "почти замолчать", а потом и "совсем замолчать". В 30-е годы в московских литературных кругах на нее появилась даже некая эпиграмма:

"Люди иные и время иное

Лишь Вириная на Перегное".

Преждевременный склероз всей так называемой "классической советской" литературы — явление давно очевидное. Она — "неперечитываема": все эти "Цементы", "Братья", "Хлеба", "Как закалялась сталь", "Разгромы", "Русские леса", "Железные потоки" и прочее. Это же постигло и "Виринею". В своем предсказании судьбы советской литературы, как "навоза", Сейфуллина была права. Лидия Николаевна Сейфуллина умерла в Москве в 1954 году, 65 лет от роду. В нормальное (не революционное) время, думаю, она могла стать интересным писателем.

Николай Никитин

В первый раз Николай Никитин приехал в Берлин, как и Федин, — в 1928 году. Отметим в скобках: внешне они были друзья, Серапионы, но друг друга здорово недолюбливали. Никитин, по-моему, завидовал большему литературному успеху

Федина, большей известности, большему числу изданных книг. За обедами, выпивками, ужинами с Никитиным мы быстро сошлись, перейдя на ты. Я возил их (Федина, Никитина, Груздева) по Берлину, показывал всякие достопримечательности — от Бранденбургских ворот, картинной галереи (Кайзер Фридрих Музеум), Королевского замка (Шлосс) до пролетарского ночного, похожего на громадный сарай, грязного кабака возле Александерплац — "Цум гутен Хаппен" ("К хорошему кусочку"), где под гармошку, скрипку, две трубы и дребезжащий рояль толпой толкся, ел, выпивал всякий уличный сброд проститутток, карманников, бездельников, любопытных, "изучающих нравы" (вроде нас).

Что сказать о Никитине? Был он, по-моему, несомненно талантлив. В "Литературном Приложении" к "Накануне" в свое время я дал статью о его прозе, хваля. Но талантливость Никитина (как многих литераторов) была чисто техническая, он был литератор-техник: умел "делать прозу", подчас очень здорово (под Пильняка, под Замятина). Но у тех была *своя тема*. А у Никитина темы были чужие, напрокат, *своей темы* у него не было и быть не могло, ибо человек он был душевно пустоватый.

Помню, пришел я к ним в пансион (с ним приехала и его жена Ренэ) и налетел на неприятную сцену. Колька — просто в бешенстве — орал на Ренэ, что она не так выстирала его носки, что она их "испортила" и прочее. Крики его были столь неприятны, что я даже как-то "элегантно" вмешался, чтобы утихомирить: "Ну, носки и носки, купишь новые, да и чем и как можно испортить носки?" Но Никитин был эдакий "бонвиван", любил модную одежду, любил весело, хорошо пожить, вообще был за философию "легкой и изяшной" жизни по Алексею Толстому, но до Толстого Никитину было, конечно, не дотянуться. Толстой мог быть хамом, но и настоящий барин в нем жил.

В "Цум гутен Хаппен" оркестр какофонично играл всякие шлягеры. Но вдруг заиграл "Интернационал". Толпа как гудела, так и гудела. А сидевший рядом со мной Илья Груздев сказал: "Я чуть-чуть по привычке не встал. Ведь у нас, где бы ни заиграли "Интернационал", все должны встать и стоять, пока гимн не кончат". "Здесь можем и посидеть, слава Богу", — пробормотал Никитин.

Недолюбливая Никитина, Федин как-то рассказал о Колькиной литературной завистливости. К какому-то своему роману или повести (не помню уж) Федин почему-то написал "предисловие", чтоб, так сказать, "предпослать его опусу". Но сам чувствовал, что предисловие не удалось и сомневался: печатать — не печатать? Решил собрать всех Серапионов и прочесть его, прося откровенно высказаться. Все, как один, стали отсоветовать печатать, находя предисловие ненужным и неудачным. И только Колька горячо выступил за обязательное напечатание. "Я видел, — говорил Федин, — что Колька именно потому и убеждает меня дать предисловие, что оно явно неудачно и было бы моим литературным минусом".

У меня были интересные разговоры с Фединым, с Груздевым, с Сейфуллиной, с Тыняновым, но с Никитиным никакого серьезного разговора не помню. Всё — анекдотцы, всяческое литературное остроумие, пустячки. Повторяю, Никитин был человек "без задумчивости", всё — по поверхности. Таковы были и его книги — "Камни", "Полёт". Помню, как в том же "Цумгутен Хаппен" Илья Груздев, когда мы были в подпитии, смеясь, говорил, как Колька делает свои рассказы. Сначала пишет рассказ как рассказ, потом берет все четыре тома словаря Даля и начинает шпиговать текст всякими заковыристыми, мудреными, полупонятными народными словами и речениями. "И вот, — смеялся Груздев, — получается *роскошный* русский народный язык!" Думаю, что примерно так оно и было.

И там же Федин рассказал, как однажды на какой-то литературной пирушке подрались Никитин и Есенин. Из-за чего уж не помню, из-за какой-то литературной ерунды да еще с пьяных глаз. "В драке оба упали на пол, катались по полу, как бешеные, — говорил Федин, — и Есенин укусил Кольку в руку, в бицепс да так, что не только руку поранил, а пиджак прогрыз... вот это зубки! ...крепкие!.. мужицкие!.." — "Ну, а потом помирились?" — "Через какое-то время помирились... только у Кольки долго рука болела..." Никитин, улыбаясь, все это подтвердил.

Помню, я подумал: мыслимо ли было бы себе представить, скажем, Вячеслава Иванова и Гершензона дерущимися и катающимися по полу, прогрызая друг другу пиджаки? О снижении культуры (с некой странной бравадой!) писал тогда

где-то Пильняк, что теперешние, мол, советские писатели — "пишут лаптем". Это как у Василия Каменского: "ядренный лапоть пошел шататься по городам!". В Зарубежье Марк Алданов в "Ульмской ночи" говорит: "советская литература элементарна до отвращения". Элементарность это и был "лапоть".

Бездуховность, неглубокость, стремление "вылезти вперед", выпендриться и обязательно получать "самый высший полистный гонорар" — сыграли с Колькой Никитиным (и не с ним одним) зловещую шутку. В 30-х годах он раньше других Серапионов ввалился в "генеральную линию" партии и даже получил за свою соцреалистическую "Северную Аврору" сталинскую премию. А когда в 1946 году секретарь ЦК А.А. Жданов выступил "перед партийным и писательским активом" с своим "знаменитым" разгромным докладом об идеологии в искусстве, громя и "будуарную поэзию барыньки" Ахматовой и несчастного Зощенко за его "Обезьяну", — то из беспартийных писателей в прениях (для "поддакивания" докладчику) выпустили Кольку Никитина. Он долженствовал "изобличить" своего старого друга по Серапионам Михаила Зощенко.

Об этом падении Никитина кое-что есть в литературе. В "Н.Ж." (кн. 129) в статье "Расправа с Зощенко" Крамова писала: "Когда же на кафедре появился Николай Никитин, зал чуть не ахнул... Он стоял белый, как стена, и что-то мямлил... Ну, а как откажешься, если тебя вызвали и "предложили"... Мне даже стало его жаль... Подлец, прошептал кто-то сзади".

Неверно. "Подлец" это Эренбург, шлявшийся с чекистами по Испании в гражданскую войну, оправдывавший эквивоками московские процессы. "Подлец" это Толстой, воспевавший Беломорканал и как член комиссии по расследованию убийства тысяч польских офицеров в Катыни подписавший протокол расследования, сваливавший с коммунистов это чудовищное убийство на немцев. "Подлец" это Лев Никулин, "историограф" "героических" мокрых чекистских дел. "Подлецов" было достаточно. Но Колька, по-моему, не "подлец", он — несчастный брандахлыст. Любил эlegantные носки, шелковые подштанники, английские штиблеты, костюмы от первоклассного портного, всё это и было — верхом блаженства. За сие коммуно-гангстеры и "предложили" ему расплатиться. Лучше чем у Кра-

мовой, ждановское выступление Кольки описано в самиздатском сборнике "Память" (№ 2): "В прениях выступили немногие, в том числе и Николай Никитин, но из-за своего волнения неудачно: один раз перепутал имя и отчество ответственного докладчика — в зале раздался смехок, в другой раз сказал: 'С этой *эстрады*, с которой великий Ленин провозгласил...' — слушатели зашумели, зашикали. Никитин покраснел, запутался и, оборвав себя какой-то короткой фразой о собственном состоянии, сконфуженно сошел с трибуны..."

Помню, в Берлине были мы званы на обед в один буржуазный, богатый дом: я с Олечкой, Груздев с женой (Татьяной), Никитин с Ренэ и Федин. Обед был чудом гостеприимства и кулинарии: и напитки, и закуски — не в сказке сказать, не пером описать. Но гвоздем обеда была все-таки какая-то необыкновенная рыба. Колька Никитин в компании всегда был превосходен: весел, разговорчив, шутлив, находчив, остроумен. За столом все мужчины были уже на взводе — стоял веселый шум и смех. Подвыпивший Колька сидел рядом с Олечкой и то и дело повторял ей: "Ольга, ты потрясающая!". А когда подали эту сверхъестественную рыбу и мы стали ее есть, Колька, придя в полный гурманский восторг, вызвал общий смех и удовольствие, процитировав Хлестакова: "Люблю поесть! Ведь на то и живешь, чтоб срывать цветы удовольствия! Как называется эта рыба? Лабардан?.. Я доволен, я доволен: отличный лабардан-с!"

Весь обед Никитин был в ударе, был "душой общества". А когда мы из этого хлебосольного, гостеприимного дома вышли на ночной, освещенный Курфюрстендамм (эти люди жили на Курфюрстендамм), Колька в восторге орал: "О, счастливейшие черти! Как они живут! Вот это я понимаю! Да если б я так жил с этим лабарданом, да я бы никогда из Берлина никуда не уехал!" Это было, конечно, невсерьез. Ни у Кольки, ни у кого из Серапионов и мысли не было — остаться на Западе. Во-первых, все они были "вполне аполитичны" и вполне довольны своей советской нэповской жизнью. Колькин вскрик-восторг только говорил о том, как он любит "легкую и изящную" жизнь. "Ходит птичка весело / По тропинке бедствий/ Не предвидя от сего/ Никаких последствий". А кто их тогда предвидел, эти бедствия и

последствия? Никто. Умер Николай Николаевич Никитин в Ленинграде в 1963 году, 68 лет от роду. В памяти моей этот жуир Колька оставил милое воспоминание.

Илья Груздев

Из всех Серапионов, которых я узнал в Берлине, Илья Груздев, как человек, был самый хороший. Именно — *хороший*. В Груздеве не было никакой "литераторской" позы, никакой фальши. Он был душевно чистый человек. Искренен, прост, с некоторым юмором. Был Груздев, кажется, из состоятельной купеческой семьи. "Киндерштубе" во всяком случае в нем чувствовалась. В литературе он удобно выбрал охраняющую его от всяких бед тему: Максим Горький, став неким Эккерманом при Горьком. Правда, разговоры с ним Илья, кажется, не записывал (по крайней мере они не публиковались, по-моему), но "первым пролетарским писателем" Алексеем Максимовичем Илья занялся всерьез. Выпускал книги о Горьком для детей, для юношества, для "старшего возраста". Редактировал его переписку, составлял библиографию, следил за изданием его сочинений, одним словом: Горький был доволен Груздевым, а Груздев Горьким. Для Ильи это была и "броня" и материальная база, ибо в те годы о Горьком печаталось всё и немедленно (и оплачивалось, как надо).

Внешне Илья был полн, мешковат, в одежде без всякой никитинской претензии на моду, лицо румяное и очень русское. Легко смущался, краснел. И был мишенью постоянных острот и иронии Федина и Никитина, что меня коробило, и я как-то Федину сказал, что это вечное подтрунивание над Ильей, по-моему, просто свинство. "Да, нет же, Илья уж привык к этому и на нас не обижается", — отвечал Федин.

Помню, шли мы как-то с Ильей по Берлину. В газетном киоске он увидел "Руль" (ежедневная русская эмигрантская газета) и тут же его купил. "Неважная газета", — сказал я. Ответ Груздева меня поразил. "Пусть будет неважная, это не суть важно. Ты не представляешь, *как нам всем там важно*, что тут все-таки выходит свободная русская газета. Не представляешь, *какая это нам там поддержка*". Честно говоря, я тогда удивился

этой "поддержке нам", но с годами понял, что Илья был, конечно, прав. "Вот как-то, — говорил Груздев, — один человек привез в Питер том "Современных Записок" и все мы Серапионы (и не только Серапионы) его перечитали. Там была статья Ст. Ивановича и, представь себе, с этой статьей мы все, ну, решительно все, были согласны, будто кто-то из нас ее написал".

Ст. Иванович (Степан Иванович Португейс) был крайне правым меньшевиком, близким к А. Н. Потресову, и был страстным ненавистником большевизма. К сожалению, я забыл о какой его статье говорил тогда Груздев.

Помню разговор с Ильей о "Дневниках" А. Блока, над рукописями которых Груздев работал для их издания. "Нельзя полностью издать, ну никак нельзя, — говорил Груздев, — ты себе не представляешь, какой там густопсовый антисемитизм... Я был просто потрясен..."

Илье я был многим обязан. Это он протащил в изд-ве "Советский Писатель" в Питере, где он работал, две моих книги — "Жизнь на фукса" и "Белые по Черному". Для этого он познакомил меня в Берлине с приехавшим тогда сюда писателем Лебеденко (автор "Тяжелого дивизиона"), который, по моему, выполнял обязанности цензора в этом издательстве. Так мне показалось. Лебеденко был партийным, но был очень дружен со всеми Серапионами. Произвел он на меня хорошее впечатление — бывший офицер-артиллерист, кажется, капитан, человек "без штампа", живой, общительный, был он серьезно болен (что-то неладное с ногами).

Ни Федин, ни тем паче Никитин — по своему характеру — не стали бы протаскивать ни мою и ничью чужую книгу, ибо были заняты только "своими". Всё что могли сделать в изд-ве — "поддержать словом" при обсуждении рукописи. А Илья дружески взял все на себя. И провел обе книги сквозь Сциллу и Харибду цензуры (с помощью Лебеденко, я думаю).

Правда, эти мои книги быстро разделили участь переизданного в 1923 году в Москве "Ледяного похода", то есть попали в "запрещенные фонды". Но все-таки кем-то где-то читались. Так, после Второй Мировой войны, в 1946 году я получил из Мюнхена письмо писательницы Татьяны Фесенко: "Я знаю

вас давно и знаю, что ваша молодость была тоже полна всяческих испытаний. Еще студенткой, работая старшим библиотекарем литературного отдела крупной библиотеки, я разбирала так называемые "запрещенные фонды". Среди книг, ненадолго допущенных в Советском Союзе, а потом стоявших под семью замками, была и "Жизнь на фукса". Я открыла, начала читать и не могла оторваться..."

А в 1979 году героический человек, известный правозащитник Александр Гинзбург писал мне: "Надеюсь, жена сможет привезти давно ожидавший вас подарок — титульный лист от "Жизни на фукса", когда-то прочитанной мной во Владимирской тюрьме, — со всеми штампами этого заведения с года выхода книги. Видите — читают Вас эки..."

Я знаю, что в советских тюрьмах и концлагерях в библиотеках попадаются книги, на воле запрещенные. Оба эти письма были мне приятны, как всякое читательское признание. Но если "Белые по Черному" меня не ранили, ибо карандаш цензора их пощадил, то по "Жизни на фукса" какой-то цензор прошелся-таки, поставив свои *акценты*, которых не было. Поэтому сей увраж я не люблю. У меня в архиве даже есть фотография 1927 года — я стою голый (в трусах) на пляже Северного моря и моей рукой на обороте фотографии написано: "Роман Гуль купается в Северном море после выхода "Жизни на фукса". 1927".

Илья Груздев был чудесный друг. Когда я выпустил в "Петрополисе" в Берлине исторический роман об Азефе, Савинкове, о Боевой организации партии эс-эров, он стал настаивать, чтоб я прислал ему рукопись, что он проведет и этот роман. В это я никак не верил. Но Илья настаивал и — чем черт не шутит — я послал. Илья меня извещал. Внутри изд-ва (первая инстанция!) роман "прошел" (думаю, всё тот же либеральный Лебеденко!) и уже набран в гранках. Но дальше, увы, я оказался прав. Гранки пошли на прочтение к старому большевику, каторжанину Феликсу Кону, тому, который при наступлении Тухачевского на Варшаву, должен был с Дзержинским, Мархлевским и прочими стать членом польского коммунистического правительства. Это — когда Ленин "прошупывал штыком панскую Польшу". И Феликс Кон наложил резолюцию: "нам не нужны

пособия для террористов". Роман был погребен. Полагаю, Кон, по-своему, по-большевицки, был прав. Но у этой попытки Ильи оказалось некое послесловие.

В 1953 году Вера Александровна Шварц (Александрова), редактор издательства имени Чехова в Нью Йорке, переслала мне письмо из Лондона от (забыл фамилию) что-то вроде Которовского, Качуровского. Письмо хранится в моем архиве в Иельском Университете, но добраться до него мне сейчас сложно. Этот неизвестный мне человек, эмигрант второй эмиграции, в своем письме писал мне, что когда чекисты производили обыск у писательницы Елены Тагер, то нашли эти злосчастные гранки моего романа и "пришили" их ей как "хранение контр-революционной литературы". Разумеется, если б у Елены Тагер этих гранок и не было, ее и без того бы упекли ТУДА КУДА НАДО: в концлагерь иль в ссылку. По советской юстиции, был бы человек, а "обвинение" найдется. Таков был грустный эпилог дружеской попытки Ильи Груздева.

В 1928 году, когда Груздев с женой уезжали из Берлина, а Федин оставался еще, из СССР шли плохие вести об усилении репрессий, о недостатке продовольствия. Мы просили Илью послать мне сразу же открытку, и если сообщения об ухудшении общего положения в СССР верны, то в открытке должна быть фраза: "И дым отечества нам сладок и приятен". Открытка от Ильи пришла. И в ней было: "и дым отечества нам *оченно* приятен". Мы поняли, что положение хуже, чем доходившие о нем слухи.

Не знаю, когда Груздев умер, где и отчего. Но храню о нем теплую дружескую память.

Михаил Слонимский

С Михаилом Слонимским в Берлине я встречался, по-моему, в 1927 году. Он приехал с молоденькой женой Дусей. Довольно высокий, худой, во внешности — ничего примечательного. И человек и писатель был он, по-моему, малоинтересный. А в литературе держался потому, что вырос в "литературной семье". Отец — постоянный сотрудник "Вестника Европы", а дядя с материнской стороны С. А. Венгеров — известный историк литературы.

Я опубликовал критические статьи о многих Серапионах (Федин, Никитин, Всев. Иванов, Пильняк, Зошенко), но о Слонимском сказать что-нибудь мне было трудно, проза его была бесцветна. И я воздержался.

Из разговоров с ним мало что запомнилось, хотя общались мы в Берлине довольно часто. Вот один разговор с ним я запомнил потому, что рассказ Слонимского показался мне просто невероятным. Слонимский как-то рассказал мне, что лет до 12-ти он не знал, что он еврей. "Родители нас воспитывали глупо в высшей степени, с детства мы слышали о себе какие-то басни, что мы русские и какого-то хорошего рода, чуть ли не Рюриковичи (буквальные слова Слонимского, Р. Г.). Мы в это верили. И когда в гимназии, например, в младших классах ученики чем-нибудь обижали гимназистов-евреев, я всегда за них вступался, и мне было приятно сознание, что я заступаюсь за слабых, подвергающихся насмешкам иль обидам. Но вот, когда мне было лет 12, приехала к нам тетка из провинции. Я ее никогда не видел, тетка эта по типу была ярко выраженная еврейка и весьма резкая на язык. И как-то, когда я при ней что-то сказал о нашей "русскости", она вдруг расхохоталась и сообщила мне, что мы настоящие евреи, только крещеные. Для меня это был самый страшный шок в моей жизни (буквальные слова Слонимского, Р. Г.)".

— Но почему? Я этого как-то не понимаю, — удивился я.

— Не понимаете потому, что вы не еврей. И никогда не поймете. А я вдруг понял, что могу стать таким же "угнетаемым" мальчиком-евреем, как те, за которых я раньше в гимназии заступался. Тогда я чувствовал себя сильнее их, ну, как бы это сказать, ну, привилегированней их, что ли, потому и мог заступаться. И вдруг эта привилегированность моя в одну минуту рухнула. Для меня это был шок на всю жизнь, — повторил Слонимский.

Не помню уж как, но в связи с этой темой о еврействе разговор перешел на Мережковских. Слонимский их хорошо знал, они были знакомы домами и он бывал у них.

"А вы знаете, Зинаида Николаевна Гиппиус ведь всегда была большой любительницей задавать людям всякие едкие и каверзные вопросы. Вот она и меня как-то спрашивает:

— Скажите, Миша, вот вы крещеный еврей, русский человек, но вот когда вы узнаете о еврейском погроме, на какой стороне вы себя чувствуете — на стороне громящих или на стороне громимых? Я отвечаю ей вопросом: — А вы, Зинаида Николаевна, на какой стороне себя чувствуете? — Ну, я-то, естественно, на стороне громящих. Но меня интересует, на какой стороне чувствуете себя вы, крещеный еврей, от еврейства совершенно оторвавшийся?”

Обоих Мережковских Слонимский недолюбливал. И рассказал как-то про Дмитрия Сергеевича довольно острый эпизод. Когда генерал Юденич с Северо-Западной армией подступил к Петрограду, в городе большинство людей были уверены, что он возьмет Петроград и этому радовались, как началу конца большевизма. Мережковские радовались явно.

— И вот, — рассказывал Слонимский, — иду я в эти дни по Невскому, вижу бежит-спешит Дмитрий Сергеевич, мы с ним столкнулись. — Куда вы, Дмитрий Сергеевич, так спешите? — спрашиваю. — Да, в Госиздат, говорит, — гонорар получить, а то ведь, как Юденич вступит, всё пропадет... — и побежал. (Я подумал: "Братья писатели, в вашей судьбе что-то лежит роковое", Р. Г.)

Когда компартия пошла на уничтожение попутчества (от "попутчик". Р. Г.), Слонимский, как и Никитин, забыв "серапионство", быстро взяли курс на "генеральную линию". В 1932 году лечившийся за границей Федин писал мне, что к нему неожиданно приехал Мишка и приезд этот "неспроста". По письму это "неспроста" я не понял. А при встрече с Фединым в Берлине он сказал, что он уверен, что Мишка приезжал, конечно, как "порученец" — "узнать, не произошла ли со мной какая-нибудь "эволюция", которая могла бы повести к "невозвращенству". Разумеется, в лоб Мишка об этом меня не спрашивал, а так — очень издали, вокруг да около. Но я сразу учуял, в чем дело, и столь же "тонко" успокоил его и через него "власть предержащую".

Выполняя "генеральную линию" партии в литературе, Слонимский брал темой "врастание интеллигенции в коммунизм", но всё это было за уши притянуто, надуманно, натянуто, без проблеска дарования. Да и тема была непосильная, ибо

интеллигенция "врастала" в коммунизм, главным образом, посредством пуль в затылок.

Ю. Н. Тынянов

Не помню, когда приехал в Берлин Юрий Тынянов. Наверное, в 1928-м году. Но во время его пребывания в Берлине Серапионов, помню, не было. Вероятно, приехали позже.

С Юрием Николаевичем Тыняновым я встречался в Берлине часто. Тынянов был не схож ни с кем из Серапионов. Это был человек гораздо более тонкий, гораздо более интеллектуал, подлинный ученый. Очень мягкий, хорошо воспитанный, приятный в общении и умом и тактом. Он, конечно, не создан был для того, чтобы сойтись с ним вот так — по-русски — "душа на распахну!". Но общение с ним доставляло удовольствие.

Я любил его "Кюхлю" (повесть о Кюхельбекере). И вспоминаю, когда ее читал, вдруг в каком-то месте почувствовал, что у меня на глаза навертываются слезы. Полагаю, для писателя такое читательское переживание — самый ценный отзыв.

Встретились мы с Тыняновым в том же пансионе, где оставались Сейфуллина, Федин, Слонимский. Он попросил помочь ему с покупками. Я помог. Ходить Тынянову не то что было трудно, но все-таки он ходил с палкой и осторожно, у него была страшная "Бюргерова болезнь".

В разговоре о современной литературе, я сказал ему искренне, что пережил, читая "Кюхлю". Он поблагодарил, но скромно добавил: "А знаете, Р. Б., я ведь сначала писал "Кюхлю", как повесть для детей". — "Но вышло не для детей и вышло прекрасно". — "Да, кажется удалось. А "Смерть Вазир Мухтара" читали?" Я честно ответил, что эта вещь меня не увлекла. И Тынянов тут же вышел из положения, сказав: "Знаю, знаю, это ведь экспериментальный роман, он так и был задуман". После нескольких встреч, когда дружеские отношения установились, я пригласил его как-то к нам обедать.

Жили мы тогда в довольно большой квартире в Шарлоттенбурге, Ам Лютцов 13. Нас было много: мать, Олечка, я, брат Сергей, его жена и маленький племянник Миша. Сначала мы с

Тыняновым сидели в нашей большой комнате с окнами, заслоненными громадными, ветвистыми деревьями. В комнату вбежал Миша, но, увидав незнакомого, застеснялся и бросился, уткнувшись в колени Олечки.

— Что ж ты, маленький, испугался, поди-ка ко мне, киска, — мягко проговорил Тынянов, протягивая к Мише руки. Я понял, что Ю. Н. любит детей.

Потом перешли в столовую — обедать. Пообедали хорошо, угостили гостя, как надо. А после обеда я пошел Тынянова провожать. И когда мы вышли из нашей двери на лестницу, Тынянов с улыбкой сказал: "Вот, если б мы так пообедали у нас в Ленинграде, то на другой день на двери, может быть, появилась бы надпись: "Вчера в этом доме ели мясо!". Я ахнул. "Да, да, не удивляйтесь, мы живем трудно". Подходя уже к станции подземной дороги, я спросил Ю. Н., что он думает, как могла бы сложиться моя судьба, если б я вернулся в Россию? От неожиданности вопроса Тынянов остановился и проговорил очень серьезно: "Как? Могу вам сказать. Прежде всего, у вас произошел бы психологический шок такой силы, что не знаю, оправились бы вы от него. Ведь живя в Германии, вы совершенно не представляете тяжести нашей жизни. Вы серьезно думаете о возвращении, Р. Б.?" — "Нет, не думаю, а спросил только вас так, примериваясь..." — "Бросьте, забудьте навсегда все ваши "примеривания". Оставайтесь здесь, где живете человеческой жизнью. У нас душевно жить очень, очень трудно. Из этого прекрасного далёка вы представить себе этого не можете. Но вы поймете это только, переехав границу..."

Тут я хочу сказать о своем "примеривании". Я верил в НЭП, как и другие сменовеховцы и евразийцы, верил, что СССР ходом истории будет вынужден повернуть к нормальной, национальной, правовой государственности. Но для себя — в глубине глубин — я никогда не только не хотел вернуться в то, что называлось СССР, но просто психологически и *не мог* бы этого предпринять. И вот почему. Когда в декабре 1918 года я лежал, пленный, на полу Педагогического Музея в Киеве, в меня внезапно (помимо воли) вошло (будто прорезало все существо) чувство небывалого отвращения ко *всей этой всероссийской революции*, отвращение и ненависть ко всей России, потонувшей в этой бес-

смысленной, кровавой, нечеловеческой мерзости. И тогда я не разумом, а душой и сердцем понял с какой-то сверхъестественной остротой, что в такой России у меня места нет и быть не может. Это чувство было настолько сильно (как при смерти близкого тебе человека), что никакие годы выветрить его не могли. И до сих пор оно живет где-то на душевном дне. Оно-то и дало название этим воспоминаниям — "Я унес Россию": я унес *свою*, настоящую Россию с собой, а в поддельной жить не хочу.

Но желая узнать мнение советских людей, тех, кто со мной был дружен и честен, я почти всем советским писателям в Берлине задавал вопрос: как сложилась бы, по их мнению, моя судьба, если б я возвратился в Сов. Союз? И НЕ ОДИН ИЗ НИХ НЕ ПОСОВЕТОВАЛ МНЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ. При таком "примеривании" Федин принимал всегда некий шутовской тон, говоря: "Ну, если б ты, Роман, вернулся, скажем, к нам, в Ленинград, ну, мы б устроили тебе квартиру. Сейчас у ленинградских писателей мода обставлять квартиры старинной мебелью красного дерева. Ну, получил бы ты какие-нибудь авансы, мы бы это тебе устроили. Ну, обставился бы и ты. А вот дальше? Дальше, честное слово, не знаю, чтобы ты делал у нас? Чтобы стал там писать? Не вижу как-то, просто не вижу..."

Колька Никитин на мое "примеривание" ответил грубовато кратко: "А на хрена тебе отсюда уезжать? Живешь, дай Бог всякому!" Самый категорический ответ дал Илья Груздев. Илья на меня уставился в полном недоумении: "Да ты что, Роман, в уме? Ты же не представляешь и сотой доли нашей жизни. Ну, материально живём, не жалуемся, но в смысле общего безвоздушия, в смысле свободы и независимости, к которым ты здесь привык? ...Брось даже думать об этом!" Столь же определенен был и ответ Ю. Н. Тынянова.

Из Берлина Юрий Николаевич Тынянов на время поехал в Прагу на свидание с Романом Jakobсоном. Оба — формалисты. Не знаю, встречались ли в России: Jakobсон — москвич, Тынянов — петербуржец. Думаю, тогда Роман Jakobсон еще служил в Праге на советской службе, еще не перешел на положение "невозвращенца". По возвращении в Берлин Тынянов о Jakobсоне отзывался дифирамбически: и умница, и эрудит, и талант, и прочее. Говорил, что эта встреча ему много дала.

В последний раз мы с Тыняновым встретились на обеде в той же буржуазной, богатой семье, где с Никитиным, Фединым, Груздевым ели лабардан. После обеда, в общем разговоре, Тынянов упомянул, что у них в Ленинграде в литературной компании иногда возникает такая игра. Один говорит какие-нибудь две стихотворные строки или строфу, а другой узнает, какого это поэта. Тынянов сказал, что в этой игре он часто побивал рекорды. Конечно, хозяева дома тут же захотели устроить игру. И Тынянов действительно отгадывал поэтов блистательно, какие бы ему ни давали строки и строфы. Только дважды сплоховал. Первый раз я процитировал Тынянову:

Какой прибор растет в угрюмом сердце
Какая радость и тоска,
Когда чужую руку, хоть на миг удержит
Моя горячая рука...

Тынянов задумался, развел слегка руками и сказал:

— Не могу вспомнить, по-моему, это что-то из Гребенки.

— Нет, Ю. Н., это Эренбург, — ответил я.

Второй промах Ю. Н. меня немного удивил. Присутствовавшая литературная дама сказала Тынянову:

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой...

Не успела она закончить строфу, как Тынянов перебил:

— Ну, это, конечно, Кузмин...

— Увы, Юрий Николаевич, это Александр Сергеевич Пушкин, — ответила дама.

— Ах, да, да, — смутившись, даже сконфузившись, поправился Тынянов, — ну, конечно же, Пушкин — "Подражание арабскому".

Но это были только два гафа. Во многих десятках стихотворений Ю. Н. блеснул знанием русской поэзии.

Через много, много лет советские эмигранты (уже третьей волны) рассказали мне о страшном конце Тынянова. Я не хотел этому верить, просто не мог себе этого представить: сказали, что Тынянов "спился" (это при Бюргеровой-то болезни, при тыняновской трезвости и скромности). Но в "царстве коммунизма" всё может произойти. Автор "Кюхли", "Подпоручика

Кижэ”, “Архаистов и новаторов” и других прекрасных работ, Юрий Николаевич Тынянов умер в Москве в 1943 году страшной смертью, 49-ти лет от роду.

(Продолжение следует)

South Jamesport. N. Y.

Роман Гуль

★

Идеи? Идеалы? — Идолы!
О, фокусники, лицедеи!
Болотные огни, мы вас увидели,
И мы не верим вам — идеи!

Законами и страхами пугая нас
(Скрижали на горе пустынной!),
Еще стоят поддельными Синаями
Окаменелые пингвины.

Чревовещатели, гробокопатели
Как голос их могильно мрачен!
Всё заменители, всё подражатели
Ты одурачен, околпачен?

Тиранозавры, жабы, кобры, совратители
Пустых умов — мне вас не надо!
Я не хочу вас слушать, лжеучители:
Зачем мне ваша буффонада?

Игорь Чиннов

Семь густых, высоких струй фонтана:
Семь полупрозрачных привидений?
Лучше — души ланей и оленей,
Обитателей Альдебарана!

Кипарисы белые в метели?
Или семь оживших сталагмитов?
Или в ризы светлые оделись
Семеро танцующих джигитов?

Нет. Протуберанцы на Сатурне?
Нет их. Или ангелы и арфы?
Ангелы, я думаю, лазурней.
Но не пляска фурий или гарпий?

Нет, сравните с тем, кто добродушней.
Скажем: души нежные дельфинов
Пляшут под напев арабских джинов
(Чем загробней, милый, тем воздушней).

Глупости. Но пусть другой напишет,
Что мечтам и струям есть граница,
Что взлетов приходится спуститься,
Что нельзя, нельзя подняться выше.

Блеск и трепет. Может, символ рая?
Не струится, кажется, нирвана?
Забавляйся, муза, созерцая
Светлое движение фонтана.

Игорь Чиннов

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПОРТРЕТА

На фотографии, снятой В. Ф. Булгаковым по просьбе Софьи Андреевны 25 сентября 1910 г., в годовщину свадьбы ее с Львом Николаевичем, виден 82-летний старик с недовольным лицом и нахмуренными бровями и прижавшаяся к нему в позе любящей супруги его жена. Ему стыдно, его заставили, упростили позировать для снимка, долженствующего изображать счастливых мужа и жену, как он сам записал в дневнике в тот же день: "Опять просьба стоять для фотографии в позе любящих супругов. Я согласился, и все время стыдно... Мне было больно". В другом месте он по этому же поводу писал: "Неприятное снятие фотографий..."

В этом снимке, почти гротескно, но и трагично обнажающем чувства персонажей, вызывающем у вдумчивого зрителя чувства жалости, стыда и скорби, наглядно выявляется трагедия последнего акта супружеской жизни Толстых: она стоит крепко вцепившись в его левую руку и с деланной улыбкой смотрит поверх его головы. Держу, мол, и не отпущу! Через месяц и три дня, измученный ею, уйдет от нее в осеннюю ночь куда глаза глядят, заболеет воспалением легких и умрет на маленькой железнодорожной станции Астапово.

Ему осталось жить шесть недель полных моральных и физических страданий, ей доживать девять лет в тщетных самооправданиях, раскаяниях, сожалении.

И вот, снимок этот, за который Толстому было стыдно, продолжает воспроизводиться в книгах, в газетах. А любопытные читатели могут прочитать в разных дневниках Л.Н.

Толстого, какие чувства он испытывал тогда к своей жене. Они прочтут, напр., что он прятал от нее свои дневники, в которых хотел искренне написать о своих истинных чувствах и переживаниях, не обижая ее. А она выкрала у него из голенища сапога, когда он спал, дневник "для одного себя". Это было 23 сентября 1910 г. Он тщетно искал дневник и был огорчен, когда узнал, что она его взяла. Они прочтут, что ему с ней жить была одна мука, что у Софьи Андреевны к нему "не любовь, а требование любви, переходящее в ненависть". После того как у нее отпала забота о детях, у нее остался "эгоизм, самое ненормальное состояние, сумасшествие" (28-8-1910). 15 сентября он записывает: "Нельзя говорить с ней, потому что для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею слова, ни совесть — это ужасно. Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее. Вот это-то и ужасно".

13 октября он записал: "Казалось бы, так просто то, что предстоит ей: доживать старческие годы в согласии и любви с мужем, не вмешиваясь в его дела и жизнь. Но нет, ей хочется — Бог знает что хочется — хочется мучить себя. Разумеется, болезнь, и нельзя не жалеть".

14 окт.: "Телесно очень слаб... На столе письмо от Софьи Андреевны с обвинениями и приглашением от чего-то отказаться? Когда она пришла, я попросил ее оставить меня в покое. Она ушла. У меня было стеснение в груди и пульс 90 с лишком. Перед отъездом пошел к Софье Андреевне и сказал ей, что советую оставить меня в покое, не вмешиваясь в мои дела... С.А. взволнована моими воображаемыми свиданиями с Чертковым".

16 окт.: "Сказал за завтраком, что поеду к Чертковым. Началась бурная сцена, убежала из дома, бегала в Телятники. Я поехал верхом сказать, что не поеду к Чертковым, но не нашел ее. Ее искали, нашли в 7-м часу. Ночью трогательно прощалась, признавала, что мучает меня и обещала не мучить..."

Между тем в это время Толстой чувствовал желание вновь писать художественные вещи: "Ночью думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни... о, как хорошо могло бы быть! И как влечет меня это к

себе! Какая могла бы быть великая вещь. И вот задумываю без всякой мысли о последствиях, какие и должны быть в каждом настоящем деле, а также в настоящем художественном..." 2 окт.: "Нынче живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отдалиться от нее (С.А.), от неотвязного чувства о ней, от борьбы внутренней".

26 окт. Л.Н. записал в дневник: "Видел сон. Грушенька, роман, будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет". Толстой задумал написать худож. произведение, в котором герой напоминал бы Страхова, а героиня — Грушеньку из "Братьев Карамазовых". Толстой в это время перечитывал этот роман Достоевского. Намерение не осуществилось.

Еще в августе Толстой носился с мыслью найти новую форму художественного творчества и 25-го в дневнике записал, что сочинил сказку на тему "Всем равно", и в записной книжке, что задумал серию очерков под таким же общим названием. Сказка эта напечатана в т. 38 ПСС.

Гольденвейзер записал со слов Черткова об этом новом художественном замысле Л.Н.: "Я в последнее время не могу читать и писать художественные вещи в старой форме, с описаниями природы. Мне просто стыдно становится. Нужно найти какую-нибудь новую форму. Я обдумал одну работу, а потом спросил себя: что же это такое? Ни повесть, ни стихотворение, ни роман. Что же это? Да то самое, что нужно. Если жив буду и силы будут, я непременно постараюсь написать". Он хотел изобразить в очерках "характеры как крестьян, так и богатых." Это мог бы быть новый период художественного творчества. Но мечтам этим не суждено было осуществиться. Главной причиной этого было то тяжелое положение, которое создалось в Ясной Поляне из-за поведения Софьи Андреевны, оно лишило Толстого необходимого для творчества спокойствия, к которому он так стремился в последние недели своей жизни.

(2 окт. 1910) 3-5 октября Лев Николаевич заболел. 5-го записывает: "Всё болит: печень и голова, и ноги, и ослаб, но лучше. Главное же в моей болезни то, что она примирила Сашу с Софьей Андреевной... Борюсь со своим недобрым чувством к С.А., не могу забыть этих трех месяцев мучений всех близких

мне людей и меня..." Он чувствует, что не может работать. Беспрестанные упреки, сцены: "У нее мысль выставить меня ослабевшим умом и потому сделать недействительным завешание..."

В ночь с 27 на 28 октября он решает уйти из Ясной Поляны. 28 октября он записал: "Тяжесть отношений все увеличивается. Проснулся и опять, как прежние ночи, услышал отворение дверей и шаги... взглянул на дверь и вижу яркий свет в кабинете и шуршание. Это Софья Андреевна что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она требовала, чтобы я не запираю дверей, чтобы малейшее мое движение было ей слышно. И днем и ночью все мои движения, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, отпирание дверей, и она проходит... это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, проворочался около часа... Отворяет дверь Софья Андреевна, спрашивает "о здоровье"... Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс: 97. Не могу лежать..."

Дочь Толстых Татьяна Львовна Сухотина написала о психическом состоянии матери в своем дневнике (21-10-1910): "24-го июня с мама случился сильный истерический припадок, который продолжается до сих пор с очень короткими перерывами и который измучил всех окружающих. Насколько она сама страдает — трудно сказать... Во-первых, нам со стороны кажется, что ей легко переносить все те трагикомедии, которые она затевает, а, во-вторых, потому что истерички наслаждаются своими страданиями и теми мучениями, которым она подвергает других... Пошла жизнь, полная всякого неистовства: угрозы самоубийства, угрозы убить Черткова и т.д."

Здесь нужно заметить, что Т. Л. была любимицей Софьи Андреевны. Александра Львовна пишет о ней: "Мама несравненно больше любила Таню, чем Машу. Они всегда вместе выезжали и всегда оживленно вспоминали это время. Но любовь к матери не помешала Тане быть близкой к отцу и разделять его взгляды. Она никогда резко не становилась на чью-либо сторону и всю жизнь старалась быть связующим звеном между родителями".

22 июня 1910 г. Т. Л.-на записала в дневнике: "Я написала

длинное письмо мама, мягко стараясь объяснить ей всю бессмысленность ее хозяйничания, но получила от нее в ответ письмо, в котором она пишет, что ничего трагичного нет, папа нисколько не страдает и что почему после 48 лет их совместной жизни мы выдумываем, что как будто что-то случилось. Я увидела еще раз, что то, что она 25 лет не понимала, так и остается для нее непонятым... Отец говорил, что единственная цель его жизни — жить со всеми в любви, тем более с ней, после полувека совместной жизни, но что ему трудно... он повторял "надо уйти отсюда, это единственно, что возможно сделать". Он глубоко страдает и борется с собой, со своим желанием уйти и бросить всю эту ненавистную жизнь".

Как известно, он уехал тайком в ночь на 28 октября с доктором Маковицким, оставив письмо Софье Андреевне. Вот что он написал своей жене перед отъездом навсегда: "Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме стало невыносимым... делаю то, что делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни... Не ездите за мной, если узнаете, где я. Твой приезд только ухудшит твое и мое положение, но не изменит мое решение. Благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всем, в чем я был виноват перед тобой, так же как я от всей души прощаю тебя во всем том, чем ты могла быть виновата предо мной..."

Он записал в дневник после бегства из дома, в котором он прожил почти всю свою 82-летнюю жизнь: "Я дрожу при мысли, что она услышит и выйдет сцена, истерика... Ночь — глаз выколи, сбиваюсь с дорожки к флигелю, попадаю в чашу, накалываюсь, стукаюсь об деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, насили выбираюсь, добираюсь до конюшни, вело закладывать..."

На утро, узнав о его бегстве, С. А. в истерике бросилась в пруд, из которого ее, конечно, вытащили; угрожала, что кончит самоубийством, но послала телеграмму на имя Толстого, туда, куда она думала, что он приедет, ложно подписав ее именем своей дочери Александры, требуя, чтобы он вернулся.

Толстой уехал в плохом вагоне 3 класса, где он простудился,

сначала в Оптину Пустынь, где рядом жила его сестра Мария Николаевна, монахиня. Хотел там остаться, но его напугали, что за ним гонится Софья Андреевна и уговорили ехать по железной дороге подальше от его жены, приезда которой он больше всего боялся. И он, простуженный, под утро поехал снова в железнодорожном вагоне, где его болезнь приняла угрожающую форму. Пришлось остановиться на первой станции Рязанской ж.д. и упросить начальника ее поместить Толстого в его квартире. Там он боролся со смертью семь дней. Он и там боялся, что С. А. его найдет и порывался уехать. Перед смертью он в полубреду бормотал: "Надо удирать куда-нибудь..."

Ее пустили к нему, когда он уже потерял сознание рано утром 7 ноября. Она села у кровати, поцеловала его в голову. Все дети были при его кончине, кроме Льва Львовича. В 6 ч. 5 минут Толстого не стало.

Так кончилась совместная жизнь супругов, начавшаяся в 1862 г. Он не хотел видеть ее перед смертью.

В последнем письме к жене Толстой писал из Оптиной Пустыни: "...Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души... Прощай, милая Соня, помогай тебе Бог. Жизнь не шутка, и бросить ее по своей воле мы не имеем права..."

Софья Андреевна прожила еще 9 лет до 1919 года. Деньги, полученные ею за издание сочинений мужа и за продажу дома в Москве, она передала детям. Она жила в Ясной Поляне до самой смерти в той обстановке, какая была при Льве Николаевиче. Татьяна Львовна записала свои впечатления о состоянии и характере матери в своем дневнике 20 дек. 1916 г., когда ей было 72 года: "Мама... слабеет умственно, мало чем интересуется... становится болезненно скупа... но нервами лучше, не сердится, не раздражается... Очень много забывает и всё, что ни расскажет, расскажет неточно. Тетя Т.А. Кузминская читала ее воспоминания и в ужас пришла от их неточности и от отношения к мужу. "Точно она о другом человеке пишет, — говорила тетенька, — я-то ведь видела их жизнь. Видела его любовь и доброту к ней. А у нее выходит, что она невинная жертва деспотичного, жестокого и сурового тирана". И Татьяна Львовна добавила знаменательные слова: "Ох, как трудно будет будущим поколениям разобраться в

этой семейной драме и быть справедливыми к тому и к другой...”

За два дня до смерти Софья Андреевна позвала дочерей Т.Л. и А.Л. и сказала: “Мне хотелось бы сказать вам, прежде чем я умру, что я очень виновата перед вашим отцом. Может быть, он и умер бы не так быстро, если бы я его не мучила. Я горько в этом раскаиваюсь. И еще хотелось вам сказать, что я никогда не переставала любить его и всегда была ему верной женой”.

Ей было трудно жить, она чувствовала бесцельность и пустоту жизни без Льва Николаевича. Еще при его жизни она записала в свой дневник (7-9-1908): “Когда ему хуже (Л.Н. болел), то на меня находит какой-то ужас бесцельности и пустоты жизни без него”. После его смерти она же написала: “Я плохо жила с ним. Меня это мучает”.

Г-Н ХРАПОВИЦКИЙ НЕ РЕШАЕТСЯ ЖЕНИТЬСЯ

Толстой начал подумывать о женитьбе с 22 лет. Он записал в дневнике 20 марта 1851 г.: “Приехал в Москву с тремя целями...” (играть, жениться, получить службу). Про женитьбу: “Благодаря умному совету Николеньки оставил до тех пор, пока принудит к тому или любовь, или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всем противодействовать”. Запомним эти слова.

Про свою будущую жену, Толстой так написал в письме к тетке Ергольской (12-1-1852): “Как представляю себе счастье, которое меня ожидает. Я женат, моя жена кроткая, добрая, любящая... будет хлопотать, чтобы сделать любимое блюдо...”

Смерть брата Дмитрия, увольнение от военной службы, неудачный опыт реформ в своей деревне привели его к мысли, что пора подумать о создании семьи и найти невесту. Он начинает присматриваться к девицам его круга “на выданьи”. Ему 28 лет. 28 мая 1856 г. приехал в имение Судаково к осиротевшим Арсеньевым — дочерям умершего знакомого Толстого, который назначил его перед смертью опекуном детей. “Славная там жизнь”, записал Л.Н. в дневнике и добавил “в Ясном грустно...”. Старшей дочери Валерии Владимировне Арсеньевой исполнилось 20 лет.

26 июня он снова был у них и записал в дневнике: “Валерия

в белом платье. Очень мила. Провел один из самых приятных дней в жизни. Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? Вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе". Она была красивая брюнетка, любила музыку, наряды, была моложе его на 8 лет, мечтала о замужестве и влюбилась в Толстого. Ей по наследству досталось небольшое состояние.

После этого он несколько раз бывал в Судакове. Валерия ему то нравилась, то он критиковал ее вкус ("франтовской капот"). 13 июля он записал: "Валерию дразнили до слез. Она ни в чем не виновата, но мне стало неприятно и я долго туда не поеду. Или это от того, что она слишком много мне показывала дружбы", и добавил: "Страшно и женитьба и подлость — т.е. забава ею. А жениться — много надо переделать, а мне еще над собой надо работать". 25-го, приехав к Арсеньевым, первый раз застал ее не разнаряженной "без платьев" и записал: "Она в 10 раз лучше — главное — естественна. Закладывала волосы за уши, поняв, что это мне нравится... Кажется, она деятельная, любящая натура. Провел вечер счастливо".

В августе и сентябре Толстой заезжает к Арсеньевым, но начинает сомневаться в своем чувстве и, главное, считает нужным исправить Валерию, т.к. он решил, что "Валерия" не способна ни к практической, ни к умственной жизни. Узнав, что она увлекалась учителем музыки Мортье, он начинает ревновать ее и записал: "Странно, это оскорбило меня, мне стало стыдно за себя и за нее, но в первый раз я испытал к ней что-то вроде чувства"... 1 октября он добавляет: "Я не влюблен, но эта связь будет навсегда играть большую роль в моей жизни. А что ежели я не знал еще любви, тогда, судя по тому маленькому началу, которое я чувствую теперь, я испытаю с ужасной силой, не дай Бог, чтоб это было к Валерии. Она страшно пуста, без правил и холодна как лед, оттого беспрестанно увлекается".

В октябре он снова ездит к Валерии. "Не могу не колоть Валерию. Это уж привычка, но не чувство. Она только для меня неприятное воспоминание..." "Смотрел спокойнее на Валерию, она растолстела ужасно, и я решительно не имею к ней никакого, дал ей понять, что нужно объяснение, она рада, но рассеянна".

Наконец 24 и 27 октября в Ясной положение разрешилось: "Валерия пришла смущенная, но довольная. Мне радостно и

совестно... Поехал на бал. Валерия была прелестна. Я почти влюблен в нее". "Приехала Валерия. Не слишком мне нравилось, но она милая девушка, честно и откровенно она сказала, что хочет говеть после истории с Мортье, я показал ей этот дневник, 25 число кончалось фразой: я ее люблю. Она вырвала этот листок".

28-го он писал, что "я совершенно невольно что-то вроде жениха. Это меня злит". Он едет в Москву: "В дороге думал только о Валерии". Таким образом, Толстой объяснился молодой девушке в любви, его считают женихом, но он уехал в Москву и начинает с ней длинную переписку. Это целое литературное произведение из 16 писем, в много страниц, в которых он пишет ей наставления, какой она должна быть, чтобы их семейная жизнь была счастлива; он описывает себя как двойника: хороший и глупый человек в нем постоянно спорят. Глупый готов на ней жениться сейчас же и наслаждаться простым счастьем. Но хороший человек одергивает глупого и требует, чтобы прежде они с Валерией договорились, как они будут жить, чтобы и другим людям, его крестьянам, было хорошо.

В своих письмах Толстой называет себя вымышленным именем г-на Храповицкого, полусонного самодовольного помещика, а ее -- будущей г-жей Храповицкой. "Г-н Храповицкий будет исполнять давнишние свои намерения, в которых г-жа Храповицкая наверно поддержит его, — сделать сколько возможно счастливыми своих крестьян". Он требует от нее огромного труда перевоспитания: "Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство. Любить, как любит *глупый* человек, это — играть сонату без такта, без знаков, с постоянной педалью, но с чувством, не доставляя ни себе, ни другим истинного наслаждения... Нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение ... Я уже люблю в вас вашу красоту, но я только начинаю любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно — ваше сердце и вашу душу ... попробуйте, пожалуйста, определить вперед занятия дня и вечером проверять себя ... работать умно, полезно, с целью добра — превосходно ... Я теперь уже меньше и спокойнее думаю о вас,

чем первые дни, однако все-таки больше, чем когда-нибудь я думал о какой-нибудь женщине...”

13 ноября уже из Петербурга Толстой пишет Арсеньевой о том, как должна сложиться их будущая жизнь, совсем в духе воспитательных романов своего ментора Ж.Ж. Руссо: “Для вас счастье: бал, голые плечи, карета, брильянты, знакомства с камергерами, генерал-адъютантами и т.д. Но так случилось, что Храповицкий и Дембицкая (псевдоним для Валерии, придуманный Толстым) как будто бы полюбили друг друга. Как же им устроиться, чтобы жить вместе — с противоположными наклонностями? Они должны делать уступки друг другу, но тот должен делать больше уступок, чьи наклонности менее нравственны. Я бы готов жить в деревне всю свою жизнь... Г-жа Дембицкая мечтает о том, чтобы жить в Петербурге, ездить на 30 балов в зиму, принимать у себя приятелей и кататься по Невскому... Середина между этими двумя требованиями — жизнь 5 месяцев в Петербурге без балов, без карет, без необыкновенных туалетов, и 7 месяцев в деревне...” “Вырабатывайте в себе силу воли, — пишет он в следующем письме, — воюйте упорно с своими дурными привычками... приучите себя преодолевать дурные наклонности и лень. В Петербурге надо жить на 5-м этаже, иметь не повара, а кухарку. Жить бедно, но честно, где всё, что можно употребить на роскошь, употребляется на отделку квартирки, на кухню, на вино, чтобы друзьям было радостно прийти на этот 5 этаж, на книги, ноты, а не на роскошь внешнюю для удивления болванов...”

19 ноября он спрашивает себя: “влюблен ли я в вас или нет, и я отвечаю: нет, но что-то тянет к вам, кажется, что должны мы быть близкими людьми и что вы лучший мой друг... Я воображаю г-жу Храповицкую в виде маленького провидения для крестьян, как она в каком-нибудь попеленовом платье с своей черной головкой будет ходить к ним в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело и просыпаться ночью с довольством собою и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро, за которое все больше до бесконечности будет обожать ее г-н Храповицкий... он же будет писать, читать и учиться и учить г-жу Храповицкую и называть ее “пупунькой”... ”Занимайтесь больше

и больше приучайте себя к труду..."

Эти нотации, эти утопические миражи будущей полезной жизни надоедали простой и хорошей барышне Валерии и она отвечала ему, что он должен любить ее с ее слабостями, что кокетничать и нравиться она любит, а он может преподавать свои советы либо 14 либо 35 летней женщине. И все же она его любила и готова была выйти за него замуж. Он же твердил свое, и еще 7 декабря 1856 г. писал: "Я опять *преподаю*, но что делать, я не понимаю без этого отношений с человеком, которого я люблю... Любовь не в том, чтобы у пупунчика целовать руки (даже мерзко выговаривать), а чтобы вместе думать и чувствовать..." Однако письмо заканчивается прощанием: "Прощайте милая В.В., из всех сил жму вашу милую руку... на днях пускаюсь в свет..." Так не прощается влюбленный жених, а Т.А. Ергольской тогда же он написал про Валерию: "Я бы желал и очень желал мочь сказать, что я влюблен, или просто люблю ее, но этого нет. Одно чувство, которое я имею к ней, — это благодарность за ее любовь и еще мысль, что из всех девушек, которых я знал и знаю, — она лучше всех была бы для меня женою, как я думаю о семейной жизни..."

14 января 1857 г. он написал ей последнее письмо, в котором он говорил, что не любовь, а дружбу он может предложить ей. Так кончился его "рассудочный роман".

Но Валерия продолжала его любить и, когда в 1859 г. ей сделал предложение Талызин, она написала Толстому письмо осведомляясь, не занято ли его сердце, намекнув, что она предпочла бы выйти за него замуж; он же ответил ей, что одобряет ее жениха Талызина.

Толстой уехал в Европу и там, в Швейцарии в 1857 г. он часто встречался с А.А. Толстой, его троюродной тетушкой всего на 11 лет старше его, к которой у него были не только дружеские чувства, а и легкая влюбленность. И она, по-видимому, отвечала ему взаимностью. Им обоим было очень хорошо, когда они бывали вместе, и этому не мешали ни разница в возрасте, ни разница в положении — она была придворная фрейлина. Во всяком случае, это легкое и приятное увлечение помогло ему еще быстрее забыть Валерию.

Однако Валерия сыграла, хоть и небольшую, роль не только

в жизни, но и в творчестве Толстого. Его повесть "Семейное счастье" — это пересказ его романа с Валерией, рассказанный ею самой через Машу, героиню повести. Там Толстой сделал себя немного старше и назвал Сергеем Михайловичем. Он изобразил весь возможный роман с браком, разочарованиями и примирением, как он мог бы быть у них с Валерией.

Роман написан от первого лица и он наименее "толстовский" из всех произведений Л.Н-ча. Он больше напоминает рассказы и повести Тургенева, чем самого Толстого и это, м.б., причина того, что Толстому после появления его в печати он очень не понравился и он со стыдом говорил о нем.

Из трех возможных вариантов брака (см. выше) у Толстого оставались еще брак по любви и брак "из-за того, что так сложится судьба". Смутное чувство любви и, может быть, влюбленности, Толстой, по его словам, "вероятно" испытал 13-14-летним мальчиком к красивой и толстой горничной Маше, образ которой он использовал для создания образа Катюши Масловой в "Воскресении". Такой же род любви, но уже с мечтами о браке он, наверно, испытал на Кавказе к прототипу Марьяны, в которую влюбился Оленин, герой повести "Казак", и мечтал опроститься и стать ее мужем и жить как казаки. Такая же любовь — физическая страсть — была у Толстого к его крепостной крестьянке Аксиньи, от которой у него был сын, а может быть и два, и образ которой он использовал в повести "Дьявол".

Толстой не раз на протяжении всей жизни с тоской и вожделением обращался к тому образу простой крестьянской здоровой женщине с голыми ногами, жить с которой было бы просто и радостно, и эта трудовая жизнь не создавала бы конфликтов с его убеждениями, с его народолюбием. Но... с кем же будет он говорить о музыке, о литературе, кто будет принимать гостей из его круга, круга графа Толстого? Оставалось ждать брака по воле рока, судьбы. И это роковое случилось с ним в 1862 г.

Толстой записал в своем дневнике "для одного себя" (20 августа 1910 г.): "Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я даже никогда не был влюблен. А не мог не жениться".

Софья Андреевна, "нашедшая" этот дневник, приписала:

"Неправда, в 1862 г. он в "Дневнике" писал: "я влюблен, как не верил, что можно было любить. Я застрелюсь, если она откажет". Не следует, однако, преувеличивать эту угрозу: не написал ли он же в своем дневнике в 1854 г.: "если я ничего не сделаю хорошего для других в течение следующих трех дней — я убью себя", а в другом месте: "если я ничего не сделаю завтра, я покончу с собой"?

Но в 1869 г. Л.Н. писал: "Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится". И сумасшествие, и влюбленность были, и это было то роковое, о чем он писал в конце жизни, что заставило его жениться.

КНЯЗЬ ДУБЛИЦКИЙ РЕШАЕТСЯ ЖЕНИТЬСЯ

Семья Берсов была с детства хорошо знакома Толстому; они были знакомы домами, а жена Берса была полуаристократка — незаконная дочь помещика Исленьева и княгини Козловской, бросившей мужа. Они были соседи Толстых по имению. Она дружила с теткой Л.Н. Толстого. Ему нравилось бывать в доме Берсов, где царило веселье, были славные барышни "на выданьи" и царила атмосфера влюбленности.

Толстой задумал жениться еще в 1861 г. сначала на Лизе Берс, старшей сестре Софьи Андреевны. 22 сентября за год до женитьбы на ее сестре он писал в дневнике: "Лиза Берс искушает меня, но это не будет. Один расчет недостаточен, а чувства нет". Он решает не делать предложения Лизе, но продолжает ходить к Берсам, т.к. его стала привлекать младшая дочь Соня. В ней, как и в ее сестре Тане, было что-то, что по-французски называется "дю шьен", а по-русски можно назвать "изюминка".

23-го мая 1862 г. Л.Н. пишет о Соне Берс: "Ребенок... Я боюсь себя, что ежели и это — желание любви, а не любовь? Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны, а все-таки оно. Ребенок! Похоже". 24-го: "О Соне меньше думаю, но когда думаю, то хорошо". Толстой чувствует одиночество, жалуется, что у него нет друзей. Он замечает, что Соня Берс не красива и вульгарна, но она его занимает (26 авг.). Она дала ему прочитать свою повесть "Наташа", в которой она вывела Толстого в "непривлекательной наружности пожившем князе

Дубличком", который женится на ее старшей сестре Лизе. Это — первый толчок к написанию "Войны и мира". В повести "Наташа" Софья Андреевна вывела сестру Таню, как героиню, а она сама — Елена, хотя и увлеклась временно кн. Дублицким, но устраивает его брак со своей старшей сестрой Лизой.

"Что за энергия правды и простоты, — писал про эту повесть Толстой. — Ее мучает неясность. Всё я читал без замиранья, без признаков ревности или зависти, но "необычайно непривлекательной наружности" и "переменчивость суждений" заделали славно. Я успокоился. Всё это не про меня".

28 авг. он написал Соне мелом на карточном столе начальные буквы слов, по которым она должна была догадаться о его отношении к ней. "Напрасно", добавил он в дневнике и пишет: "Скверная рожа, не думай о браке, твое призвание другое, и дано зато много".

Соня не поняла, что написал Л.Н. мелом, и он потом в письме ей объяснил слова. В дневнике же она написала, что она поняла, как в "Анне Карениной". Написаны были начальные буквы: "Ваша молодость напоминает живо мою старость и невозможность счастья... я требую, чтобы меня любили так же, как я могу любить, но это невозможно. В вашей семье существует ложный взгляд на меня и вашу сестру Лизу. Защитите меня вы с вашей сестрой Танечкой". У Толстого неприятное состояние: он считает, что не должен больше ходить к Берсам, но его неудержимо влечет туда Соня. Он считает, что он не пара ей, будучи старше ее и, как Дублицкий в ее же повести, "поживший".

Доктор Берс считал, что Толстой должен жениться на старшей его дочери Лизе, а не на младшей 18 летней Соне. Он так и не простил этого Толстому и не дал за Соней приданого. Толстой записывает 29 авг.: "Ничего, ничего, молчание (Берса отца). Не любовь, как прежде, не ревность, не сожаление даже, а что-то сладкое — немножко надежда (которой не должно быть). Свинья. Немножко как сожаленье и грусть. Но чудная ночь и хорошее, сладкое чувство. Заставила разбирать письмо (мелом на столе — см. эпизод с Китти и Левиным в "Анне Карениной"). Я смутился. Она тоже. У них была сцена. Всё неестественно..."

30 авг. Опять пошел к Берсам: "Соню к Перфильеву (он

считался женихом Сони) не ревную; мне не верится, что не я... Она говорит тоже: грустно и спокойно. Гуляли, беседка, дома за ужином — глаза, а ночь!" Потом он прерывает лирическое описание: "Дурак, не про тебя писано, а все-таки влюблен, как в Сонечку Калошину и в А. (А. Оболенскую). Ночевал у них, не спал, и все она. "Вы не любили", — она говорит, и мне так смешно и радостно". На следующий день он записал: "И утром такое же сладкое чувство и полнота любовной жизни... Кто-то заговорил, и мне показался ее голос. Крепко сидит, 3-я и последняя (любовь? Н.П.). Не про тебя, старый черт — пиши критические статьи".

Наступил сентябрь, когда все решилось. 3-го сентября он записал: "У них сначала, потом прогулка... Я спокоен. Ехал и думал: либо все нечаянно, либо необычайно тонко чувствует, либо пошлейшее кокетство, нынче один, завтра другой, либо и нечаянно, и тонко, и кокетливо". Она кокетничала, очевидно, с ним. Он переживал ее поведение, как Левин поведение Китти в "Анне Карениной". Дальше в дневнике: "Но вообще, ничего, ничего, молчание. Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой. Мemento! Дублицкий, старый черт, дядя Лявон..."

На следующий день: "Надо ждать. Дублицкий, не суйся там, где молодость, поэзия, красота, любовь — там, брат, кадеты... Вздor — монастырь, труд, вот твое дело, с высоты которого можешь спокойно и радостно смотреть на чужую любовь и счастье, — и я был в этом монастыре и опять вернусь. Да. Неискренен дневник. Задняя мысль, что она у меня, подле меня будет сидеть и читать и... это для нее".

8-го сент.: "Соня отворила, как будто похудела. Ничего в ней нет для меня того, что всегда было и есть в других — условно поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет..." 9-го сент.: "Она краснеет и волнуется... О, Дублицкий, не мечтай... работать не могу, вместо работы написал ей письмо, которое не пошлю. Уехать из Москвы *не могу, не могу*... До 3-х часов не спал. Как 16-летний мальчик мечтал и мучился". Следующие дни то же самое: 10-го он пишет: "Я ушел опять обезнадеженный и влюбленный больше чем прежде... Опять бессонная и мучительная ночь, я чувствую, я, который смеюсь над страданиями

влюбленных. Чему посмеешься, тому и послужишь". 12-го: "Она прелестна во всех отношениях. А я отвратительный Дублицкий. Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться".

Но вдруг наступает в нем перелом: ну пусть он стар и похож на Дублицкого, но он ее любит и это всё решает, всё оправдывает и в дневнике появляются то вызывающие, то гордые, то нежные ноты. Дублицкий, пускай, но он и прекрасен любовью... Завтра пойду к ним утром... Так и хочется сказать всё и при всех. Господи, помоги мне!"

13-го: "Завтра пойду, как встану, и всё скажу или застрелюсь". 14-го 4-й час ночи: "Я написал ей письмо, отдам завтра, т.е. нынче. Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье и такое мне кажется невозможно. Боже мой, помоги мне! 15-го сент.: "Спал только полтора часа... Положение, кажется, объяснилось. Она странная... не могу писать для себя одного. Мне кажется, что скоро у меня уже не будет тайн для одного, а тайны для двух, она будет все читать... Что-то будет?"

В "Войне и мире" Пьер был в восторге, что у него не будет тайн от любимой им Наташи, а тайна вдвоем от всех. Эту высшую степень духовного и сердечного слияния испытывает в это время Л.Н. 16-го сент.: "Сказал. Она — да. Она как птица подстреленная. Нечего писать. Это всё не забудется и не напишется".

Итак, он был влюблен в Софью Андреевну как мальчик. Он считал, что она будет читать всё, что он напишет, и что от нее у него не будет тайн, а тайны будут для двух от всех. Он не думает о том, чтобы сказать ей, как он представляет их совместную жизнь, какой женой он хотел бы ее видеть, какие усилия она должна сделать, чтобы они могли счастливо жить в браке. Он хотел иметь Соню такой, как она была.

И за это он должен был расплатиться. Ему было 34 года, ей 18 лет. Он имел неосторожность дать ей прочесть свой дневник с признаниями своей нецеломудренной жизни. В день свадьбы у него был "страх, недоверие и желание бегства. Торжество обряда. Она заплаканная". Они уехали в день свадьбы в Ясную Поляну 24-го сентября 1862 г., остановившись переночевать в Бирюлеве. И теперь ему все равно. Не важно, что нет приданого и вообще мало денег у них обоих, не важно, что она рыдает,

прощаясь с родными, и обливается слезами во время дороги — свадебного путешествия в Ясную.

3 января 1863 г. он записал в дневнике: "Счастье семейное поглощает меня всего... часто мне приходит в голову, что счастье и все особенные черты его уходят, а никто не знает его и не будет знать".

5 января он записывает настоящую поэму о любви к С.А.: "Люблю я ее, когда ночью или утром я проснусь и вижу — она смотрит на меня и любит. И никто — главное, я — не мешаю ей любить, как она знает, по-своему. Люблю, когда она сидит близко ко мне, и мы знаем, что любим друг друга, как можем, и она скажет: Левочка, — и остановится... Люблю, когда мы долго сидим одни и я говорю: что нам делать, Соня, что нам делать? Она смеется. Люблю, когда она рассердится на меня и вдруг, в мгновение ока, у ней и мысль и слово иногда резкое.. через минуту она уже робко улыбается мне. Люблю я, когда она меня не видит и не знает, и я ее люблю по-своему. Люблю, когда она девочка в желтом платье и выставит нижнюю челюсть и язык, люблю, когда я вижу ее голову, закинутую назад, и серьезное, и испуганное, и детское, и страстное лицо, люблю, когда..."

Еще в 1905 г. Толстой говорил Бирюкову, что о лучшем семейном счастье он не мог мечтать и что Софья Андреевна во всем дополняла его, что он никого не мог так любить (Дневник С.А.). Иногда, однако, Толстой сомневается в правильности своего решения; уже в декабре он пишет (27 дек.): "Мы в Москве, как всегда я отдал дань нездоровьем и дурным расположением. Я очень недоволен ей, сравнивал ее с другими, чуть не раскаялся, но знал, что это временно..."

Когда у молодоженов случилась первая ссора, Толстой заплакал и записал в дневник: "Как жаль, что у нас совсем как у других". Толстой часто плакал, недаром его в детстве звали "Лёвушка-ревушка", плакал от радости, от восхищения, от жалости. С.А. поняла, что ему можно не уступать.

Он начинает жалеть, что он женился; об этом пишет даже в дневнике, хотя знает, что жена будет читать всё и от нее тайн не будет. Он пишет в 1863 г. в дневнике: "Мысль, что она и тут читает из-за плеча, мешает и портит мою правду". Где же мечты, чтобы не было тайн друг от друга, а только тайны от других?

С.А. замечает в своем дневнике, в июле 1863 г.: "Сколько раз в душе он подумал — зачем я женился?"

Тогда же он записал про себя: "Я маленький и ничтожный и я такой с тех пор, как женился на женщине, которую люблю..." Брак Толстого принес ему и счастье, и любовь, и радости, но и страдания, отчужденность и враждебность в конце жизни. Несогласие его жены с его взглядами на жизнь были главной причиной несчастного конца их семейной жизни.

"ЖЕНУ С МУЖЕМ НЕКОМУ СУДИТЬ, КРОМЕ БОГА"

Главная причина семейной драмы Толстого в том, что жена не разделяла его идей, убеждений, его цели и стремления в жизни. Если бы его жена была такой, о которой он мечтал "кроткой, доброй, любящей", если бы она отвечала его идеалу, о котором он писал в письмах Арсеньевой — разделяющей его взгляды на народ, то она поступала бы, конечно, иначе, но тогда она не была бы Софьей Андреевной. Однако Л.Н. не поставил этих условий своей невесте Соне, когда он делал ей предложение. Тут было то роковое, что заставило его забыть об условиях счастливого брака. Она не разделяла его убеждений с самого начала и этого не скрывала.

Вот что С.А. писала 23 ноября 1862 г., меньше чем через два месяца после свадьбы про мужа: "Он мне гадок с своим народом. Я чувствую, что или я, т.е. я как представительница семьи, или народ с горячей любовью к нему Лёвочки. Это эгоизм. Пускай... я вдруг почувствовала, что он и я — по разным дорогам... что его народ не может меня занимать всю, как его не может занимать вся я, как занимает он меня... я, если я только жена, а не человек, так я жить не могу и не хочу".

Когда в 1884 г. Толстой сказал, что ему нужна "ванна деревенской жизни", Софья Андреевна написала ему: "Да мы на разных дорогах с детства: ты любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь, из которой, женись на мне, ты вышел. Я — городская, и как бы я не рассуждала и не стремилась любить деревню и народ, — любить я это всем своим существом не могу и не буду никогда; я не понимаю и не пойму никогда деревенского народа... Когда ты уходишь в эту деревен-

скую атмосферу нравственную, я за тобой болезненно и ревниво слежу и вижу, что тут мы наверное не вместе; и не потому, что я этого не хочу, а потому, что менее, чем когда-либо, могу”.

Неприязнь к народу усилилась у С.А. с ухудшением социального положения в России. В 1908 г. она записала: “Я ненавижу народ, под угрозой которого мы теперь живем”. Но этот народ отстоял Ясную Поляну в 1918 г., когда пришедшие мужики хотели разграбить имение.

Это была та трещина, которая существовала с самого начала между ними и которая превратилась к концу жизни в пропасть. Причина ее во взглядах на жизнь и в характере С.А., в том, что она совсем не была той женой, которую разумом хотел иметь Толстой. Он мечтал о своем надуманном счастье, которое отвечало его идеям, а получил совсем другое счастье. Это не была Валерия, которая подчинилась бы желаниям своего мужа. Это не была простая баба, которая не вмешивалась бы в его дела и идеи, но и не мешала бы ему.

Кто же была Софья Андреевна? Она была дочерью старинной приятельницы Толстых, Любови Александровны Исленьевой, вышедшей замуж за кремлевского врача А.Е. Берса. Она получила хорошее воспитание и считалась невестой молодого Поливанова из хорошей семьи; когда она почувствовала, что граф Л.Н. Толстой влюбился в нее, она была в восторге; она выйдет замуж раньше своей старшей сестры и за настоящего аристократа и будет хозяйкой наследственного имения Ясная Поляна. Ее дочь Татьяна Сухотина писала, что ее мать была пессимисткой и всегда ожидала чего-то плохого. Ее отец Берс говорил про нее: “Бедная Соня никогда не будет счастлива”. Она была человеком долга и честно выполняла свой долг жены и матери. Про себя она писала: “Во мне много страстности, непосредственной жалости к людям, но мало доброты”. Она в дневнике составила список, что она любит и чего не любит. Она не любит вражду, недовольство, пустоту в душе, осень, мужчин (за редкими исключениями)... процесс еды, хозяйство, хитрость, притворство, ложь и т.д. А любит она в душе покой, в голове мечты, любовь к себе людей, наряды, музыку, любит играть роль, украшения, празднества, блеск, красоту, сентиментальность и т.д.

Если бы это Толстому сказала Валерия, он потребовал бы, чтобы она боролась с своими недостатками. С.А. он не решился этого сказать. Ей импонировала роль хозяйки имения Ясная Поляна; когда он стал известным писателем, она стала считать своим долгом ему помогать, переписывая его произведения иногда по нескольку раз. Это продолжалось до 1880-х гг., когда она отказалась больше помогать ему писать произведения, которых она не одобряла.

Когда Толстой отошел от православной веры (но не от христианства), то его жена записала: "Злобное отрицание православия и церкви, брань на нее и ее служителей, осуждение нашей жизни, порицание всего, что я и мои близкие делали, все это было невыносимо. Я тогда еще сама переписывала всё, что писал и переправлял Лев Николаевич. Но раз, я помню, это было в 1880 г., я писала, писала, и кровь подступила мне в голову и лицо, негодование поднялось в моей душе, я взяла листки и снесла к Льву Николаевичу, объявив ему, что я ему больше переписывать не буду, я слишком сержусь и возмущаюсь..."

Софья Андреевна была полуаристократка и Сергей Львович написал в своих воспоминаниях, что вследствие этого полуаристократического происхождения она особенно ценила так называемое светское общество, которое, добавим, Л.Н. презирал и ненавидел. Про свою мать ее любимая дочь Т.Л. написала: "Про нее Лиза Оболенская сказала, что она — женщина феномен. Такое соединение противоположных качеств в одном человеке трудно себе представить". В 1908 г. Софья Андреевна жалуется в своем дневнике на то, что Л.Н. "стал не только чужд, но недобр со мной, да и со всеми. Болезнь ли это, старость ли, но стена, которую создали толстовцы и гл. обр. Чертков между нами".

В своей автобиографии С. А-на писала после его смерти: "Объяснение этого тяжелого состояния Льва Николаевича теперь легче найти. Его убеждения, горячая проповедь о вреде города, денег, роскоши, науки, искусства, его отрицание всего этого было так сильно, что жизнь семьи, не разделяющей этих отрицательных мыслей, была для него невыносима. Ему хотелось сломить человечество, а он не мог сломить себя. Да если б меня убили тогда, чтоб я следовала идеям и учению мужа, я не сумела

бы ни шагу сделать, чтоб переменить жизнь. Я не могла понять, как бы я это сделала и чего от меня хочет Л. Н-ч”.

Тогда же она дает следующую характеристику своего мужа: “Суть его характера я знаю лучше всех. Лев Николаевич — человек огромного ума и таланта, человек с воображением и чувствительностью, чуткостью необычайными, но он — человек без сердца и доброты настоящей. Доброта его принципиальная, но не непосредственная”.

Дочь Т. Л-на писала так про отца, чтобы объяснить огромную его популярность и любовь к нему массы русских людей: “Единственная причина, почему книги, взгляды и жизнь отца настолько выше общего уровня и приковали к нему внимание всего света, это то, что он всю жизнь искренне признавал и из всех сил боролся со своими недостатками, пороками, слабостями... Натура же у него была не лучше многих, м.б. хуже, но он никогда в жизни не позволил себе сказать, что черное — белое, а белое — черное...”

Хорошо Толстой про себя сам написал в письме к А.А. Толстой: “Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться”. Так он и поступал или стремился поступать.

Поведение Софьи Андреевны в последние годы, месяцы и недели жизни ее мужа нельзя также понять, не приняв во внимание того, что я назвал бы комплексом Ксантиппы. Она сама говорила не раз, что не согласна с тем, чтобы в историю она вошла, как Ксантиппа Толстого. И чем больше она его мучила, тем больше она боялась, чтобы ее не считали Ксантиппой, и тем лихорадочнее она принимала свои меры, чтобы этого не случилось.

С этой целью она хотела контролировать все дневниковые записи Толстого и рылась в его бумагах, крадя дневник “для одного себя”, требовала, чтобы ничего не появилось в печати после смерти Л.Н., что могло бы бросить тень на нее. Л.Н. согласился с тем, чтобы Чертков не печатал после его смерти ничего, что могло бы обидеть С. А-ну или бросить тень на их семейные отношения.

Но это ставило С.А-ну в положение зависимости от чело-

века, которого она ненавидела больше всего, которого она угрожала убить. Получился заколдованный круг, из которого она не находила выхода, и это усиливало и ухудшало ее нервное состояние, выводило ее из себя и побуждало на дикие поступки. Если мы учтем, что в то же время С.А. подозревала, что Толстым и Чертковым готовится какое-то завешание насчет его литературных произведений и прав на них после его смерти, то это поможет нам лучше понять ее поведение.

С.А. писала в своем дневнике: "Лучшее, что во мне есть, это чувство долга и материнства". Она была изумительной матерью, обожавшей своих детей. Она считала своим долгом защищать интересы детей от "причуд и фантазий" — вредных и бессмысленных, по ее мнению, — своего мужа, подстрекаемого его новыми друзьями-толстовцами. Этим она оправдывала в своих глазах свое поведение. Отобрать у семьи право на литературное наследство отца в пользу книгоиздателей, вроде Сытина, ей представлялось абсурдным. В этом была своя логика. Но у Толстого была большая совесть и постоянное недовольство собой за то, что он живет в богатстве, тогда как народ терпит нищету, за то, что он не осуществляет на практике того, что проповедует. И вот его духовное детище — его книги — не должны служить для обогащения кого-нибудь, ни даже его детей.

Толстому было стыдно своей жизни в богатстве, своей неспособности бросить эту жизнь и переменить ее из-за нежелания причинить боль жене и детям. Он уже в 1879 г. сказал, что уходит из дома, и только угроза С.А. убежать или устроить скандал заставила его отложить свое решение, но оно было непреклонным и он всегда об этом думал и постоянно это повторял. Страдания своего самолюбия (его мужики Ясной презирали за то, что он с "бабой своей не может совладать: вожжей бы ее, сразу придет в себя") он переносил, как своего рода крест и наказание. Осуждение людьми его нерешительности было ему наказанием и он переносил его как страдание с болезненным как бы даже удовлетворением. Он как бы надевал на себя личину юродивого, став мишенью насмешек и осуждений.

Татьяна Львовна защищала память своей матери от резких нападок на нее после смерти отца. Но в 1929 г. она решительно

выступила и против осуждений отца. Вот что она записала в свой дневник 22 мая 1929: "В последнее время в воздухе носится не только оправдание, но сочувствие ей, и в противовес — осуждение отца... Когда я защищала мать, я не желала этого. Конечно, отец был тысячу раз прав, когда отказывался кому-либо возражать на все клеветы, нападки, подделки..."

Можем ли мы судить и обвинять Софью Андреевну за то, что она так омрачила последние годы и месяцы жизни Льва Николаевича, а его за то, что он тайно от жены написал завешание о передаче народу, как он думал, права бесплатно читать его произведения и прятал от нее это завешание, не желая ее расстраивать, и за то, что он ушел от нее?

Мы можем только скорбеть о печальном конце их жизни и любви. На фотографии, вызвавшей у меня потребность написать эту статью, нет "любящих супругов", а есть два человека с очень несходными, сложными характерами, измучивших друг друга, сами того не желая, но любивших каждый по-своему, которым, может быть, с точки зрения здравого смысла, и не следовало соединять свои жизни, если думать о счастливом конце. Но в чем счастье?

Н. В. Первушин

ДОН КИХОТ

Чеснок, овечий сыр и чечевица
Вино — кислятина и нету книг.
Кихано Доброму уже не снится
Кабацкой девки лучезарный лик.

Легко дается бремя отречений:
Доспехи ржавые — громоздкий груз...
— Не искушай двойник, испанский гений:
"Я от былого разве отрекусь?"

Еще красуюсь, озаряя тазом.
Что золото? Предпочитаю медь.
Заходит ум, израненный, за разум:
Что правда злая рвущемуся сметь?

Мои целуются, впадая, щеки:
Печальный образ избранному дан.
Еще восстану, обличу пороки
И снова раскую я каторжан".

До Страшного Суда вы тот же самый
Тщеславный истинный христианин.
Во имя Божие и имя Дамы
На тощей кляче нищий паладин.

За вами в рай свихнувшийся Рассудок:
Пузатенький, на сереньком осле.
За вами, может быть, и я, придурок,
Еще бренча снующий на земле.

Юрий Иваск

А.А. ЧАЦКИЙ В "ГОРЕ ОТ УМА" ГРИБОЕДОВА

(ПОПЫТКА РАЗВЕНЧАНИЯ ГЕРОЯ)

Большие писатели часто оказываются необъективными критиками. Напомню несколько примеров. И. Бунин не признавал таланта Ф. Достоевского, не ценил пьес А. Чехова. В. Набоков* считал, что в курсе по русской литературе достаточно посвятить десять минут творчеству и личности Достоевского. Роман "Доктор Живаго" для Набокова бесталанен и полон мутной советчины. Солженицын же — третьестепенный журналист, а В. Гете — "пошляк". В истории литературы бывали и обратные случаи, т. е. высокая оценка гением, великим писателем слабого писателя и незначительного поэта. Приведу пример: неумеренные похвалы В. Гете сербскому плохому поэту и великому чудаку — Симе Милутиновичу Сарайлии. Бывает и так, что "дух времени", установившаяся оценка произведения и его героя, увлекают за собою и талант, и ум, и объективность критика.

* От редакции. Дабы не создавать недоразумений, сообщаем, что наша редакция отнюдь не считает Набокова "большим писателем". Одаренность литературного трюкачества и эпатажа (особенно скабрёзного) дана многим снобам и пшютам в литературе. Но это совершенно иная литературная категория, чем "большой писатель". В "большом писателе" всегда наличествует и большая личность. Его не может потянуть порнографическая "слава" (среди международных снобов, конечно) бездарной "Лолиты" и еще более бездарной "Ады". К перечислению Р. В. Плетневым снобистически-глупых заявлений господина Набокова добавим, что ему же принадлежит в одном интервью сообщение, что "Платон — не философ". Р.Г.

В русской критике положительная и похвальная оценка характера, слов и действий Чацкого покоилась не столь на отзыве В. Белинского (он говорит в своей статье больше о Гоголе, чем о "Горе от ума" и Чацком), но на мнениях и аргументах А. Григорьева и особенно И. Гончарова. Статья последнего "Милльон терзаний"* была решающей. Возможно ли считать И. Гончарова вполне объективным критиком? Я полагаю, что нельзя. Если, напр., взять его письмо к А. Пыпину — "Заметки о личности Белинского" (1874 г.), то необходимо отметить известную пристрастность. Гончаров замалчивает многое, оправдывает ряд выпадов, даже таких, где Белинский заявлял о Лукреции Флориани (героиня модного романа Жорж Занд): Лукреция "богиня, перед которой весь мир должен стать на колени!" Гончаров опускает отзывы Белинского о зрелом Пушкине. В этих отзывах читаем: "По своему воззрению Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже совершенно миновала в Европе и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта". Гончаров не мог не знать, как Белинский печатно одобрял в переводе "Гамлета" самовольную вставку в монологе: "У Шекспира этого нет. Так что ж?.. Переводчик вошел в дух Шекспира, освоился..." (Кстати, Белинский не знал ни слова по-английски и толковал о достоинствах двух переводов!) Гончаров не признает недостатка образования у Белинского, затушевывает его полнейшую зависимость в философских вопросах от мнений приятелей, знавших иностранные языки. В статье-письме ясно желание выгородить Белинского. Замалчивается многое, затушевывается невыгодное при признании горячности, а порою и непоследовательности Неистового Виссариона, как звали Белинского некоторые современники.

Обратимся теперь к "Критическому этюду" — "Милльон терзаний". Основные положения этой большой статьи (около 34 страниц) можно свести к двум пунктам. 1) Чацкий впадает в расстройство нервов, добиваясь от Софьи: любит ли она его или нет. Отсюда-де его нетерпимость, преувеличения, отчаяние и гнев. 2) Чацкий ценен, как обличитель дурного, закоснелого,

* Собр. соч., т. VIII. М. 1955, стр. 7, 13, 15, 19, 22, 32 - 34.

эгоистического общества. По Чацкому старшие чиновники — "подлейшего житья подлейшие черты", или "За дряхлостью лет к свободной жизни их вражда непримирима". Гончаров пишет: "Главная роль, конечно, — роль Чацкого, без которой не было бы комедии, а была бы, пожалуй, картина нравов ... Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен... У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен... Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в пословицу: "один в поле не воин". Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва". Далее Гончаров полагает, что те критики ошибаются, которые считают, что в Чацком мало жизненности и это "абстракт, идея, ходячая мораль комедии, а не такое полное и законченное создание, как, например, фигура Онегина..." И с этим несогласен автор "Обломова", тут-де действует закон драматической формы произведения, "Евгений Онегин" же эпическое. С этим положением трудно согласиться, если вспомнить, напр., тип Хлестакова и его обрисовку в "Ревизоре" Гоголя. Знает Гончаров и об отрицательном суждении об уме Чацкого Пушкина: "Сам Грибоедов приписал горе Чацкого его уму, а Пушкин отказал ему вовсе в уме". Здесь, вероятно, подразумевается письмо поэта к А. А. Бестужеву, где читаем следующее: "Теперь вопрос. В комедии "Горе от ума" кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело..."

Однако большинство критиков и в новейшее время (см. работы Вл. Орлова*) считали, подобно Гончарову, Чацкого и умным, и дельным, и добрым героем. Вот именно в его-то характере, словах и действиях я и попробую разобраться. Вперед же упомяну, что в русском литературном кружке в Филадельфии

*"Грибоедов. Очерк жизни и творчества". М. 1954.

в юбилейный 1979 год шел спор о "Горе от ума" и его действующих лицах. Судя по газетам, одни из присутствующих обвиняли Грибоедова в неумеренном и излишнем сгущении красок, в неправильном представлении Москвы и москвичей 1820-х годов, тогда как другие защищали автора и его взгляды. Сошлись же, кажется, на том, что Москва 1970-х годов и ее элита хуже изображенной Грибоедовым.

Такой спор, по моему мнению, совершенно беспредметен. Конечно, Москва и москвичи в "Войне и мире" Л. Толстого привлекательны, симпатичны, часто патриоты, во многом люди чести и совести. Да и "Грибоедовская Москва" под пером М. Гершензона нам приятна. Грибоедов же — сатирик! Эдак бы можно упрекать и Гоголя в "Ревизоре" за изображение сплошь отрицательных типов, за судью, берущего взятки борзыми щенками, за невежду лекаря, за городничего — тирана и взяточника, упрекать и говорить, что не все же люди, не все чиновники были так плохи. Но сатира есть сатира, комедия нравов и быта должна насолить и... пересолить, обличить и подчеркнуть зло в обществе, в социальных отношениях, в формах быта. Речь же наша идет о том, насколько главный герой комедии и любимец автора положительный тип, представитель разума и добра.

Прежде чем начать анализ действий и слов Чацкого, позволю себе несколько замечаний о тексте комедии "Горе от ума". Известно, что полностью при жизни Грибоедова она не была напечатана, что лучшими списками считаются Ф. Булганинский и Музейный, но и они несовершенны. Неоспоримо: "Горе от ума" и "Ревизор" — лучшие комедии русской литературы XIX века даже при ряде неувязок и анахронизмов в произведении Грибоедова. Привожу только наиболее существенные. 1) Служанка — субретка шесть раз названа Лизанька, а затем все время только Лиза. 2) Чацкий спрашивает Софью: "А тетушка? все девушкой Минервой? Все фрейлиной Екатерины Первой?" Но Екатерина Первая (Скаврнская) стала императрицей лишь в 1725 году и умерла в 1727 г. Сколько же лет упомянутой тетушке? Судя же по дальнейшим словам Чацкого о тетушке: "воспитанниц и мосек полон дом", что в духе именно некоторых фрейлин Екатерины Второй, о ней и речь? Все в комедии, и сам Чацкий, говорят о его трехгодичном непрерыв-

ном отсутствии и езде по Европе. В то же время он замечает офицеру в отставке — Горичу: "Не в прошлом ли году, в конце, в полку тебя я знал? Лишь утро: ногу в стремя и носишься на борзom жеребце..." И тут же он, в болтовне с женою Горича, подчеркивает, что отсутствовал три года. Легко найти еще и другие мелкие недочеты, не уменьшающие блеска речений и живых фразеологизмов комедии. Возможно, что, готовя к печати "Горе от ума", Грибоедов исправил бы ряд недостатков текста и даже черт характера главного героя. Но чего нет — нет. Личность Чацкого я разбираю по десяти пунктам — упрекам. 1) Невежливость-неучтивость, невоспитанность совершеннолетнего человека. 2) Неумение владеть собою. 3) Ненастоящая любовь к Софье. 4) Неспособность быть благодарным. 5) Слабое отечестволюбие. 6) Остроличное свободолюбие и забвение своих крепостных и их положения. 7) Безделие в Европе — пребывание на "кислых водах". 8) У Чацкого трудно найти новые идеи и свежие мысли. 9) Не умеет, не может догадаться, кому и что можно говорить, не видит, что его не то что понимать, а и слушать не хотят. 10) Нечуткость для влюбленного непростительная: все ясные слова и намеки Софьи перетолковывает в свою пользу или их не понимает. Глупо дает оружие в руки врагам, говоря сам несколько раз о своем сумасшествии.

1. Можно ли человеку более чем вдвое старшему, да еще возможному тестю, в доме которого он жил в детстве и отрочестве и получал бесплатно образование и знание иностранных языков, возможно ли за три года отсутствия не написать двух слов? А на вопрос о сватовстве спросить: "А вам на что?" На столь невежливый и просто глупый вопрос Чацкий получает отповедь Фамусова:

"Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни,
По крайней мере искони
Отцом недаром называли".

На похвалы Фамусова уму и литературной деятельности Чацкого, он, в присутствии незнакомого ему полковника Скалозуба грубо говорит Фамусову: "и похвалы мне ваши досаждают". Фамусов просил Чацкого "помолчать, не велика

услуга", т.е. не критиковать всё и вся в присутствии Скалозуба. Но герой комедии с места в карьер налетает на москвичей, на их любовь к военным, на их предрассудки, на суждения старших, не замечающих-де "об себе: что старее, то хуже". И все это и еще горшее Чацкий говорит при Фамусове и о Фамусове, с которым, однако, при встрече дружески обнимается! Малоознакомому Молчалину на вопрос о незнакомой Чацкому даме он отрезает: "С ней век мы не встречались. Слыхал, что вздорная". Или о начальнике отделения Фоме Фомиче Чацкий насмешливо восклицает: "Хорош! Пустейший человек, из самых бестолковых". Зачем все это говорить Молчалину? Чего хочет добиться Чацкий? Сплетен? Пересудов? Думает переубедить Молчалина, которого презирает? А как невежлив вопрос о дяде Софьи: "Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?"

2. Александр Андреевич Чацкий совершенно не владеет собою. На совет Фамусова: "С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров", раздражается несдержанной, полубезумной для слушателей, речью. Чацкий признает:

"Да, мочи нет: мильон терзаний
 Грудь от дружеских тисков,
 Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
 А пуще голове от всяких пустяков...
 Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
 И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
 Нет! недоволен я Москвой..."

Весь кипя гневом, он с жаром ораторствует долгонько против увлечения французоманией и внезапно замечает:

"Я, рассердясь и жизнь кляня,
 Готовил им ответ громовой,
 Но все оставили меня..."

Его не хотят слушать, отходят от говоруна. Чацкий, не владея собою, и после первого фиаско опять начинает ораторствовать: "... Глядь..." ("Оглядывается, все в вальсе кружатся, с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам"). В четырнадцатом явлении Чацкий вопит:

"Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!"

Но не сказал ли он Софье сразу по приезде на ее вопрос и замечание: "Гоненье на Москву. Что значит видеть свет! Где ж лучше?" — "Где нас нет".

Пустейший болтун, бесструнная балалайка — Репетилов, спешно уезжая, приказывает своему слуге: "Поди, сажай меня в карету, вези куда-нибудь". Не уезжает ли сходно Репетилову и Чацкий "куда-нибудь", искать по свету некий уголок своей обиде на Софью и москвичей? Он в сути дела убегает без цели, без дела, без самообладания.

3. Действительно ли Чацкий столь сильно и искренно любит Софью? И тут возникают у меня серьезные сомнения. Возможно ли любящему верно и страстно и беспокойно: "Ах! тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет", возможно ли не писать любимой письма три года, не дать знать о себе, не поделиться с подругой детства и отрочества своими впечатлениями и переживаниями? Такая психология искренно любящего и хорошо знакомого любимой совершенно непонятна. По приезде в дом Фамусова, видя явную холодность Софьи, Чацкий упорно добивается, кого она любит, и произносит исключительно характерные слова:

"Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом,
От сумасшествия могу я остеречься;
Пушусь подалее — простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься".

Чацкий, увы, совсем не думает, что он три года уже развлекался, что пора бы подумать о работе, о службе, о занятиях, о литературе. Он вновь желает "развлекаться" и не на тех ли "кислых водах" (курорте), о которых вспоминает Лиза?

Сам же герой замечает о себе и своих путешествиях: "хотел объехать целый свет, и не объехал сотой доли". Любя столь сильно, а не общаясь письменно за все три года, он непонятнее, чем Софья. Она говорит:

"Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом случаем, из чужа, из далека —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?"

Софья не влюблена в Чацкого, она увлечена бесцветным Молчалином, но она все же вспоминала прежнюю дружбу с Чацким, справлялась о нем и это понятно. Любопытно, что, мучась сомнением, кого любит Софья, хотя она очень ясно выразила свою любовь и словами и обмороком при падении с лошади Молчалина, Чацкий и не думает бороться за свою любовь, попытаться вернуть к себе расположение и дружбу Софьи. Грубо и глупо он нападает, он насмехается перед Софьей над тем, кого может считать своим соперником.

4. О неблагодарности по отношению к Фамусову и говорить нечего. Он забыл и хлеб-соль, и ученье, и добродушие Фамусова, в доме которого был явно принят как родной.

5. В начале комедии Чацкий радуется приезду на родину: "Когда постранствуешь, воротисься домой, и *дым отечества нам сладок и приятен!*" Так он повторил известный стих Г. Державина. Но вскоре "дым отечества" уже ест ему глаза. "Душа здесь у меня каким-то горем сжата... Нет! недоволен я Москвой".

6. Чацкий свободолюбив, жаждет независимости. Бранит помещиков, у которых за долги распродают поодиночке крестьян, не думая о их семьях. Упреки справедливы, однако он сам забывает о своих крепостных. Фамусов подчеркивает: "имением не управляй оплошно". Четыреста душ крепостных крестьян Свободолюбца дали ему средства на поездки по Европе; да мог ли Чацкий и оплошно управлять имением, отсутствуя три года! Герой наш нигде не выражает желания освободить своих крестьян или перевести их хотя бы на положение вольных хлебопашцев. Можно бы легко ему заметить по басне И. Крылова: "Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться". Хорошо о таких, как

Чацкий, написал Некрасов в поэме "Саша": "...Книги читает да по свету рыщет — дела себе исполинского ищет, благо наследье богатых отцов освободило от малых трудов".

7. Ни единым словом герой комедии не упоминает о работе, о своих трудах за время поездок и пребывания в Европе.

8. Чацкий возмущается отсталостью старшего поколения, их презрением к науке и философии, их суждениям "из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма". Возможно, негодование его справедливо. На поверку же в речах героя-критика мы не находим ни новых идей, ни дальних мыслей. Он гневно, просто с пеной у рта, критикует галломанию, но это же делает и представитель старшей генерации — Фамусов. Это старое недовольство еще XVIII века, вспомним Д. Фонвизина, вспомним русского поросенка, из Парижа воротившегося "свиньей". Чацкий за просвещение, за книги и их чтение. Он бранит век минувший, век Екатерины Второй. Но вспомнить бы следовало: в 1763 году вышло из печати около тридцати разных романов по-русски. В 1793 году, за три года до смерти Екатерины Второй, напечатано уже сто двадцать восемь! Переведены десятки шедевров западноевропейской литературы, родились общественные журналы, где смели даже критиковать мнения императрицы.

9. По мнению Пушкина, Чацкий неумный человек. Его тирады обращены не по адресу и встречают то отпор, то недоумение или пренебрежение. В ряде случаев его просто не слушают.

Чацкий доходит и до смешного, считая фрак одеждой, созданной "рассудку вопреки, наперекор стихиям". Чацкий не хочет служить, чтоб не прислуживаться: "Служить бы рад, прислуживаться тошно". И не подумает Чацкий попробовать служить без прислуживания и подслуживания, как сам А. С. Грибоедов.

10. Чацкий просто неспособен, не в силах понять не только намеки, но и откровенные слова Софьи. Она ясно, недвусмысленно выражает свои мысли и чувства. Заметил, однако, Чацкий при встрече: "Удивлены? и только? вот прием! Ни на волос любви!.." Софья и дает, и произносит в лицо герою ряд беспощадных замечаний и упреков:

"Случилось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
 Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
 Хоть не теперь, а в детстве, может быть...
 Убийственны холодностью своею,
 Смотреть на вас, вас слушать нету сил...
 Зачем же быть, скажу вам напрямик,
 Так невоздержну на язык?
 В презренье к людям так нескрыту?
 Что и смирнейшему пощады нет!"

Софья признается Чацкому, что с Молчалиным "Бог нас свел", и попутно так характеризует ум и действия Чацкого Чацкому же:

"Конечно, нет в нем (Молчалине) этого ума,
 Что гений для иных, а для иных чума,
 Который скор, блестящ и скоро опротивит,
 Который свет ругает на повал,
 Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
 Да эдакий ли ум семейство осчастливит?"

Софья открыто говорит о Молчалине нашему герою: Молчалин "чужих и вкривь и вкось не рубит, вот я за что *его люблю*". Все колкости, шпильки, вся откровенность Софьи не убеждают Чацкого до последней сцены. Правда, в середине комедии он что-то видит: "Ах! Софья! Неужели Молчалин избран ей! А чем не муж? Ума в нем только мало; но чтоб детей иметь, кому ума недоставало?" Однако он вскоре опять ничего не понимает, не глядит правде в глаза, не хочет видеть фактов любви Софьи к Молчалину. Он глух и слеп на ее резкости, на пренебрежение просьбой его войти на минутку в ее комнату, вспомнить старое.

Что же представляет собою Чацкий, кому он сродни в середине двадцатых годов XIX века? Ближе всего он к друзьям декабристов. Сомнительно, чтоб Чацкий мог убить героя 1812 года М. Милорадовича на Сенатской площади, или в испуге убегал в Австрийское посольство. Скорее всего к нему приложима эпиграмма Грибоедова о самом себе:

"По духу времени и вкусу
 Он ненавидел слово раб,

Зато попался в Главный штаб
И был притянут к иисусу”.*

Разобрались бы в его непричастности к бунту и отпустили. Чацкий же полагает во многоглаголении найти спасение. Без передышки, захлебываясь, течет часто его речь, его монологи. Историк В. Ключевский считал “Горе от ума” самым политически острым произведением первой половины XIX века. Чацкий — обличитель, критик общественных неурядиц и недостатков — был поднят на щит либеральной и левой прессой. Он-де за новое, он за свободу! Либеральной печати было совершенно неважно разбираться в характере слов и язвительных тирад этого героя, а важно было то, что он критикует, он обличает!

Блестящий стиль и язык разностопных ямбов комедии создал несколько десятков пословичных изречений, фразеологизмов и остроумных выражений. Многие изречения из комедии Грибоедова вошли в золотой фонд русского языка. Вспомнив Пушкина, Гончаров сказал, что эти изречения из “Горя от ума” есть “миллион разменянный на гривенники”. Но проблемы стиля и языка, типы и характеры других лиц комедии не входят в наш этюд, это особая тема.

Р. Плетнев. Монреаль 1980

* Тогда значило попасть под следствие.

НА МАСЛИЧНОЙ ГОРЕ

Спина верблюда, хвост осла,
Машин, туристов — без числа.
Мы шли, дорога вверх ползла,
А в сердце не было тепла.

К воротам группа подошла,
Табличку ветхую прочла —
"Сегодня заперто. Дела!.." —
Таксист гудел из-за угла.
А мы стучали. Отперла
Послушница. Её метла
Сгребала хвою, сор мела.
Нет, в сердце не было тепла.

Но я себя превозмогла,
Я в дверь открытую вошла,
Купила свечку и зажгла.
Но в сердце не было тепла.

А служба медленно текла.
Монашенка, лицом светла,
Вся в чёрном, руку поднесла
К губам, и в сад нас увела.
Тропинка розово-смугла,
И пахли розы и смола,
Как благовонные масла,
А в сердце не было тепла.

Жара тяжёлая текла,
А в сердце не было тепла,
И на ступени тень легла
Олив, и каждая была
Седым-седа, белым-бела,
А в сердце не было тепла.

И вдруг звонят колокола.
Монашенка, лицом светла,
Ко мне поближе подошла,
И улыбнулась, обняла.

И снова бьют в колокола,
Опять поют колокола,
Не устают колокола...
А в сердце не было тепла.

Монашенка, лицом светла,
Тихонько руку подняла,
Перекрестила и ушла.
Я встрепенулась: я была!

Лия Владимирова

*

Ты мне свободно позволяешь
В твой теплый океан входить.
Ты волны нежные вздымаешь,
Чтоб к берегу скорей доплыть.
Но выходя из волн на ветер,
Мы ежимся в холодной мгле.
Мир пуговиц, шнурков и петель
Пристегивает нас к земле.
И мы с тобой слегка подобны
И подражаем невзначай —
Той паре, что в слепом ознобе
Когда-то покидала рай.

А. Величковский

СВЕТ И ТЕНИ РУССКОГО СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

(1960 — 1971)

Эта рукопись является конспектом доклада, который я в свое время прочел в Сорбонне по случаю однодневной выставки работ М.В. Горчилиной, З.П. Комиссаренко, А. Быстренина, М.Е. Архангельского и М.М. Шемякина. Я публикую этот текст как документ и свидетельство, которое можно приложить к уже обильной литературе о советском русском современном изобразительном искусстве. Среди неофициальных советских художников следует обратить внимание на ленинградскую "Школу Стерлигова" под знаком "мистического реализма" (с развитием теорий и практики К.С. Малевича и П.Н. Филонова); эта школа продолжает свою деятельность и по сей день под руководством жены Вл. Стерлигова, Т. Н. Глебовой.

И. Маркадз, ноябрь, 1979

Существует распространенное и укоренившееся мнение, что Россия вообще не страна живописной культуры; это мнение преобладало даже среди русских художников, работавших за границей. Нужно сказать, что Запад сделал всё, чтобы это мнение утвердилось. И все же... страна, где иконопись доведена до совершенства, чье народное искусство является одним из богатейших в мире, страна, которая в первой четверти XX-го века стала одним из главных источников, из которых вышло современное искусство — такая страна, казалось бы, не должна выступать как "бедная родственница" во всемирной истории искусств; во всяком случае, в способности русских передавать

действительность в форме и цвете сомнений быть не может.

История России, развивавшаяся рывками, катаклизмами, препятствующими гармоничной и непрерывной эволюции, отчасти объясняет впечатление хаотичности, производимое русским искусством, и отсутствие в нем преемственности. Если в начале XX-го века Россия пережила невиданный художественный взлет, артистическая жизнь ее кипела, эстетический уровень ее достиг мирового масштаба, а заимствуя у Европы, она одновременно вносила и свой вклад, из которого большая часть искусств Европы и Америки черпает до сих пор, то декрет ЦК ВКПб от 23 апреля 1932 г. "О перестройке литературно-художественных организаций", уничтожавший все группировки, за-прещавший всякую личную инициативу, создавший в каждой республике и автономной области Союзы художников, а затем и пресловутый Центральный Союз художников СССР, погрузил на долгое время русскую художественную жизнь в посредственность и серость. К этому следует прибавить определение социалистического реализма, провозглашенное на I-м съезде советских писателей в 1934 г., подействовавшее самым реакционным образом, как возврат к технике и тематике реалистической живописи XIX века. Это была концепция утилитарного "искусства" с определенным назначением служить "учебником жизни" (как писал Чернышевский). Чудовишный рост сталинизма и ждановщины шел в ногу с распространением пошлости и провинциализма в живописи, скульптуре и архитектуре 30-х и 40-х годов.

То, что происходит нынче в советской живописи, скульптуре и даже в архитектуре, всего лишь слабый ответ 20-х годов; и поныне эти годы остаются полюсом притяжения для молодых и не очень молодых художников, решившихся идти до конца в своем творчестве, следуя только "внутренней необходимости", о которой говорил Кандинский в своем труде "О духовном в искусстве".

Естественно, все, что создается в советском искусстве, проходит через цензуру Союза художников СССР и Министерства культуры. Авангардистское искусство может "подать голос" только на "диких" выставках, вроде тех выставок-молний на несколько часов, слухи о которых до нас

периодически доходили.

Выставка Шемякина в Новосибирске в 1967 г., после выставок больших мастеров 30-х и 20-х годов: Роберта Фалька, Лисицкого, Филонова, была осуществлена лишь благодаря *одинокому* мужеству тогдашнего директора галереи Академического городка — Макаренко, впоследствии устранившего с этой должности за переписку с Шагалом и за "спекуляцию". Кинетическая живопись, возглавляемая Львом Нусбергом, продолжала жить, поскольку она не рассматривалась как искусство, а как ответвление техники. Поэтому его группа "Движение" получила официальные заказы и устраивала выставки. Но все это капли в море. Эти отдельные проблески не дают представления о напряженной, подпольной художественной жизни особенно в Москве и Ленинграде. Единственная возможность работать для художников, официально не признанных, это заниматься своим искусством помимо основной профессии. Например, скульптор Максим Архангельский — физик. Художник Муравьев работает над книжными иллюстрациями, другие — чертежники. Их произведения рождаются в замкнутом пространстве, в некоем духовном гетто. Они группируются по признаку общности, показывают свои работы друг другу, друзьям, проезжим иностранцам. Спорят, критикуют, хвалят и это создает видимость художественной жизни. Но всем этим художникам не хватает подлинного контакта с публикой, той атмосферы, которая давала бы импульс. Многие творят с ощущением, что это только для себя, без надежды, что их произведения могут быть кому-либо интересны.

Помимо отсутствия контакта с публикой, с печатью, хвалящей или критикующей, отсутствует контакт и с эстетическими поисками, а это необходимое условие творчества. Потому современные советские художники так часто и топчутся в своих одиноких поисках, с усилием преодолевая давно пройденные этапы и с трудом находя то, что было уже найдено более сорока лет тому назад.

Существует и другая опасность, присущая живому русскому искусству: это далеко не свойственное России вообще, но отзывающееся на ней тяжелее, чем на Западе или в Америке, стремление нравиться иностранцам, неискренность, которая так

же плоха, как и бесталанная искренность. Религиозные сюжеты запрещены, иностранцы же проявляют интерес к изображению религиозных мотивов — часто небескорыстный, а американцы такие произведения покупают; и вот пишутся православные кресты, улицы Богородицы, церковные свечи, купола, — раз это нравится и продается!

Есть и еще одна тенденция к неискренней живописи — это "московские сувениры", как существуют парижские сувениры. Тут и церкви, и кремли и пр. Весь этот фольклор, считающийся авангардистским — в отношении к искусству официально — и рассчитанный на западного покупателя и на доллары, остается совершенно неприемлемым.

Я присутствовал на показах картин в многочисленных мастерских. Это всегда интересно — сознание приобщения к чему-то живому, создающемуся в атмосфере враждебности и непонимания и только обостряет интерес. Нередко у собирателя (советские ученые известны как защитники, любители и покупатели произведений молодых, официально не признанных художников) или в мастерской какого-нибудь художника собраны произведения целой группы, дающие представление о входящих в нее многообразных, противоречивых тенденциях. В частности, хотелось бы рассказать об одной хорошо знакомой мне группе, центр которой — коммунальная квартира М.В. Горчилиной. Сама она — душа некоего "салона" (если только можно применить этот термин к условиям советской действительности), где встречаются художники, скульпторы, писатели, критики — все привлеченные обаянием личности хозяйки дома, которая не довольствуется угощением знаменитым русским чаем (а всем известно, что подразумевается под русским чаем), но и оживляет разговоры, возбуждает умы своими рассказами о вихревых пресловутых двадцатых годах, когда всё было возможно, как всем теперь кажется.

М.В. Горчилина — художница. Родилась в Москве в 1900 г. С детства интересовалась живописью и, когда в 1917 г. кончила среднее образование, против воли родителей поступила в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, после Революции называвшееся сперва СВОМАС, затем ВХУТЕМАС. Она там работала под руководством художника С. Малютина, ходила на

многочисленные выставки всех существовавших тогда направлений, бывала на спектаклях Таирова и Мейерхольда, посещала лекции по истории искусства, где П.П. Муратов читал итальянское искусство, Анисимов — иконопись, Тугенхольд — французскую живопись, Вышеславцев — эстетику. Всё это показывает насколько М.В. Горчилина притягательна для молодых, как свидетель эпохи, ставшей мифической.

В 1923 г. она заканчивает ВХУТЕМАС и начинает работать. Как и многие художники того времени, она трудится над декорированием сооружений, воздвигаемых по случаю торжеств, народных празднеств, съездов и т.п. Она также работает над росписью тканей, костюмов, театральных занавесей, и это основное ее занятие до шестидесятых годов. Но при этом не перестает писать и "для себя", без усталости зарисовывая встретившиеся ей интересные лица. Это наблюдение человеческого лица достигает своего высшего выражения в поразительной серии монотипий, созданных около 1965 г. и представляющих собой галерею портретов рабочей и страждущей России. Сама художница пишет:

"Мне нравились лица, по которым "прошла жизнь", как говорит Ван Гог. Следы молчаливого горя, лишений, застывшей покорности трогали меня чрезвычайно. Сочувствие-жалость всегда были доминирующими чувствами в моем отношении к людям. Вскоре я научилась различать добрые и злые морщины. Ездя на дачу, я входила в вагон с чувством охотника: кого увижу..."

Для художницы форма включает в себе и тему. Когда говорят о русском искусстве, обычно злоупотребляют ссылками на иконопись. Это почти превратилось в манию у художественных критиков. Тем не менее, не делая уступок моде, скажу, что в серии русских лиц, представляющих самые разнообразные типы, взятые из советской действительности (старухи, продающие жалкие цветы на углах, женщины, утомленные очередями, транспортом, работой, семейной жизнью), обнаруживается элемент, свойственный иконописи — передача молчания. Это молчание сдержанных формы и цвета — молчание страшное, звучное в своей простоте. Лики М.В. Горчилиной — не портреты, а образы трагической действительности.

Одновременно с этой подготовительной работой, нашедшей свое художественное воплощение в монотипиях 60-х годов, М.В. Горчилина работает для кино. До войны она делает эскизы тканей и костюмов для первого цветного фильма в России: "Лампа Аладина" в постановке Андриевского. К сожалению, эта картина была запрещена из-за содержания, не соответствующего генеральной линии. А в этой работе М.В. Горчилина стремилась объединить два элемента своего искусства, сохраняющих ценность и поныне: с одной стороны, фееричность, декоративность, цвет, прозрачность, а с другой — вагоны, улицы, вокзалы, носящие на себе печать быта.

После войны М.В. Горчилина продолжала работать для кино ("Адмирал Ушаков", "Садко"), сотрудничала в театре Станиславского, но условия труда усложнились, т.к. от художников потребовали, чтобы они были членами МОСХа, иначе заказов они не получали. От борьбы с МОСХом М.В. Горчилина отказалась и приобрела новую специальность — работу по архитектурному стеклу. Она стала делать эскизы для московского стеклянного завода (витражи, стеклянные панно) и получила заказ на плафон 90 м² для ресторана "Прага".

С тех пор как М.В. Горчилина на пенсии, она посвятила себя искусству монотипии и довела до совершенства его технику. Сперва художница обратилась к этому жанру из соображений материального порядка — расходы невелики. Но главным оказались возможности, представляемые этой ветвью графического искусства в отношении фактуры. Монотипия — гравюра, отпечатанная в одном экземпляре (самое большее — в двух). Действовать нужно быстро, чтобы схватить все оттенки живописи во всей их свежести. Таким образом необходимо, чтобы произведение было всё целиком в воображении художника в момент, когда он создает свою гравюру-монотипию.

Таковы монотипии М.В. Горчилиной. Сейчас еще рано подводить итоги незавершенного творческого пути. Ограничусь перечислением основных тем творчества М.В. Горчилиной в шестидесятых годах и нынче.

Прежде всего, это замечательная серия лиц, о которых сказано выше. Здесь краски сознательно темны. Всё в минорных тонах, ничего яркого. Только внутреннее напряжение в линиях

СВЕТ И ТЕНИ

говорит о человеческой жизни. Это не "героический" СССР послесталинского периода. Это образы измученного человечества — плоти и крови России, но обобщенные в лучшей русской традиции без всякого фольклорного элемента. В своих письмах художница часто говорит о своей безмерной любви к русскому народу: "Я стремлюсь раскрыть всеобъемлющую душу нашего народа вне времени, новыми приемами, свежим взглядом, чувством и восприятием".

Другая тема ее искусства, это пейзаж, урбанический и деревенский. В них проявляются ее декоративные таланты, приобретенные в работе над тканями. Пространство утоплено в красочных пятнах с неопределенными и нечеткими очертаниями, прибавляющими таинственность то лесной чаще, то московской улице.

Наконец, третья тема, как будто преобладающая за последние годы, это натюрморты, которые помимо обычных для этого жанра сюжетов изображают специфически русские предметы: петрушку, деревянные игрушки, самовары, куклы. Большой талант художницы ярко сказывается в стилизации форм, в феерии красок, в изяществе стиля. Здесь тоже главенствует любовь, но уже не любовь-жалость к ликам России, а любовь-радость к русскому творческому началу, его чувству цвета, ритма. Если можно сравнить, это та же влюбленная радость, что и в эпизоде с колоколом в фильме Тарковского "Андрей Рублев", ощущение, что несмотря на муки прошлого и настоящего, на трагизм человеческого существования, в итоге побеждают силы прекрасного.

29 февраля 1972 г. в Москве состоялась выставка произведений М.В. Горчилиной в кафе "Синяя птица". А 18 марта в "Синей птице" выставлялись картины Алексея Быстренина и скульптуры Максима Архангельского. Но все эти выставки — это всего лишь фейерверк на несколько часов. А затем ощущение одиночества и бесполезности опять берет верх. Среди художников из окружения М.В. Горчилиной я хотел бы остановиться на одной из самых оригинальных личностей. Речь идет о Зеноне Петровиче Комиссаренко. Этому человеку за 80, он скромного происхождения, целиком преданный пролетарским идеям, и всю свою профессиональную жизнь посвятил, с

начала 20-х годов, прикладному искусству (кино, витражи). Он был учеником Малевича. И около 70 лет от роду взялся за станковую живопись. Будучи официально признан основателем мультипликационного кино, Зенон Петрович Комиссаренко отдал дань всеобщему увлечению утилитарным искусством, и, только достигнув пенсионного возраста, обнаружил себя в качестве одного из блистательных художников послевоенного периода.

Его живопись сознательно абстрактна, т.е. это инструментовка цветных пятен в ритме биения внутреннего духовного пульса. Его цветовые сказки — как взрывы. При полном отсутствии книжной культуры, руководимый одним только верным инстинктом, З.П. Комиссаренко модулирует, как музыкант цвета, неисчерпаемые вариации. Можно подумать, что в течение долгих лет он хранил в себе сокровища чувствительности и что плотина, наконец, не выдержала и прорвалась под напором всего пережитого и не выраженного за много лет. В произведениях З.П. Комиссаренко ярче всего чувствуется именно эта освобожденность.

Два других интересных художника этой группы — Юрий Титов и Алексей Быстренин. Биография первого помещена в № 100 "Вестника русского христианского движения". С 1962 г. он занимается религиозной живописью.

До этого он сделал несколько попыток абстрактной живописи, показывающих, что это и должно было бы быть его настоящим путем. Возможно он к этому вернется. С 1957 по 1962 г. его период увлечения абстрактной живописью, с моей точки зрения, самый интересный.

Алексей Быстренин — из семьи артистической. Его дед в начале века принадлежал к "Миру искусства". Творчество А. Быстренина еще не совсем определилось. Судя по -его "Отшельнику" самым естественным для него элементом как будто является сюрреализм. Но несмотря на качества своего почерка, Быстренин еще не нашел собственного пути. Последняя его стадия очень колористична, очень стилизована и перекликается с Миро. Художник, которому немногим больше сорока лет, многообещающ в отношении будущего творчества и поиски его в настоящем (как поиски многих русских художни-

ков) хорошо отражают отсутствие реального контакта с общей эволюцией искусства во всем мире.

Чтобы закончить, хочу остановиться на самом смелом таланте во всей этой группе — на скульпторе Максиме Архангельском, род. в Москве в 1926 г. Он окончил Физический факультет в 1955 г. в Москве. Еще будучи студентом, он самостоятельно развивается как художник, осматривая музеи Москвы, Ленинграда, Риги, Киева, Львова, жадно читая литературу по искусству. Особенно страстно он увлекается архитектурой и начиная с 1956 г. постоянно путешествует по России, Закавказью, Закарпаты и Прибалтике для углубления своих познаний в архитектуре. Сначала он работает в области акустики, а затем — и это его нынешняя профессия — как реставратор. В промежутке между 1957 и 1970 гг. он напечатал более 30 статей и книгу по вопросам ультразвука. В 1957 г. он приступает к скульптуре по дереву (в ту пору его единственной школой было знакомство с советскими скульпторами Эрзей и Коненковым). Первые его произведения маленького размера и скорее экспрессионистичны. В 1966 г. Архангельский берется за скульптуру в камне. Он знакомится (по репродукциям) с произведениями Мура, Жана Арпа, Архипенко и Бранкузи. Недостаток места не позволяет ему осуществить свое желание — заняться монументальной скульптурой. Но даже в его маленьких вещах чувствуется потенциал крупных форм и широких пространств.

В своих первых работах по дереву Архангельский, пользовавшийся древесными корнями, поставил себе за правило избегать сочетания разных корней или разных кусков дерева. Главной целью Архангельского было выявить выразительность корня и, одновременно, ту частичку движения, жизни и духовности, которые в ней содержались. Художник пишет: "Структура корней такова, что в них заложена напряженность, динамичность, экспрессия. Их изгибы запечатлели как бы историю роста, борьбы и переживаний органической природы с внешним неорганическим миром, что дает богатые возможности для передачи сложности современной жизни и человеческих переживаний". Привлекло Архангельского к корням то, что форма их сама по себе пластична. На первом плане линия, а

объем подчиняется линии; согласно собственному капризу, линия искажает объем, но не уничтожает его.

Архангельский периодически испытывает чисторусскую потребность писать манифесты, письменно запечатлевать свое художественное кредо. Написанный им в 1967 г. манифест (после прочтения манифестов Т.Ф. Маринетти), по духу своему анти маринеттистский, так как в машине он видит символ "гасителей" Духа и призывает к искусству, разрушающему материю и заставляющему трепетать и жить духовной сущью, нем заключенной. Искусство Максима Архангельского не вымучено, даже если он передает мучительную действительность. Для него не форма диктует свои законы содержанию, а из содержания вытекает форма. В этом смысле это классическое искусство, исходящее из идеи пластического и пришедшее к структуре формальной. Каждая из его скульптур — микрокосм, новое проявление мира духовной Реальности.

Как я уже сказал, подводить какие-нибудь итоги еще рано. Но эти лично известные мне примеры дают некоторое представление о русской советской художественной жизни — трудной, но зато и более острой, благодаря жизненным условиям. Тем не менее, Запад начинает понемногу узнавать о том, что делается в искусстве в СССР. В статьях журналов "Ар", "Ар виван" и др. говорилось и о иных художниках.

Положение художника в СССР все же не должно вызывать у нас, французов, чувство превосходства. Мы немногим лучше относимся к искусству. Правда, у нас нет эстетического запрета того же порядка, но бюрократический строй нашего мышления, бесстыдная спекуляция, практикуемая торговцами — настоящими хищными птицами, всегда настороже — как бы не упустить малейшее дельце, а равнодушные публики оставляют мало шансов художнику получить своевременное признание. Сколько их во Франции, чью гениальность заметили только после их смерти, позволив им умереть в нищете! Их легион. Но в отношении русских художников за границей я особенно думаю о Ларионове и Гончаровой, об Александре Экстер, не оцененных по заслугам. Я знаю и других, пребывающих поныне в таком положении. Чтобы "заинтересоваться" ими, дожидаются их смерти.

Тени и свет русской советской живописи носят в себе нечто еще мучительное, так как это связано с основным элементом всякой художественной жизни — со свободой творчества. По некоторым признакам можно полагать, что сейчас происходит некоторый сдвиг. Но русское время — не западное. Возрождение может заставить себя еще долго ждать.

И. Маркадэ

ОДИНОКИЙ "БАРЧУК" СРЕДИ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ

(СТРАНИЧКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

В декабре 1917-го года я был юнкером Виленского военного училища, находившегося в то время в Полтаве. В середине декабря выяснилось, что власть Ленина — Троцкого — Дзержинского над Россией удержалась, и что мы — отряд 600 юнкеров — не могли ни воевать с внешним врагом, ни предотвратить завоевание России силами ленинского международного коммунизма; и тогда директор нашего училища, генерал Адамович, по соглашению с нашим училищным комитетом (я был одним из его членов), решил распустить училище. Мы тепло простились с нашим уважаемым директором и друг с другом, сняли с плеч наши юнкерские погоны и разъехались кто куда.

Я возвратился в Прохоровку (Курской губернии, Корочанского уезда), где у моей матери было имение и жили моя мать и мой старший брат Николай, который до большевицкой революции вёл здесь культурное и благоустроенное сельское хозяйство и служил — по выборам уездного земского собрания — мировым судьёй.

Я приехал в Прохоровку за несколько дней до Рождества. В это время "советская" власть в сельских местностях ещё не была организована: не было ни партийных коммунистических организаций, ни органов че-ка. Лозунг "власть на местах" означал в то время, что на селе власть принадлежала сельскому сходу. В сельских местностях, как и в городах, появились назначенные "комиссары", но их функции и полномочия были неопределёнными.

В нашей местности появился волостной комиссар, высокий, здоровый балтийский матрос бандитского вида и характера, с патронташем через плечо и с револьвером на поясе. На второй день Рождества он появился в Прохоровке и созвал сходку. Собрание состоялось в здании местной школы. Большая толпа крестьян в полушубках, шапках и валенках тесно стояла в большой пустой комнате (парты были удалены по случаю схода). Ораторы влезали на стол.

Я знал, что на сходе будет обсуждаться вопрос о нашей семье, и явился на сход в своей солдатской шинели.

Комиссар передал сходу привет от советской рабоче-крестьянской власти и немедленно перешел к делу, ради которого он явился в Прохоровку. "Вот, товарищи, — сказал он, — вышел декрет советского правительства, чтобы помещиков больше не было, а вот тут у вас в Прохоровке всё ещё живут эти Пушкاري, так их надо отсюда вышвырнуть".

Моя мать была тяжело и хронически больна, не могла ходить без посторонней помощи и передвигалась (точнее, её передвигали) в специальном кресле; для неё изгнание из дому в зимнюю стужу означало бы мучительную смерть, и я решил просить у схода милости и справедливости.

Поднявшись на стол, я сказал: "Граждане-крестьяне! Гражданин комиссар совершенно неверно передаёт вам содержание земельного декрета от 26-го октября. Там сказано: "Помещичья собственность на землю отменяется". А о том, чтобы выгонять бывших помещиков из их домов, там не сказано ни одного слова". И крестьянская толпа загудела: "Ето он правду говорить! Земля ихняя отходит к народу, ето как полагается, а сами они как жили в своём доме, так нехай жить".

Комиссар продолжал настаивать на нашем изгнании; он напоминал о том, что помещики триста лет пили крестьянскую кровь, "они нас небось не жалели, а теперь он просит пожалеть свою больную мать". Он рассказал совершенно лживую сказку о своей личной обиде, что он однажды не отдал чести одному прапорщику, и за это его будто бы посадили на год в военную тюрьму, но все его "доводы" не изменили настроения схода: "Нехай живут". Наконец, рассерженный комиссар

прибег к своему последнему аргументу. В это сумасшедшее время шляпка на даме и очки или пенсне на носу мужчины считались признаками "буржуев", и комиссар, обращаясь к толпе, закричал: "Эх, товарищи! Да что тут долго разговаривать! Вы только поглядите кругом себя! Вот мы все, сколько нас тут есть, все трудящиеся пролетарии, мы все без очков. А вот тут один нашелся у-в-очках: ето — господин Пушкарь!" Следовал презрительный жест указательным пальцем в мою сторону.

Я поднялся на стол и обратился к сходу: "Граждане-крестьяне! Если у меня слабые глаза, и доктор мне велел носить очки, то это не такое большое преступление, за которое меня и мою больную мать надо выгонять из нашего дома на улицу в лютый зимний мороз".

Здесь здравый мужицкий разум восторжествовал над одним из глупых предрассудков революционного времени, и мужики дружно загалдели: "Ето ничаво, што он носить очки! Ето можно! Ето ничаво! Нехай носить очки!"

Итак, народное собрание разрешило нам жить в нашем доме, а мне, сверх того, позволило носить пенсне.

Я пришёл домой докладывать о своих успехах на "Вечевом" собрании, но скоро наша радость была омрачена. Часа через два после схода комиссар явился в наш дом, чтобы проверить, кто тут живёт. В согласии с решением схода, он признал "право жительства" моей матери, брата Николая и моё, но к нам приехал из Курска на праздники брат Борис с женой, и комиссар строго спросил: "А ето кто тут, какие-то посторонние люди?" Мы объявили, что это вовсе не посторонние лица, а члены нашей семьи, но представитель новой власти не был убеждён и строго и грубо приказал, чтобы они немедленно отправлялись "по месту жительства". Спорить с вооруженным бандитом не приходилось, и брат с женой отправились на ж.-д. станцию, чтобы возвратиться в Курск.

С приходом в деревню новой власти становилось очевидным, что жизнь бывших помещиков в их усадьбах будет чревата всякими тревогами и опасностями, и надо было искать более безопасного "местожительства". В Харькове жили мой дядя (брат матери), профессор медицинского факультета Харьковского ун-та, П. И. Шатилов, и моя замужняя сестра Вера.

Ее муж, Н. З. Фурсов, служил железнодорожным врачом на станции Харьков; доктор-работяга, он был уважаем начальством и любим рабочими; он "ухитрился" получить специальный санитарный вагон, и в самом начале января мы перевезли мать в Харьков.

Моему брату Николаю тоже следовало переменить "местожительство". Он был поистине "судия праведный". Его усердное и терпеливое служение богине Фемиде снискало ему уважение и доверие окрестных крестьян, и один из них сказал мне: "Миколай Германыч так суд судит, как будто поп обедню служит". Но, конечно, для новых властей он был помещиком и судьей при "старом режиме", и это грозило ему всякими преследованиями и, весьма вероятно, гибелью.

Мать и брат уехали, а я решил остаться на "жительство" в нашем прохоровском доме. Почему и зачем. Потому что я, как многие интеллигенты тогда, не верил в долговечность безумной и преступной ленинской власти и ожидал, что скоро "большевики падут" и настанет нормальная человеческая жизнь, конечно, с большими социальными реформами, но без чекистского террора и без забвения всех моральных и правовых принципов.

Зачем? Чтобы сохранить наш дом и нашу усадьбу от немедленного и полного расхищения. Крестьянские моральные и правовые воззрения на этот вопрос были таковы: если бывшие помещики остались жить в своём доме, нехай живут; и если помещик или его взрослые сыновья пожелают обрабатывать землю своими руками, то им надлежит отвести земельные наделы "сколько полагается на душу" (см. документ в приложении). Если же помещичья семья убежала или уехала и дом стоит пустой, то дом и усадьба становятся (в терминах римского права) "ничья" вещь, и их можно и следует разобрать (заметьте: не разграбить, а разобрать!) В самом деле: можно ли назвать грабителем человека, который поднял на большой дороге и взял себе чемоданчик, потерянный каким-то проезжим?).

Итак, я остался один в пустом доме. Впрочем, я был не совсем один, и дом был не совсем пустой. Со мной остались две преданные нашей семье "домработницы": кухарка Аннушка, женщина средних лет, прекрасная повариха, со скептическим насмешливым характером, и горничная Гаша (Агафия), очень

симпатичная, милая, скромная девушка. Она мне очень нравилась, но никакого романа с ней у меня не было, и я ни разу её не поцеловал (теперь я жалею об этом, — может быть, мой поцелуй был бы ей приятен, как выражение моей симпатии и благодарности за преданность нашему дому). Однажды ей пришлось претерпеть обиду за эту преданность. При посещении нашего дома большевизским патрулём (см. ниже) один красный хам обратился к ней с наглой издёвкой: "Што, девка, осталась господские горшки выносить?" — Я ответил: "Вы ошибаетесь, гражданин! Никогда Гаша не выносила моих горшков, я всегда ходил пешком в нужник, а горшка у меня не было и нет, посмотрите под моей кроватью". Он что-то злобно проворчал и отошел.

Наш ("господский") дом состоял из 6-ти комнат с двумя "прихожими" и кухней, пристроенной к дому. По обеим сторонам были широкие веранды. Одна сторона была обращена в сад, другая во двор.

На другом конце двора стоял другой, довольно большой дом — "людская". Она разделялась большими "сенцами" на две части: в правой было две комнаты, в которых жил управляющий (точнее, приказчик). В левой была кухня, комната для "людской" кухарки с мужем и очень большая комната, служившая столовой и спальней для десятка постоянных рабочих, годовых и "полетчиков" (наше имение было, по российским масштабам, небольшое — 230 десятин).

С отменой права собственности помещиков на землю и с исчезновением тех, кто раньше вел хозяйство, для управления имением был создан какой-то комитет (5-6 человек); я не знаю, из кого персонально состоял этот комитет, кто его выбирал и каковы были его функции и полномочия. Однажды я случайно слышал разговор небольшой кучки крестьян, упрекавших комитетчиков за то, что они "пушкаревского телёнка съели". Очевидно, что за ними признавалось только право надзора, но не право распоряжения "пушкаревским" имуществом. Вероятно, комитет состоял из деревенских "активистов", принадлежавших к бедному слою населения, и уж во всяком случае не из "кулаков".

Должен, однако, с признательностью отметить, что ко мне

лично "комитетчики" проявляли большую степень деликатности. Они, конечно, могли бы реквизировать две-три комнаты и поселиться в "господском" доме, но они этого не сделали, а поселились в тех двух комнатах, где прежде жил управляющий. Ко мне же в дом никто из них не заглянул ни разу. Я тоже ни разу не заглянул к ним, и так мы вели параллельное нейтрально мирное "сосуществование".

Я свободно ходил по двору, обменивался несколькими дружескими словами с нашими бывшими рабочими (конечно, избегая "щекотливых" тем), заходил в большую конюшню, чтобы проведать своих четвероногих друзей.

Жил я в угловой комнате дома, питался в столовой, как настоящий "барчук" и так же хорошо и обильно, как в прежние времена. Кухарка Аннушка имела свободный доступ в амбар-кладовую, где хранились пищевые продукты своего производства: сало, яйца, пшено, гречневая крупа, картошка, капуста, лук. Гаша проходила через весь двор в ледник, стоявший около "людской", и приносила молоко, творог и сметану.

Итак, я очутился зимой 1918 года как бы "дачником", жившим в 6-ти комнатах и "на полном пансионе".

Но я не был праздным дачником. В мае 1917 года я закончил курс историко-филологического факультета Харьковского ун-та и получил от ун-та "зачетное и выпускное свидетельство". А теперь мне надо было готовиться к государственным экзаменам, которые должны были происходить в мае 1918 года, и я усердно к ним готовился с утра до вечера.

Я жил один, но у меня в эти месяцы было много посетителей.

Единственным приятным гостем в моей комнате была Гаша. Часто вечерами я звал её в свою комнату, усаживал в кресло и вел с ней разговоры не как "барчук" с "горничной", а просто, как молодой человек (впрочем, не слишком молодой, мне было уже почти 30 лет) с милой, симпатичной девушкой, и мне было очень приятно чувство моего, так сказать, социального равенства с ней, т. е. отсутствие социальной перегородки между нами.

Тягостными и небезопасными были посещения, а иногда даже квартирование "краскомов" и солдат формировавшейся тогда красной армии.

Два раза останавливались в нашем доме и проживали по 4-5 дней штабы каких-то формирующихся частей красной армии. В соседней с моей комнатой комнате брата на его письменном столе стоял телефон, и он почти непрерывно находился в действии. Если бы записи слышанных мною разговоров сохранили на магнитофонной ленте, они представили бы сумбурную картину суматохи, тревожных вопросов, сердитых окриков, безграмотности и бестолковщины.

Иногда в мою комнату заходили отдельные "штабисты" и спрашивали, кто я и что я делаю. Я объяснял, и они, видимо, "подавленные" горой моих книжных и бумажных материалов, удовлетворялись и удалялись.

Хуже было ночью. На ночь я замыкался в своей комнате, и вот я слышал не раз, что дверная ручка как-то тихо постукивает, очевидно шевелимая чьей-то рукой с другой стороны; я предполагал — думаю, что не без основания, — что кто-то из красных "штабистов" пробует, нельзя ли открыть дверь бесшумно, чтобы войти в мою комнату, задушить или зарезать "помещика" и забрать его — предполагаемые — деньги и драгоценности... А там — будет ли начальство производить дознание, чтобы разыскать виновника? Да и какая вина в том, чтобы зарезать одного "недорезанного буржуя"? Но замок на моей двери оказался крепким и предприятие не удалось.

Другого рода предприятиями новой власти были налёты на помещичьи усадьбы небольших военно-полицейских команд (6-7-8 человек), рассылаемых из Корочи по уезду для обысков и "разоружения" помещиков. Набирались в эти команды социальные и моральные подонки деревни, подобные тем двенадцати, которые в поэме А.Блока маршируют "державным шагом" по улицам Петрограда.

В нашем доме было два таких обыска, и один запонился мне очень хорошо. Во главе банды из 8 человек стоял высокий энергичный человек в солдатской шинели и, конечно, с револьвером на поясе. Он спросил, есть ли у меня оружие, я ответил отрицательно, но он приступил к обыску. В отличие от жандармского офицера, он совершенно не интересовался моим книжным шкафом, но очень долго и тщательно копался в шкафу со всякой всячиной. В одной из коробок у меня хранилась большая и пол-

ная коллекция (около 20-ти монет) серебряных рублей — от Петра I до Николая II. Открыв коробку он сказал: "А, это старые деньги! Это не может быть у частной собственности, это надо у музей", — и пересыпал мои рубли в свой карман. Не знаю, дошли ли они до музея, но, как писал один чиновник у Щедрина, "сумлеваюсь штоп".

В другой коробке он нашёл маленький пистолет "монте-кристо" и обрадовался: "А-а-а! вы сказали, што у вас нету оружия, а это што такое?!" Я совсем забыл о существовании этого "оружия", из которого мы в юные годы стреляли в цель, и ответил совершенно чистосердечно: "Да помилуйте, какое же это оружие! Я совсем забыл про него. Это не оружье, а, скорее, игрушка. Этим "оружием" и человека-то убить нельзя". Он ехидно и злорадно ответил: "Гм! так вы говорите, што етим нельзя убить человека? А вот мы сейчас попробуем, што ежели можно убить человека, али нельзя", — и стал нарочито медленно заряжать мой пистолетик. Я стоял, прислонившись спиной к двери в другую комнату; он стоял на расстоянии 3-4 шагов от меня и, зарядив пистолет, повторил: "Да, вот мы сейчас попробуем, што ежели можно убить человека, али нельзя", — и стал целиться в мой лоб. Я стоял молча и неподвижно, как окаменевший, да и что я мог бы сделать или сказать? Сколько времени продолжалось прицеливание в мой лоб, я не знаю, мне показалось минуты 2-3, но конечно, я мог ошибиться; в таком положении одна минута могла показаться в два или три раза длиннее, чем она была в действительности. Потом он резким движением приподнял дуло пистолета вверх и — бах! Пуля пролетела тесно над моей головой и застряла в двери; толстую дверь она не пробила насквозь, но, конечно, мой череп она пробила бы легко. Выстрелив, весёлый стрелок с пренебрежительным жестом бросил мой пистолет на стол и сказал: "Ну, правда, что говённый пистолет, возьмите его себе!" и потом, похлопывая рукой по кобуре висевшего у него на поясе офицерского нагана, он подмигнул мне и сказал с довольной улыбкой: "Наши лутче". Затем он забрал свою команду и удалился со своей драгоценной "находкой" в кармане.

Но самым тягостным, морально и политически отвратительным было двукратное посещение того матроса-комиссара, с

которым я спорил на сходе 26-го декабря. Входя в мою комнату, он — конечно, без приглашения — "плюхался" в кресло и, развалясь в кресле и вытянув ноги, излагал мне свои политические воззрения. Главным пунктом его политической философии было то, что в России надо сделать "еремеевскую ночь" (читатель догадался, что "еремеевская" означает варфоломеевскую), т. е. перебить бывших помещиков и капиталистов, чтобы избежать опасности возвращения к "старому режиму" и к "проклятому царизму". Я конечно слушал его молча и не пытался с ним спорить.

Февраль 1918 г. был для советской власти чрезвычайно тревожным временем. Мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске затягивались и не приводили к заключению мирного договора. Немцы отвергли декларацию главы советской делегации Д. Троцкого, гласившую: мы прекращаем войну и демобилизуем нашу армию, но мы не можем подписать аннексионистский договор. Они разорвали договор о перемирии и начали на северном фронте наступление, которому новорожденная красная армия не могла оказать серьезного сопротивления.

На юге России положение осложнилось новым политическим фактором — образованием "независимой Украинской республики". 9-го февраля немцы заключили с украинской Центральной Радой мирный и союзный договор, согласно которому немецкие войска вводились на Украину для защиты её от возможных нападений с востока.

В феврале-марте 1918 г. германские и австро-венгерские войска оккупировали все украинские губернии. Курская губерния должна была быть разделена между РСФСР и Украинской державой, но до заключения немецко-советского мира (3-го марта) и несколько дней после того никто не знал, где точно будет проходить новая государственная граница. Когда немецкие войска в конце февраля подошли к границам губернии и перешли эти границы, среди советских "вооруженных сил" и советской администрации воцарилась дикая паника, и те и другие поспешно бежали на север, к Курску, тогда как население спокойно выжидало грядущие события. Немцы заняли Белгород, большой уездный город Курской губернии (в 50-ти верстах от Прохоровки) и продвинулись ещё немного на север.

Помню короткий, но очень интересный разговор на нашем дворе: один крестьянин быстрым шагом подходит к другому и с волнением говорит ему: "Слыхал? Немцы идут, уже Белгород взяли!" А тот успокоительно отвечает: "Ну так што ж, што идут? Они идут не для войны, а для порядку". Видно, этот курский мужичок ожидал больше порядку от немцев, чем от ленинского "рабоче-крестьянского" правительства.

Итак в нашей Прохоровке в течение 2-х недель не было никакого правительства — ни царского, ни Временного, ни советского, ни украинского; однако же не было никакой анархии, все жили тихо и спокойно. Меня по-прежнему никто пальцем не тронул; я по-прежнему занимался весь день подготовкой к государственным экзаменам, а по вечерам тихо беседовал со своей милой тихой Гашей.

К середине марта выяснилось, что наша Прохоровка остаётся в составе РСФСР, а следующая станция Кустарная (это было прежнее название, нового я не помню) — в 25-ти верстах к югу от Прохоровки — будет пограничным украинским, т. е. фактически немецким пунктом.

Тут я решил, что необходимо бежать на юг, чтобы не попасть — по возвращении большевиков — в число жертв "еремеевской ночи". Впоследствии я узнал, что вернувшиеся в Прохоровку большевицкие администраторы убили несколько местных купцов, и я, весьма вероятно, был бы первой жертвой.

15-го марта, скоро после полудня, я "снарядил" солдатский вешевой мешок, надел его на плечи и скорым шагом зашагал по-над железной дорогой на юг. Вместе со мной шел молодой купеческий сын, за 5 часов скорого, почти безостановочного марша мы с ним "отмахали" 25 верст и ещё засветло подошли к станции Кустарной, где нас встретил немецкий пограничный патруль — унтер-офицер и три солдата. Я подошел к унтер-офицеру, поздоровался и сказал по-немецки что мне надо ехать в Харьков, ибо я есть студент Харьковского ун-та (упомянул мимоходом, что я был студентом Гейдельбергского ун-та). Видимо мое краткое слово произвело на него прекрасное впечатление; он дружески пожал мне руку и пропустил меня (а за компанию и моего спутника) без всяких допросов или вопросов. Потом очень медленно — поезда ходили медленно и с долгими

остановками — я добрался до Харькова, встретился с родными и со своим патроном, проф. М. В. Клочковым, и вступил снова под сень своего Харьковского ун-та.

Ныне "рабоче-крестьянская" власть отняла у крестьян землю и ликвидировала крестьянство, как класс самостоятельных мелких производителей, так что теперь о русском крестьянстве можно говорить и писать только в прошедшем времени.

Нет необходимости идеализировать русское крестьянство в стиле славянофилов и Достоевского, и поклоняться "народу-Богоносцу", но должно признать, что уровень разума и совести русского крестьянства был не ниже уровня других общественных слоев русского и других народов.

Рассказанное мною выше об отношении к своему "классовому врагу" вовсе не было единичным, исключительным случаем, оно было, как увидим ниже, характерным для множества подобных случаев.

Резюмирую вкратце свои личные наблюдения, а затем перейду к свидетельствам исторических документов.

2,5 месяца, т. е. 75 дней, я провел среди своих "классовых врагов", в опустелом помещичьем доме, совершенно беззащитным и беспомощным. Крестьяне могли бы очень легко и *совершенно безнаказанно* "ликвидировать" меня и "разобрать" дом, полный всякого добра, но они этого не сделали, и я считаю, что они 75 раз подарили, т. е. сохранили мне жизнь. Мало того, они дарили мне и душевное спокойствие (не раз нарушавшееся носителями новой власти). За 2,5 месяца я не терпел ни от своих бывших рабочих, ни от окрестных крестьян ни малейшей обиды, не слышал ни одного обидного слова. Как же мне не любить и не уважать русского мужика! И как глупо и клеветнически звучит для меня термин: "*классовые враги*".

Оставим теперь Прохоровку Корочанского уезда, Курской губернии, и перейдем на всероссийские просторы.

ПРИЛОЖЕНИЕ. КРЕСТЬЯНЕ В РЕВОЛЮЦИИ

В начале октября 1917 года Ленин, желая подтолкнуть петроградских рабочих к вооруженному восстанию, к которому у них не было большой охоты, кричал, что в России уже

происходит "крестьянская война" против помещиков.

Это была одна из многочисленных лживых сказок, на которые Ленин был таким непревзойденным мастером, но советские историки должны были потом из кожи лезть вон, чтобы сконструировать эту небывалую крестьянскую войну. Однако результаты их усилий были довольно скудны. В книге советского специалиста по истории крестьянских движений А. В. Шестакова о крестьянской "революции" перед Октябрем (Ленинград, 1927) приводятся итоги этой революции: в сентябре во всей России было разгромлено 127 помещичьих усадеб, в октябре — 144 (стр. 141). Это значит, что из 100.000 помещичьих имений, бывших тогда в европейской России, погромная революция захватила 0,390.

Эта цифра ничтожно мала по сравнению с аграрно-погромным движением 1905-6 гг., когда обедневшее и озлобленное крестьянство разгромило и частью сожгло много тысяч помещичьих усадеб.

Ленинские сказки о крестьянской войне или революции 1917 г., которые советские историки обязаны повторять, вполне и начисто опровергаются документами, опубликованными в официальном советском издании: "Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов", Москва, 1957 (это был тот самый съезд, который "легализовал" ленинскую власть). Большевицким делегатам съезда была роздана анкета с вопросами о положении дел в их областях. 19-й пункт этой анкеты спрашивал: "Были ли (в вашей области) аграрные волнения, каково влияние местного совета среди крестьянства и какую роль играл совет в аграрном движении?" Во 2-й главе этого издания приводятся ответы 120 большевицких депутатов на эту анкету (кроме ответов депутатов от армии). Около 40 депутатов на вопрос девятнадцатый ответили прямо: "не было"; около 50 оставили вопрос 19-й без ответа, очевидно, потому, что у них не было никакого материала для ответа; и только 30 упоминают об аграрных волнениях, но большинство их характеризуется, как "несерьезные", "неважные", "скоро ликвидированные" (вмешательство местного совета). Таким образом, никто из 120-ти большевицких депутатов, приехавших в Петроград ко дню съезда из разных концов России, не видел

той "крестьянской войны" или "революции", которую Ленин наблюдал из окна Смольного института в Петрограде.

Вообще настроение крестьянской массы в 1917 году было более спокойным и миролюбивым, чем в 1905-6 гг. Крестьяне разделяли помещичьи земли, но они не усматривали в этом никакой революции: они считали, что это было их естественное право, ибо земля должна принадлежать только тому, кто на ней трудится. Да и государственные законы подтверждали их право, и не только ленинский декрет о земле, 26-го октября 1917 г., но и однодневное Учредительное собрание 6-го января 1918-го года приняло закон об отмене частной собственности на землю и о "социализации земли" для передачи её в пользование трудящихся, на уравнительном начале. Так что с юридической стороны всё было в порядке.

А каковы были экономические последствия земельной дележки? Исполнились ли надежды крестьян на значительное увеличение их земельных наделов, которые в них возбуждали — заведомо лживо — большевицкие и эсеровские агитаторы? Обратимся опять к свидетельству компетентных советских источников, опубликованных в 20-х годах, когда советские авторы ещё могли писать правду.

В 1920 г. в Москве была издана книга Б. Н. Книповича (директора статистического отдела "Наркомзема") — "Очерк деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917-1920)", Москва, Госиздат, 1920, — и вот, что там сказано о результатах аграрной революции 1917 - 18 гг.: "Громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства, дало ничтожные результаты. Специальная анкета Центрального Отдела Землеустройства позволила установить, что увеличение надела на едока выразится в ничтожных величинах, в десятых и даже в сотых десятины. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полу-десятины; лишь в немногих оно достигало одной десятины (на двор). Таким образом, положительные итоги раздела для мало-земельных и безземельных слоев крестьянства были ничтожны (так! С. П.). Отрицательные же были чрезвычайно ощутительны. Крупные землевладельческие хозяйства, дававшие высокие

урожаи, представлявшие собой большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были разорваны на части, были уничтожены. Исторически это было необходимо. Революция (в деревне) могла происходить только в форме захвата земли и уравнительной дележки. Иной лозунг не мог иметь успеха среди крестьянства" (стр. 9).

Другой компетентный советский "аграрник" И. А. Кириллов, процитировав приведённый выше текст из книги Б. Н. Книповича, заключает: "Следовательно, лозунг захвата земли и уравнительного раздела являлся, так сказать, техническим приемом революционизирования деревни, будучи лишен серьезного экономического значения" (И. А. Кириллов, "Очерки землеустройства за три года революции" (1917-1920 гг.). Издание Народного Комиссариата Земледелия "Новая Деревня", 1922, стр. 112).

Итак аграрная революция 1917-18 гг. разрушила все помещичьи хозяйства. А что случилось с бывшими помещиками? Было ли хоть сколько-нибудь из них убито в минувшей "классовой войне"? Думаю, что нет. Если бы было, то советские историки крестьянских движений, наверное, с удовольствием зарегистрировали бы эти факты и сообщили бы число убитых в "войне" классовых врагов, но я нигде не нашел таких сообщений. Конечно, отдельные случаи убийств в это смутное время, надо думать, были, но они вызывались чисто личными мотивами и отношениями. "Классовой ненависти" к барину у нормального мужика не было.

После "отчуждения без вознаграждения" помещичьих земель значительное большинство бывших помещиков покинуло деревню и уехало в город, но далеко не все. Те, кто был слишком привязан к своему родовому гнезду и у кого были добрососедские отношения с крестьянами, остались дома на основании приведённой в начале этой статьи мужицкой "формулы": "Мы от них зла не видели, нехай живут". Если помещик был не стар и способен к полевым работам, или у пожилого "барина" были взрослые сыновья, он мог просить и получить от сельского общества земельный надел в размере "сколько полагается на душу". Так многие и сделали, превратились в землеробов и спокойно прожили 7-8 лет, пока появление новой "категории

землепользователей" не обратило на себя тревожного внимания центрального советского правительства. 3-го апреля 1925 года Рабоче-Крестьянским правительством СССР был издан закон "О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах".

Закон заключал полную мотивировку этого решения: "...как показал 7-летний опыт, бывшие помещики, оставленные на принадлежащей им ранее земле, не только не ведут культурного хозяйства, но в большинстве случаев разрушают доверенное им имущество (? С. П.). Под видом ведения культурного хозяйства, под видом организации сельскохозяйственных артелей и коммун, бывшие помещики эксплуатируют крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения. Значительная часть бывших помещиков получила землю путем обхода существующих законов и путем злоупотреблений. В то же время эта категория землепользователей оказалась непримиримо-враждебной по отношению к рабоче-крестьянской власти. Значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контр-революционном движении и в продолжении 7 лет ведёт в деревне явную и скрытую контрреволюционную агитацию против мероприятий советской власти, направленных к подъему крестьянского хозяйства, а равно использует и поддерживает пережитки старого режима — покорность и страх перед помещиком — в наиболее отсталых слоях крестьянства. Все эти явления вызывают в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение. Ввиду изложенного, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР постановляют: 1) Бывшие помещики из дворян и их семьи лишаются права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания декрета о земле 26 октября 1917 года и ныне находящихся полностью или частично в их практическом пользовании. 2) Выселение бывших помещиков и крупных землевладельцев должно быть закончено до 1-го января 1926 года" (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1925 год, № 136).

Цитированный выше закон (или постановление) высшей

советской власти, вместе с обычной дозой большевицкой лжи содержит некоторые интересные черты, отражающие действительное положение в советской деревне. Конечно, невероятно, чтобы помещики в течение 7-ми лет и тайно, и открыто вели контрреволюционную агитацию и не попали за решетку.

Интересно, что закон говорит о б. помещиках, как о "категории землепользователей", так что, видимо, они были в деревне не редкими одиночками, а довольно значительной группой. Интересно, что бывшие помещики тесно вошли в общественную жизнь деревни, и между двумя группами б. "классовых врагов", очевидно, установились и дружески добрососедские и тесные деловые отношения.

Если бы деятельность б. помещиков "вызывала в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение", то, конечно, местные сельсоветы изгнали бы из села этих эксплуататоров и смутьянов, не дожидаясь приказа центрального советского правительства. А вышло наоборот: срок для выселения б. помещиков был дан довольно льготный — 9 месяцев, однако прошел весь 1925 год, а местные власти всё ещё не успели выселить из сел и деревень б. помещиков, и в марте 1926 года было издано новое постановление центрального советского правительства с категорическим требованием закончить выселение бывших помещиков к 1-му августа 1926 г., т. е. первоначальный срок был продлён ещё на 7 месяцев. Конечно, под давлением центрального правительства и под угрозой репрессий за неповиновение сельские общества были вынуждены расстаться со своими "классовыми врагами", с которыми они мирно прожили бок-о-бок 8 лет.

Тогда как крестьянская война с помещиками была одной из множества советских сказок, крестьянская война с советской властью была несомненным историческим фактом. В 1918 году ленинские "продовольственные отряды" рыскали по селам и деревням и отбирали у крестьян их продовольственные запасы, и отнюдь не только "излишки". Этот повальный грабёж вызвал негодование крестьянства, и по всей стране прокатилась волна крестьянских (по-советски кулацких*) восстаний. Совершенно

* Примечание о слове "кулак". На советском жаргоне "кулаками" назывались все зажиточные крестьяне. Но на крестьянском языке "кулаками" назы-

очевидно, однако, что малая кучка "кулаков" (скажем, человек 5 или 10 в селе) никаких восстаний поднимать не могла, и что отряды восставших крестьян состояли, в большинстве, из "середняков". Для обозначения последних большевикам пришлось придумать новое слово: "кулаки и подкулачники".

В 1920 г. была издана книжка М. Лациса (главного помощника Дзержинского): "Два года борьбы на внутреннем фронте". По данным, приводимым Лацисом, в 1918 году и в первые 7 месяцев 1919 г. было 344 восстания (в огромном большинстве "кулацких"), при которых было убито 1150 советских работников (стр. 75), и, конечно, было убито несколько тысяч восставших крестьян. Другой советский автор, А. Спреслис (в своей очень интересной книге: "Латышские стрелки на страже завоеваний Октября, 1917 - 1918 гг.", Рига, 1967), говоря о борьбе с кулачеством за хлеб летом 1918 года, осторожно и правдиво замечает, что "значительная часть середняков склонялась на сторону кулаков" (стр. 109).

Крестьянская война против большевицкой власти достигла своего апогея в 1921-22 гг. в Тамбовской губернии ("Антоновщина" в советской печати). Стоявший во главе восстания А.С.Антонов собрал под своей командой целую армию до 50-ти тыс. чел. которая, то собираясь в крупные соединения, то разделяясь на небольшие отряды, в течение двух лет вела героическую борьбу против далеко превосходящих её сил красной армии, состоявшей не только из пехоты, кавалерии и артиллерии, но усиленной танками и авиацией. Жестокие массовые репрессии против восставших крестьян и их семейств сопровождали "усмирение"...

Итак, несомненный исторический факт таков: крестьяне не убивали своих "классовых врагов" — помещиков, и после земельного "поравнения" готовы были мирно жить бок-о-бок со своими бывшими "господами"; советские вооруженные силы в 1917-18 и в 1921-22 гг. убили много тысяч крестьян, пытавшихся сопротивляться красному грабежу, насилию и гнёту.

вались только деревенские ростовщики — "мироеды", которые разоряли своих должников непомерно высокими процентами по денежным или хлебным ссудам. Зажиточные крестьяне-землеробы кулаками не назывались и не считались.

Теперь крестьянство ликвидировано как класс. Нет больше прежнего русского мужика, пахаря и защитника русской земли. Но в русском национальном сознании должна сохраниться о нем светлая и вечная память.

С. Пушкарёв

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД "НОВОГО ЖУРНАЛА"

Восемь списков жертвователей помещены в 138 -ом номере "Нового Журнала". Помещаем девятый список:

А. Фаберже — 100 долл. По 50 долл. — В. Блесс (Германия), К. Кромиади (Германия), В. Лонгенфельдер (Германия), Х. Розенблюм (Израиль), И. Ильин (Швейцария), 40 долл. — Библиотека Кибуца Афиким (Израиль). 28 долл. — А. Опульский (Канада). По — 26 долл. — С. Голлербах (повторно), Н. Мицкевич, В. Паф. По 25 долл. — Л. Даллина (повторно), С. Рафальский (Франция), В. Синкевич. 22 дол. — Ю. Семенцов. По 20 долл. — О. Анстей, С. Эттинген, Е. Соколова . 15 долл. — Б. Хейнман (Израиль). 10 долл. — Н. Кузнецов (повторно). 8 долл. — Д. Зернов (Швейцария). По 6 долл. — В. Зых Б. Просс, (повторно) Е. Скаргинская. 5 долл. — Г. Кривошеин (повторно). 3 долл. — А. Большаков. В третьем по счету списке были пропущены фамилии трех жертвователей: По 25 долл. — А. Боголепов, М. Кляйн и Н. Цуриченко. Просим извинить нас за досадный недосмотр.

Всего пожертвовано — 7490 долл.

Редакция сердечно благодарит всех друзей и читателей "Нового Журнала" за поддержку.

Еще раз БОЛЬШОЕ СПАСИБО...

Редактор — Роман Гуль

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ СЪЕЗД

В течение последних десятилетий перед октябрьским переворотом кооперативное движение в России достигло больших успехов. К моменту захвата власти большевиками Россия имела 87.000 разного рода кооперативных товариществ, которые охватывали около половины крестьянских хозяйств. России по количеству кооперативных товариществ принадлежало первое место среди других стран. Русским народом при активном участии интеллигенции была в этой области совершена огромная организационная работа. Было положено основание эволюционному подъёму культурного и хозяйственного уровня русской деревни. Проникновение начал самодеятельности в крестьянство было подлинным освобождением его от вековой подопечности и проявлением им хозяйственного и культурного творчества.

Всё это в такой мере уничтожено коммунистами, что даже *следов не найти*. О славном периоде кооперативного прошлого сохранились лишь воспоминания.

В деле развития российского кооперативного движения исключительное значение имел первый всероссийский кооперативный съезд. На этом съезде были установлены основы организации и направления кооперативного движения в России. Как активный участник съезда я хочу рассказать о его работе.

После освобождения крестьян передовые круги русского общества осознали необходимость организации кооперативных товариществ. Первое ссудосберегательное товарищество возникло в 1867 году. В то время правовые, культурные и эконо-

Эту статью мы получили из архива Г.А. Хомякова (Андреева), за что приносим ему благодарность. РЕД.

мические условия были малоблагоприятны для кооперации. Все же земства, являвшиеся главным двигателем культуры русской деревни, занялись во многих местах организацией ссудосберегательных товариществ, оказывая им материальную поддержку. Среди поборников кооперативного движения того времени видное место занимал новгородский землец князь А.И. Васильчиков. По его инициативе был организован в 1871 году при московском обществе сельского хозяйства Комитет ссудосберегательных и промышленных товариществ с отделением в Петербурге. Этому комитету суждено было стать до первого Всероссийского кооперативного съезда руководящим идейным центром всей кооперации. В реакционное время царствования Александра Третьего развитие всякой общественной самостоятельности было остановлено, что отразилось и на кооперативном движении. Кооперативы были едва терпимы, а сельские ссудосберегательные товарищества в 1888 году были даже отданы под надзор земских начальников. Комитет продолжал существовать, хотя вынужден был ограничивать свою деятельность. При активном участии деятелей комитета кооператоры на Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1896 году сумели организовать свою секцию, постановления которой содержали ряд существенных требований в интересах развития кооперативного движения.

По существу анабиоз кооперативного движения закончился, когда в середине 90-х годов Министерство финансов занялось организацией мелкого кредита на основе кооперации. Этим кооперация как бы достигла признания своей полезности, что дало известные облегчения и для других видов кооперативных товариществ. Затем в конце 90-х годов вернулся из-за границы, где он изучал кооперативное дело, проф. В.Ф. Тотомианц. Он начал преимущественно литературную пропаганду кооперации и этим оказал серьезное влияние на общественность

1904-1905 годы вызвали оживление среди кооператоров, и они воспользовались улучшением политических условий для организации развития кооперативного движения. Казалось, что первоначально общие политические проблемы оттесняли на второй план такие "малые дела", как кооперация. В действительности же на местах пробуждающаяся народная самостоятель-

ность сразу стала на путь кооперативного движения. Если при этом учесть, что хозяйственная жизнь России вполне определенно стимулировала потребность в кооперации, то можно констатировать, что обстановка для нового этапа кооперативного движения оказалась достаточно благоприятной, с чем и правительству волей-неволей пришлось считаться. В этих условиях активизировалась деятельность наличных кооперативных центров в Петербурге и Москве. Увеличилась группировка около них интеллигенции, интересующейся кооперацией, и усилилась связь с местными деятелями в этой области путем устройства съездов и совещаний.

Назрела и потребность созыва Всероссийского кооперативного съезда. Дался этот созыв нелегко. На ходатайство, возбужденное Московским Союзом Потребительных Обществ в 1905 году, был получен положительный ответ только в конце 1907 года. Это дало возможность созвать съезд в апреле 1908 года.

Для подготовки съезда был образован довольно большого состава организационный комитет с привлечением всех интеллектуальных сил, проявивших известный интерес к кооперативному движению. Это дало возможность предоставить съезду должным образом разработанные доклады по всем актуальным вопросам кооперативного движения. Кооператоры с мест живо откликнулись на этот призыв. На съезд прибыло со всей обширной России свыше 700 делегатов от 400 разного рода кооперативных организаций. Наряду с этим организационным комитетом было приглашено около 100 человек из интеллигенции, так или иначе причастных к кооперативному делу, и в числе них такие видные экономисты, как проф. А.С. Постников, проф. Н.А. Каблуков, проф. И.Х. Озеров, проф. Анцыферов, А.В. Пешехонов, К.К. Качоровский, Л.П. Мертваго и т.д.

Получив полномочия от Псковского общества сельского хозяйства Лохвицкого уезда, я отправился на первый Всероссийский кооперативный съезд, имея в портфеле два доклада: о кооперативной политике и о дополнительной ответственности членов потребительных обществ. Среди всех моих попутчиков самым интересным был Н.В. Левитский, прозванный "артельным батькой". По профессии присяжный поверенный, он

в 90-х годах увлекся устройством земледельческих артелей и, можно сказать, отдал артельному делу все свои жизненные силы. Он стал организовывать артели среди ремесленников, портовых рабочих и проч. Часть этих артелей вскоре распалась, а другие выродились в обычные мелкие капиталистические предприятия, и только незначительному количеству из них удалось должным образом наладить свою деятельность. В условиях безвременья и общественного застоя 90-х годов кампания Н.В. Левитского привлекала всеобщее внимание, и во многих местах находились лица, заинтересованные в организации артелей, и по их призыву ему пришлось объехать чуть ли не всю Россию. Конечно, Н.В. пришлось преодолеть много разного рода трудностей. При тогдашней поголовной политической безграмотности местной администрации всякое общественное начинание казалось в известной мере злом, а организация трудовых артелей в ее представлении была чем-то вроде анархизма. В пути Н.В. охотно рассказывал о своих перипетиях и, в частности, привел такой характерный факт: когда он приехал в г. Винницу и обратился к местному исправнику за разрешением устройства публичного собрания, то последний встретил его окриком: "Не нужно никаких артелей, тут Россия, а не Америка!"

В Москве первая информация, которую мы получили, сразу указывала, что работа съезда будет протекать при неблагоприятных условиях. Кому и каким образом удалось убедить правительство разрешить съезд, мне неизвестно. Впрочем, уразуметь это нетрудно. Тогда как раз в зените своего влияния был П.А. Столыпин, политика которого в основном стремилась направить Россию на путь хозяйственного процветания. Самодеятельность населения приобретала при этом существенное значение. Это обстоятельство должно было побудить с интересом отнестись к кооперации и уяснить, какие хозяйственные проблемы она в состоянии разрешить. Видимо, этими соображениями руководствовался П.А. Столыпин, когда разрешил созыв Всероссийского кооперативного съезда. Эти новые веяния плохо усваивались администрацией, которая продолжала действовать по старинке. Во всяком случае, их не желала понять московская администрация, которая еще не оправилась от шока событий 1905-1906 годов, а потому во всем и всюду искала

крамолу. К тому же в те времена у представителей власти кооперация в политическом отношении находилась под подозрением. Полицейские органы опасались, как бы тут чего не вышло.

Если уж под напором жизненных потребностей страны приходилось мириться с существованием кооперативов как с неизбежным злом, то в деле образования союзов кооперативных товариществ приходилось преодолевать большие трудности, и в поисках обходных путей кооператоры проявляли много изобретательности. Все это наглядно сказалось на судьбе первого Всероссийского кооперативного съезда. Само по себе такое массовое сборище кооператоров при тогдашней психологии представителей власти, естественно, стало предметом их особой бдительности. Очень уж свежо было у них в памяти, как на таких съездах в 1905 г. принимались противоправительственные резолюции и устраивались соответственные демонстрации. Но надо сказать, что известное значение имели психологические сдвиги среди московских рабочих. После революционной неудачи 1906 г. среди руководителей рабочего движения, в числе которых был С.Н. Прокопович, усилилось течение, полагавшее целесообразным продолжать организационную деятельность на основе разрешения задач непосредственного улучшения экономического положения рабочих. Хотя этот т.н. экономизм встречал резкую критику со стороны революционно настроенных лидеров и, в частности, был осмеян большевиками, тем не менее в самой массе рабочих он находил достаточное количество поборников. В частности, одной из проблем этого движения было содействие развитию рабочей потребительской кооперации.

В связи со всем этим еще до открытия съезда московский градоначальник стал принимать охранительные меры, включительно до ограничения тех прав, которые были предоставлены съезду министром внутренних дел. В частности, было запрещено утвержденное министром внутренних дел положение о публичности общих собраний съезда. По требованию градоначальника, на эти собрания могли быть допущены только представители кооперативных товариществ и лица, особо приглашенные организационным комитетом. Во время съезда градоначальник проявил бессмысленную и весьма ретивую придирчивость и этим заметно тормозил обсуждение многих актуальных

вопросов кооперативного движения.

О содержании переговоров с градоначальником мне ничего неизвестно, но полагаю, что в этом деле пришлось больше всего действовать председателю организационного комитета Н.П. Гибнеру. В его лице мы имели человека, который оказал вообще весьма ценные услуги русской кооперации. Н.П. Гибнер, военный юрист, генерал-майор, продолжительное время занимал руководящее положение в военной потребительской кооперации Москвы. Он был одним из основателей Союза потребительных обществ и всегда принимал активное участие, когда приходилось преодолевать какие-нибудь трудности. Н.П. Гибнер пользовался глубоким уважением среди кооператоров, и в этом отношении прекрасным доказательством является то, что по открытии Московского народного банка в 1912 году он бессменно состоял председателем его совета. Будучи в политическом отношении совершенно безупречным и по внешности весьма представительным, он для переговоров с градоначальником был таким партнером, с которым тот не мог не считаться.

После того как председатель Московского союза потребительных обществ С. Каблуков открыл съезд краткой приветственной речью, слово было предоставлено Н.П. Гибнеру. Он по уполномочию организационного комитета призвал к деловому подходу к задачам съезда и, оставаясь верными присущей кооперации нейтральности, предложил не касаться вопросов политики и религии. По существу это был призыв беречь съезд, что вполне понималось его членами. Во всяком случае никаких выступлений политического характера не было. Все доклады и прения имели чисто деловой характер. Но при всем том трудно было попутно не затрагивать некоторые вопросы хозяйственного быта рабочих, что дало повод придирам со стороны полиции. Но в общем кооператоры надлежащим образом соблюли дисциплину. Председателем съезда был избран проф. А.С. Постников — известный экономист народник. Он отметил в своей речи огромное значение съезда как закладки здания кооперации, которая должна стать могущественным фактором в экономической жизни России. Затем товарищами председателя съезда были избраны: председатель Московского союза потребительных обществ С. Н. Каблуков, помощник

управляющего Управления по делам мелкого кредита А.А. Беретти, лидер польского кооперативного управления, С. Войцеховский и проф. С.Н. Прокопович.

Первым был заслушан доклад В.Ф. Тотомианца, который охарактеризовал развитие кооперативного движения в Западной Европе и его эволюционной сущности, указав, что в политической нейтральности кооперации ее сила и мощь. Речь В.А. Поссе о значении кооперации в России была произнесена с большим подъемом и в известной мере наэлектризовала атмосферу съезда и поэтому дала повод к административному вмешательству. По существу же в этой речи ничего политического и тем более противоправительственного не было, но в ней красной нитью проходило требование для кооперативного движения организационной свободы. Между прочим, оратор привел цитату из какого-то доклада гр. Витте, где тот высказывается за развитие народной самодеятельности и полагает, что всякое здоровое государство должно стать на этот путь. Этим закончилось первое общее собрание съезда и началась его деловая работа в следующих четырех секциях: кредитной кооперации, потребительных обществах, сельскохозяйственных обществах и производительных товариществах.

В работе съезда, пожалуй, самое интересное было соединенное заседание секций, на котором обсуждались вопросы, по какому пути целесообразнее пойти в деле строительства крестьянской кооперации, и в связи с этим пытались выяснить условия взаимоотношений разных видов кооперативов. Сама по себе эта трудная и сложная организационная проблема исчерпывающим образом не могла быть разрешена на данном съезде. Для этой цели опыт русской кооперации был недостаточен. Для Западной Европы в то время были характерны разобшенность разных видов кооперативных организаций и отсутствие заметных тенденций к установлению их взаимной связи. В разных странах кооперативное движение стимулировалось не одинаковыми факторами. Поэтому не приходится удивляться и разным подходам к этим проблемам, которые были выявлены в докладах и прениях на этом соединенном заседании секций. С одной стороны, исходили из идеологических предпосылок, а с другой стороны, из положений,

обоснованных данными практики с учетом наличных возможностей. На этом заседании были заслушаны следующие доклады, положения которых существенно расходились. Первым выступил А.А. Беретти, который изложил подход к этим проблемам с точки зрения кредитной кооперации. Он считал, что в основу кооперативного строительства должно быть положено строгое разделение деятельности кооперативов соответственно установленным для них целям. Для кредитной кооперации он отводил преимущественно банковские операции, включительно до финансирования других видов кооперативных товариществ. В частности, он рекомендовал установление контакта между кредитными кооперативными и потребительскими обществами. В общем, он отводил центральное место кредитной кооперации в деревне. Этому удивляться не приходится. А.А. в известной мере смотрел на кооперацию, как на свое детище. Действительно, он отдал в течение десятилетия много сил для создания кредитной кооперации, и его заслуги в этом деле были общепризнанны.

Я в своем докладе указал, что при наличной ситуации в деревне для развития кооперативного движения необходимо содействие извне. Однако при этом основной предпосылкой успеха является внедрение в крестьянство сознательного отношения к кооперации. Поэтому я критически отнесся к насаждению кредитных кооперативов без надлежащей кооперативной пропаганды. Основываясь в значительной степени на личном опыте, я полагал целесообразным признать первым этапом в деле развития крестьянской кооперации организацию мелких сельскохозяйственных обществ, которые, по условиям тогдашнего времени, лучше всего могли подготовить население к участию в кооперативных товариществах. В этих обществах представлялось возможным вести соответствующую пропаганду кооперации и выделить из крестьянской массы активных кооперативных работников.

В.Н. фон Зельгейм выступил с докладом, который может быть назван апологией потребительской кооперации. Ввиду большей независимости потребительных обществ от поддержки извне, а также ввиду того, что они могут охватить наиболее широкие слои населения, по мнению В. Зельгейма, им принадлежало центральное место в деревенской кооперации. Он

находил, что по мере действительной надобности при сельских потребительных обществах могут образоваться разного рода секции, как-то: сельскохозяйственная, кредитная и проч. Это, можно сказать, политика "чистых риз кооперации", насколько помнится, во время прений была поддержана и проф. В. Ф. Томианцем. Между прочим, градоначальником была запрещена образованная съездом особая комиссия по кооперативной пропаганде.

Самой многочисленной была секция потребительской кооперации, в которой участвовало около 200 членов съезда. Руководил ею Н.П. Гибнер, который твердой рукой направлял прения, стремясь этим предотвратить выступления, могущие служить поводом для конфликта с полицейским надзором. При наличии в составе съезда представителей рабочих потребительных обществ, настроенных резко оппозиционно к правительству, эта проблема для председателя была нелегка. В этой секции главным докладчиком был В.Н. Зельгейм. Он не только был ярым поборником приоритета потребительской кооперации, но и хорошо знал все ее практические проблемы. Будучи активным участником по созданию Московского союза потребителей и редактором журнала "Союз потребителей", В. Зельгейм имел достаточно широкое общение с местными кооператорами. Поэтому он в своих докладах надлежащим образом осветил все насущные нужды потребительных обществ. Центральное место тут занимала проблема союзного строительства на местах, тесно связанная с организацией совместных закупок и имеющая решающее значение особенно для сельских потребительных обществ. Надо отметить, что в отношении потребительской кооперации проявилась довольно обычная в дореволюционной России непоследовательность бюрократии, доходившая подчас до нелепости. Каким образом Н.П. Гибнеру удалось получить разрешение на учреждение Московского союза потребительных обществ с районами действия на всю Россию, мне неизвестно. Но, разрешив таким образом создание центрального союза, правительство упорно отказывало в ходатайствах по организации на местах районных союзов. Поэтому кооператорам приходилось продолжительное время создавать такие центры, изобретая разного рода обходы правительствен-

ных рогаток.

Следующее место по количеству участников занимала секция кредитной кооперации, в составе которой имелись представители и теории, и практики. В работах этой секции было непосредственно заинтересовано Управление по делам мелкого кредита как для учета нужд кредитных кооперативов на местах, так и для оказания влияния на их деятельность. Конечно, оно как учреждение формально не участвовало в съезде. Однако в организационном комитете фактически был его представитель. На съезд были командированы, кроме уже вышеупомянутого помощника управляющего А.А. Беретти, еще ревизоры Управления С.В. Борадаевский и Краинский. Для уяснения положения нужно отметить, что Управление по делам мелкого кредита, которое, по закону 1904 г., заняло руководящее положение в кредитной кооперации, в своем личном составе располагало в достаточной мере интеллигентными силами. Непосредственное общение в практической работе инспекторов мелкого кредита вызвало такие веяния, которые по меньшей мере нейтрализовали в работе Управления присущий петербургским канцеляриям дух бюрократизма. Для создания благоприятной атмосферы по обслуживанию народных интересов существенное значение имела личность управляющего делами мелкого кредита Биркина. Он вполне осознал огромное значение кредитной кооперации для народного хозяйства и должным образом проявил чуткость к ее нуждам.

Весьма существенное значение имело рассматривание кредитной секцией вопроса о Центральном кооперативном банке. Можно сказать, что этот вопрос уже имел свою историю. В 1896 г. во время ярмарки в Нижнем Новгороде состоялся торгово-промышленный съезд, из членов которого была выделена кооперативная секция. Кооператоры воспользовались возможностью впервые организованно формулировать свои насущные потребности. Между прочим, секцией было признано необходимым учреждение Центрального кооперативного банка. По этому весьма актуальному вопросу съезду были представлены два доклада, которые рассматривались кредитной секцией. Проф. Анцыферов и проф. Железнов предложили учредить для этой цели акционерный банк с привлечением к

участию в нем как кооперативного, так и частного капитала. В то же время С.В. Бородаевский предложил учредить Имперский кооперативный банк на заемном основном капитале. Ввиду того что Бородаевский был видный представитель Управления по делам мелкого кредита, в его проекте отразилось господствующее там мнение. Во всяком случае, А.А. Беретти решительно возражал против привлечения частного капитала к участию в кооперативном банке. Оба предложения имели серьезных защитников и согласовать их не представилось возможным, а потому кооператорам приходилось делать выбор между ними. Представители кредитной кооперации при решении этого вопроса проявили в достаточной мере независимость, когда секция высказалась в пользу образования акционерного банка. Соответственно этому постановлению, после трехлетних мытарств в 1911 г. кооператоры добились утверждения устава Московского народного банка. При активной поддержке кооперативов этот банк не только успешно развил свою деятельность по прямому назначению, но в действительности стал центром как для делового общения представителей всех видов кооперативных товариществ, так и по установлению контакта между теорией и практикой кооперации. Как участник многих общих собраний акционеров Народного банка, не могу припомнить такого случая, когда при разрешении деловых организационных вопросов возникли бы сколько-нибудь существенные разногласия между разными видами кооперативных товариществ. Эти общие собрания имели строго деловой характер, и на них не проявлялись какие-либо политические уклоны. Активное участие в деятельности банка таких видных теоретиков, как проф. Анцыферов, Тотомианц и Прокопович, содействовало соблюдению принципиальных основ кооперации. Политика вообще не играла роли в кооперативной работе.

По докладу инспектора мелкого кредита г. Катаева был поставлен на обсуждение вопрос о взаимоотношении кооперации, государства и земства, который имел довольно актуальное значение. По существу это сводилось к оказанию земством и правительством содействия кооперативному движению. Быть может, правоверным кооператорам это не совсем нравилось, но при условиях русской деревни в таком

содействии была несомненная необходимость. Если даже при сравнительно более высоком культурном уровне в Финляндии кооперативное движение стало развиваться только тогда, когда был создан агитационный центр "Пеллерво", располагавший значительными пособиями правительства, то в русской деревне организация кооперативных товариществ просто не могла бы без помощи со стороны принять нужные размеры. Кредитная кооперация, которая составляла по существу костяк русского кооперативного движения, была создана в значительной степени содействием государства. Хотя Государственный банк недостаточно финансировал кредитную кооперацию, его средства были те дрожжи, которые вызвали в этой области движение.

Оставался вопрос о содействии земства кредитной кооперации. По закону 1904 г. земствам было предоставлено право учредить земские кассы мелкого кредита, а также явочным порядком организовывать кредитные кооперативы. Нельзя сказать, что земства рьяно ухватились за предоставленную им возможность. Интерес к устройству земских касс мелкого кредита проявили сначала южные земства, тогда как северные земства к этому делу приступили со значительным запозданием. Например, ко времени съезда число земских касс не было велико, и в их деятельности отсутствовала определенная принципиальная установка. Поэтому неудивительно, что многие из них под влиянием требований хозяйственной жизни занялись выдачей единоличных ссуд, и этим создался известный параллелизм с деятельностью кредитных кооперативов. Петербургская бюрократия большей частью не благоволила к земствам и часто пользовалась случаем, чтобы прищемить их деятельность. Эту традицию в известной степени усвоило и Управление по делам мелкого кредита. Видимо, земские кассы трудно укладывались в его планы по обоснованию своей деятельности на базе кредитной кооперации.

Сельскохозяйственная секция была по своему составу сравнительно малочисленна, но интеллектуально сильна. Тут преобладала земская агрономия во главе со своей элитой в лице многих видных губернских земских агрономов. Самым крупным достижением в области сельскохозяйственной кооперации были

успехи артельного маслоделия в Сибири. С проведением Сибирской железнодорожной магистрали Сибирь оживилась, и ее просторы предоставили большие возможности для развития скотоводства. Это обстоятельство учли главным образом датчане и шведы, которые устроили тут много заводов для изготовления масла из покупаемого у крестьян молока. Они должным образом использовали накопленный на родине опыт, всячески поощряли крестьян к разведению молочного скота, снабжали их современным оборудованием и т.д. В результате маслоделие стало одним из краеугольных камней сибирского крестьянского хозяйства. Конечно, эти пионеры неплохо зарабатывали. Однако, как это случалось не раз, капиталисты прокладывали дорогу кооперации. Нашелся энергичный человек — А. Балакшин, который стал пропагандировать кооперативное маслоделие, основываясь на опыте родины тех же датчан.

Все неизбежные в таком деле трудности были преодолены, и организация кооперативного маслоделия пошла так успешно, что удалось установить непосредственную связь с английским рынком, куда главным образом направлялось сибирское масло. Доклад А. Балакшина об этих достижениях произвел сильное впечатление и, вероятно, оказал известное влияние на организацию этого вида кооперативов и в других местностях России. Известной популярностью пользовались, особенно в кругах земской агрономии, мелкие сельскохозяйственные общества. В некоторых районах России, как, например, в Полтавской губ., имела уже значительная сеть таких обществ и там образовали уже базу для земских агрономов в деле осуществления агрикультурных мероприятий. Сельскохозяйственные общества располагали весьма ограниченными средствами как для торговой, так и для агрикультурной деятельности. Однако тесный контакт во многих местах с земской агрономией привел к тому, что земства довольно широко их субсидировали. Затем Министерство земледелия вполне благоприятно относилось к мелким с.х. обществам. Оно оказывало им материальную поддержку для проведения в жизнь отдельных агрикультурных мероприятий и вменяло в обязанность своим специалистам на местах обслуживать их нужды.

Вообще, проблема взаимоотношений между земской

агрономией и кооперацией стала очень актуальной, и на эту тему съезду был представлен доклад проф. В.Г. Бажаева, который был заслушан в секции сельскохозяйственной кооперации. Проф. Бажаев являлся одним из пионеров земской агрономии. Долгое время, до занятия профессорской кафедры при Московском сельскохозяйственном институте, он был Московским губернским земским агрономом, и при его участии было достигнуто введение травопольного севооборота при общинном землевладении. Это имело существенное значение для распространения земской агрономии в России. Вообще, среди земских агрономов в то время преобладали идейные работники, и многим из них не были чужды народнические веяния, что, в частности, сказалось в отношении к общине. Так и в докладчике сказался поборник общины.

Секция трудовых артелей была самой малочисленной и имела около 20 членов, главным образом представителей московских артелей. Среди них импозантными фигурами были Н.В. Левитский, избранный председателем секции, и Г.К. Штанге. Первым выступил с докладом Н.В. Левитский с характеристикой прошлого артельного дела в России, в котором он привел некоторые интересные данные. Так, оказывается, уже в исторических актах 1364 г. упоминается об артелях, а в 1799 г. был даже издан закон, регулирующий их деятельность. Таким образом, артели являются старинной формой кооперации в России. Характеризуя трудности, с которыми пришлось сталкиваться, докладчик привел слова министра внутренних дел Сипягина: "Никаких коопераций не знаю и знать не хочу!"

Надо попутно заметить, что наравне с общиной народники возлагали свои надежды на артели. Поэтому в этой области были произведены многочисленные эксперименты, большей частью не давшие положительных результатов. Особенно много таких попыток, часто при поддержке земств, было сделано по организации кустарей, подвергавшихся вопиющей эксплуатации со стороны скупщиков. Поэтому представлял особенный интерес доклад Г.К. Штанге о Павловской кустарной артели по производству металлических изделий, на которые был значительный спрос на рынке. Сам Штанге, можно сказать, не только был проповедником артельного дела, но и отдал все свои жизненные силы и огромный запас энергии его осуществлению.

Из его заявлений явствовало, что он с исключительной настойчивостью обивал пороги петербургских канцелярий, добиваясь правительственной помощи и облегчения условий деятельности артелей. Эти домогательства не были совсем напрасны, ибо в 1906 г. ему удалось исходатайствовать от Министерства финансов для Павловской артели ссуду в 50.000 рублей.

Доклад Штанге представлял серьезный интерес, давая информацию не только о пережитых Павловской артелью трудностях, но и о накопленном в течение 18 лет опыте. Отмечу, что эта артель начала свою деятельность в 1890 г. при 5 мастерах, а в 1908 г. в ней было 155 членов артели мастеров и 136 наемных рабочих (при годовом обороте в 150.000 рублей). В техническом отношении производство было надлежащим образом механизировано, и в артели было установлено ограничение рабочего дня 10 часами*. Самым существенным был вывод Штанге, что вполне возможна деятельность кооперативных товариществ в области сложных производств. Для успеха деятельности производственных товариществ он находил, прежде всего, нужным прочную связь с другими видами кооперативов, а также материальную поддержку государства. Последнее положение корбило некоторых идейных кооператоров. Насколько мне помнится, в одной из своих речей на съезде проф. Тотомиянц заявил: "Дайте нам свободу, и мы откажемся от помощи государства".

Перед съездом стояло много сложных и трудных проблем, разрешение которых имело существенное значение. Нужно было выделить наиболее важные вопросы и по ним установить необходимые директивы. Однако этой ограниченной программы полностью выполнить не удалось из-за активного вмешательства администрации, приведшей в конце концов к тому, что съезд был вынужден преждевременно прекратить свою работу. Для кооперативов и особенно их союзов важно было достигнуть определенного и прочного правового положения. Поэтому вопрос о кооперативном законе имел первенствующее значение. Так, например, потребительские общества находились в ведении

* До того времени при отсутствии закона об ограничении рабочего дня такая нормировка была большим достижением.

Министерства внутренних дел. Производственные и трудовые артели — в ведении Министерства торговли и промышленности, сельскохозяйственные общества и товарищества входили в компетенцию Министерства земледелия, и, наконец, с кредитной кооперацией имело дело Министерство финансов. Естественным выходом из такого положения представлялось издание общего кооперативного закона. Поэтому съездом сразу была образована довольно многочисленная особая комиссия для выработки проекта кооперативного закона, куда вошли представители теории и практики кооперации. Вообще съезд располагал достаточными интеллектуальными силами для выполнения этого задания. Однако преждевременное закрытие съезда не дало возможности этой комиссии закончить работу. Комиссии пришлось ограничиться только установлением принципиальных основ проектируемого закона и передать дело для дальнейшей разработки Петербургскому отделению комитета ссудосберегательных и производительных товариществ. В данном случае действия администрации нанесли, пожалуй, наиболее ощутительный ущерб интересам кооперации. Только Временным правительством был издан в 1917 г. общий кооперативный закон, принятый перед тем Государственной Думой, но отвергнутый Государственным Советом.

Московский градоначальник тормозил обсуждение всего того, что клонилось к объединению деятельности кооперативов. Так, например, он запретил потребительской секции рассмотреть вопрос о закупочных объединениях потребительных обществ. Вследствие такого распоряжения потребительская секция не сочла возможным продолжать занятия и, можно сказать, самораспустилась.

Наконец, последовало запрещение градоначальника оглашать и обсуждать на общих собраниях съезда резолюции секций по союзному строительству. Тут, можно сказать, чаша терпения переполнилась, и стало ясно, что о дальнейшей сколько-нибудь нормальной работе съезда больше не может быть и речи. Поэтому на созванном общем собрании председательствующий С.Н. Прокопович доложил о распоряжении градоначальника и предложил все постановления секций утвердить без оглашения и без прений. Это предложение было

принято единогласно, и на этом съезд закончился.

Столичные газеты отнеслись к съезду с исключительным вниманием, в них печаталось довольно подробно все, что происходило. Поэтому широкий слой читателей был надлежащим образом осведомлен о работе съезда. При господствующем на съезде деловом настроении действия администрации не могли не вызвать в широких кругах оппозиционного настроения. В конечном итоге административным воздействием были достигнуты обратные результаты.

Без преувеличения можно сказать, что первым всероссийским кооперативным съездом началась новая эпоха в истории русской кооперации. Значение этого съезда многосторонне. Полученная на съезде эмоциональная зарядка, несомненно, способствовала дальнейшим успехам кооперативного движения. Значительной части деятелей кооперации приходилось на местах действовать разрозненно и подчас ошупью направлять свою деятельность. Уже в самом общении с кооператорами, прибывшими со всех концов России, многие впервые почувствовали себя активными участниками движения, которое имеет важное значение для хозяйственной жизни страны и народа.

Существенное значение имело усиление общественного интереса к кооперативному движению и понимание обществом действительного удельного веса кооперации в развитии экономической жизни страны. Ведь кооперацию долгое время относили к категории тех "малых дел", которые для значительной части общества стояли на заднем плане. Теперь же, когда кооперация вышла на арену общественности как массовое движение, в отношении интеллигенции к ней произошел показательный перелом. Русская интеллигенция всегда стремилась служить интересам народа и теперь, примыкая к кооперативному движению, она нашла новое поприще для этого служения. В то же время одним из главных тормозов развития кооперативного движения среди крестьян был недостаток интеллигентных сил в русской деревне. Таким образом, новые веяния облегчали разрешение этой весьма существенной проблемы кооперативной практики. Этот перелом повлиял на увеличение интереса к кооперации со стороны земств, которые по существу являлись главными двигателями культуры в русской деревне. Конкретно

это выражалось в том, что все большее число земств стали направлять деятельность земских касс мелкого кредита на оказание содействия кооперативным товариществам. Немаловажное значение имел и усилившийся интерес представителей экономической науки к разработке проблем кооперации. После съезда началось обогащение кооперативной литературы как научными произведениями, так и популярными.

Отмечу, что вскоре после съезда Петербургский комитет начал издавать для разработки вопросов теории и практики кооперации журнал "Вестник кооперации" под редакцией проф. М.И. Туган-Барановского, который был первым такого рода журналом во всей Европе.

Самым же важным достижением съезда было то, что удалось положить достаточно прочную основу для идеологического единства кооперативного движения в России. Это обстоятельство имело во всех отношениях огромное значение в деле дальнейшего развития кооперативного движения.

Конечно, в течение десятилетия 1908-1917 гг. значение кооперативного движения не могло в полной мере выявиться. Охват кооперацией широких слоев крестьянства имел все же поверхностный характер. Идеи кооперации не успели проникнуть в народную массу, чтобы вызвать серьезные психологические сдвиги. Тем не менее, был глубоко прав такой внимательный наблюдатель русской действительности, как проф. князь Е. Трубецкой, который в 1915 г. писал в "Русском Слове": "Рост русской общественности ни в чем не сказался так сильно, как в могучем кооперативном движении. В экономической жизни нашей деревни кооперация вызывает полное обновление".

Р. Ф. Реннинг

ПИСЬМА Б.К. ЗАЙЦЕВА К И.А. И В.Н. БУНИНЫМ

ПУБЛИКАЦИЯ МИЛИЦЫ ГРИН

Зайцевых и Буниных связывала многолетняя дружба. Вера Алексеевна Зайцева дружила с Верой Николаевной Муромцевой-Бунинной еще в ранней молодости. Роман Ивана Алексеевича с Верой Николаевной начался в доме Зайцевых в Москве.

Естественно, что, выехав из России в 1922 году, Б.К. Зайцев сразу же связался письменно с жившим в Париже Буниным. Переписка продолжалась вплоть до смерти Ивана Алексеевича в 1953 году, правда с перерывами, когда общение было личным.

Зайцевы были своими в доме Буниных, неоднократно гостили у них в Грассе, Бунины в свою очередь навещали старых и верных друзей, делились с ними заботами и надеждами. Помимо личной близости их связывали, в основном, общие, литературные и политические взгляды. Поэтому особенно трагично было основанное на цепи недоразумений расхождение в 1948 и последующий разрыв.

В письмах раскрывается облик Б.К. Зайцева, умного, тонкого, светлого (по выражению Веры Николаевны), его отношение к старшему собрату по перу всегда почтительное, а потом и полное любви и заботы. Зайцев ценил в Бунине его исключительный талант, любил его не только как писателя, но и как человека, несмотря на всю несхожесть их характеров.

Дочь Б.К. Зайцева, Нат. Бор. Соллогуб, любезно разрешила мне напечатать письма отца и дала мне ценнейшие сведения о Борисе Константиновиче и его окружении. Приношу ей глубокую благодарность за оказанную мне помощь. Письма печатаются по новой орфографии. Пропуски обозначаются многоточием в квадратных скобках.

Милица Грин, Эдинбург, 1978.

Passauerstrasse 38, pension Pauli

Постоянн. адр.

26 июня 1922

Grschebin Verlag,
Lüpfzowstrasse, 27. Berlin, W.

Дорогой Иван Алексеевич,

пишу Вам из Берлина, с места нового, еще необсиженного, но после трехлетнего русского сидения — кажущегося легким и занятым. Значит же притомился глаз, если и Берлин нравится! Но правда: очень уж осточертели кладбища, да пустыри, да выломанные заборы, грязь, болезни. "Не будем говорить о них: взгляни, и проходи!"

Я был тяжело болен — Вы знаете. Теперь стриженный, худой, но уж вхожу в "русскую" норму (здесь люди вообще гораздо сытее наших). Не знаю, как будет дальше — пока чувствую себя почти именинником; Вера (В.А. Зайцева, жена Б.К. — М.Г.) в раже поупок. Мы приехали довольно рваные, и теперь переходим на европейский облик.

Дорогой И.А., мы с Верой очень, очень часто о Вас вспоминали, и среди современной стервы особенно резко (и хорошо) Ваш облик выделялся. Не писал я Вам потому, что из России писать надо с цензурой, а жизнь русская такова, что, что ни отзыв о ней — все нецензурно. Бог знает, что с Россией будет. Я верю, что она выживет и поправится, только нам с Вами вряд ли это увидеть. Не доскрипим. А в общем, когда видел я в Себеже (граница) рваных и полуголодных, босых красно-армейцев, и Тата ¹ бросила на землю русскую голубую ленточку на прощанье — стало мне даже жаль Россию, хоть и принял я от нее горечи немало. Романтизма славянофильского во мне нет сейчас, не думайте, а все-таки — страшная Россия, но — и бедная.

Сейчас мне туда *вовсе* не хочется. Но все же через год думаю вернуться. Если бы была со мною мать (здесь) и сестра, то вряд ли скоро стал бы оборачиваться вспять, но... корни там остались.

К осени мечтаю пробраться в Италию — увы, нужно уйму денег. Нельзя ли напечатать что-ниб. у Вас в Париже, на франки? Мне оч. бы хотелось повидать Вас и Донзелей², потолкаться по

Парижу. Есть у меня новые вещи, привез (на 1 л., 1½ л., ½ л. и т.п.) — если не затруднит, черкните, можно ли поместить, напр., в "Совр. Зап." или "Последн. Нов."? Не собираетесь ли Вы в Висбаден на лето? Или вообще в Германию?

Вера целует Вас обоих *очень горячо*, она сама напишет. Л.Ф.³ видели недавно, она удивительно бодра и хорошо выглядит. Павлик⁴ за мной ходил дружески во время болезни, у меня осталась к нему признательность. Тронут я был и Вашим добрым отношением к Донзелям, милый Ив. А.

Ваш Бор. Зайцев.

1. Дочь Зайцевых.

2. Сестра Зайцева, Надежда Конст., была вторым браком замужем за французским журналистом Донзелем.

3. Л.Ф. Муромцева, мать Веры Николаевны Буниной.

4. Брат Веры Ник. Буниной, доктор Павел Ник. Муромцев.

7 июля 1922

Дорогой, милый Иван Алексеевич, очень был счастлив, получив Ваше письмо. — Вами, Вашей страстью и гневом (праведным) оно полно, ладно, пусть и нетерпимость (мне — довольно далекое чувство) — но у Вас все так и быть должно, Иван Бунин не мармелад. Любит, так любит, ненавидит, так ненавидит.

Нет, я не верю, чтобы наши путь разошлись. Не найдешь двух самостоятельных людей, которые бубнили бы слово в слово одно и то же, и возможны между нами мелкие разно-мыслия, но в основном, в главном — мы родственные, конечно. Да прибавьте еще братственные эти страдания, нами перенесен-ных (я ведь тоже узнал, что значит "колотиться головой об стенку". И Вера узнала), да еще то, что в моей жизни Вы, конечно, большее место занимаете, чем я в Вашей (отношение ученика к учителю, образцу, и т.п.). За нами ровно двадцать лет, а новые дружественные связи не являются, и чем дальше, тем для этого шансов меньше.

Толстого¹ нет здесь, он на море. Я его, конечно, увижу, и, конечно, голову ему намылю — таков наказ дан мне и от

литературной Москвы. Порывать с ним окончательно не собираюсь, ибо считаю его талантливой и безответственной жопой, попавшей в дурное общество. Постараюсь всячески выуживать его из "Накануне".² За письмо Чуковского прощения нет, и если он будет продолжать свое "редакторство", то натворит еще достаточно чепухи. О моем участии в "Накануне" речи быть не может. Тифом болел, но разума окончательно не лишился. — Гессена³ видел, встретились хорошо, обедал у него. Это, видимо, умный и культурный человек. В "Жар-Птицу"⁴ приглашение получил, буду печататься. "Руль" для меня мало интересен (газета, а не журнал, и др. сообр.). Спасибо Вам сердечное за "Совр. Зап." В Комитете для меня денег не хлопчите, пока нет надобности, не хочу. Вижу здесь много русских, каждый день кто-ниб. приходит. Вчера была немецкая переводчица с предложением издать "Дальн. Край".⁵ Есть предлож. из Вены — книга расск. по-немецки.

Ваше намерение жить в Амбуазе очень одобряю, это, наверное, отличное место. Вера уехала сейчас на море, к Альбек, с Наташей, к Гржебиным.⁶ Там должна найти 2 комн., и месяца 1½ мы хотим пожить на купаньях. В Италию все же оч. хочется — но это пока еще мечты. Думаю, хоть ненадолго выберусь — к декабрю. Обнимаю Вас и Веру, дай Вам бог покоя и света, верю, что увидимся — как-нибудь да выйдет.

Ваш душевно Бор. Зайцев.

1. Алексей Ник. Толстой.

2. Берлинская сменовеховская газета.

3. Редактор берлинской газеты "Руль", И.В. Гессен.

4. Журнал, изд. в Берлине.

5. Роман Б.К. Зайцева (1912 г.).

6. З.И. Гржебин — издатель.

19 авг. 1922

Дорогой Иван Алексеевич,

мы сидим в Миздрое нашем уже 1½ месяца, "дамы" даже купаются, но меня на эту удочку не поймать. Холод, дождей сколько угодно, отличные леса и превосходные комары. Вечером

все миздройщики на штранде только и делают, что отмахиваются. В комнатах, слава Богу, нет этой нечисти. Все-таки, место неплохое, и с разездом немцев по домам становится все лучше. Я занимаюсь "культом самосохранения". В этом, по-видимому, успеваю: прибавил около десяти фунтов.

Настроение хорошее. Очень часто Вас вспоминаем. Как досадно, что как будто бы и близко, а повидаться еще Бог знает когда удастся. И.А., мне известно, что переводчик Кейланский (или в этом роде, почти Койранский) переводит на англ. язык мою статью об Андрееве (а также статьи Горького и Блока). Я видел книжку Ваших рассказов, им же на англ. переведенных, из чего заключаю, что Вы — возможно — знаете его адр. Может, он мне $\frac{1}{2}$ фунта за статью взыщет с англ. издателя — я ведь мысли об Италии не только не бросил, но и еще в ней укрепляюсь. А здешняя марка становится совсем невесомой. Вере на миздройском базаре немки все говорят, что у них революция будет. Черт бы их побрал. Так это на немцев непохоже, но сами знаете, поднятие цен, марка и проч. — могут хоть кого раздражить (...).

Здесь Толстой. Мы встречаемся с ним. Он очень изменился — по-моему, стал как-то мрачен и тяжел. Очень внутренне непокоен. Я его теперь *вполне* знаю. Он мне далек, и я жалею об этом, ибо у него большой талант, но нет значительности (серьезности). И даже смех его невесел. Вообще, в Германии нет близких мне людей. Жду сюда Муратова, но знаю, как трудно из Москвы подняться, и не думаю, чтоб это скоро ему удалось.

От души желаю, дорогой И.А., чтобы нобелевскую премию Вам присудили, этим шведы доказали бы свою толковость. Соперником Вам может быть один Мережковский (не как художник, конечно, но как писатель, *очень* на Западе известный).

Обнимаю Вас обоих, Вера целует, конечно, горячо.

Ваш сердечно Бор. Зайцев.

В половине сент. думаем в Берлин. Очень Вас благодарю за деньги, к сожал., Д[онзель] перевел их так неудачно, что мы получили едва половину.

28 янв. 1923

Дорогой Иван Алексеевич, есть у меня к Вам одна просьба, если не затруднит, то посодействуйте. Нет ли у Вас каких-либо связей со Швецией или Данией — Вы уже начинаете догадываться, в чем дело. Ясно, что каждый берлинский писатель (а особенно еще такой, который прицеливается побывать в Италии) — вожаком смотрит на высоковалютные страны, и прикидывает, нельзя ли ткнуть этим толстосумам какую-нибудь книжонку. В Москве у нас такие предприятия назывались "комбинациями", впрочем там больше касался разговор продажи старых брюк. Здесь же торгуем литературными товарами, и было бы неплохо, если бы какой-ниб. "Эпштейн и Израйлович" открыли на Таунцинштрассе комиссионную контору по устройству русских аспирантов и их бебехов в разные великие державы (Голландия, Норвегия).

Пока что — этого нет. Приходится кустарничать. Но утверждают, что есть мода на русскую литературу — вызванная, вероятно, революцией. Что ж, как ни смешно, приходится и этим пользоваться. Через месяц я пришлю Вам свою книжечку по-немецки¹, но в питательном отношении это гроши. К шведам же и голландцам неизвестно с какого бока подходить, и даже неизвестно, где они находятся. Итак, если можете, то напомните какому-либо могуществ. викингу, что в Берлине проживает П.И. Бобчинский, которому обязательно надо поехать во Флоренцию, скарб же его пока ничтожен /.../.

В Берлине серо, как и полагается. Пиво и пиво. Как Вы знаете, много понаехало москвичей высланных, среди которых больше и вращаемся. Устроили мы тут клуб писателей, по понедельникам слушаем более или менее гениальные произведения. Состав: Муратов, Осоргин, Бердяев, Айхенвальд, Белый, Ремизов и т.д., но без сменовеховцев, разумеется. Большая комната в кафэ, опять-таки пиво, дым — но ходит все-таки порядочно народу, ибо одиноко ведь и ... вообще малорадостно.

Ваша книга появилась здесь по-немецки у Фишера. Переводчик и поэт В. Греггер говорил мне, что она имела большой успех, разошлась вся в три недели, и теперь Фишер хочет учредить специально русский отдел под ред. Георга

Кайзера и Голличера. И во Франции, и здесь, Вас "принимают" и лансируют левые (как художника), это "блестяще".

Привет мой Вере. Моя Вера, разумеется, тоже кланяется. А грустно: Вы не думаете, что возможность нашей встречи на герм. территории (скажем, на Рейне) — сильно поуменьшилась? Вообще, когда же кончится политика, ненависть, чепуха идиотская? Поглупело человечество. Sic!

От души желаю Вам получить нобелевскую премию, и если это произойдет, то в тот же вечер напьюсь в Берлине за Ваше здоровье и славу.

Ваш Бор. Зайцев.

1. Вероятно, "Рафаэль".

23 февр. 1923

Дорогой Иван Алексеевич, посылаю Вам вёрстку моих "новелл" по-немецки. Только вряд ли удачный выбор — как раз все иностранное. Для Америки это почти наверно не годится, впрочем, я вообще весьма сомневаюсь, чтобы мне туда удалось проникнуть.

Если Брэдлэй¹ человек литературный, то, б.м., все-таки покажете ему, объяснив, что я могу дать или кн. избран. *русских* рассказов, или роман "Д. Кр."², выходящий в Париже у Rieder'a (но когда еще это будет! Донзель утверждает, что осенью. А я ни в чем не уверен, хотя договор и лежит в столе). Сам я Брэдлэю не пишу, ибо я для него совсем пустое место. Вам он скорей ответит и хоть, м.б., прочтет книжку.

Итак, это только "образчик пера".

Об Италии — конечно, фантазии. Хорошо бы просто повидаться летом.

Благодарю Вас очень за внимание. Ваш Бор. Зайцев.

1. Литературный агент.

2. "Дальний Край"

26 апреля 1923

Дорогой Иван Алексеевич, давно собирался ответить Вам и поблагодарить за письмо в Шв. и адрес. Книга моя вышла, я пошлю ее или лично, или через бюро (здесь возникло-таки! и на днях (...) просили меня дать разрешение о хлопотах *на все страны*). Я согласился, разумеется, хотя иллюзий никаких не строю. Слишком много на свете писателей, слишком мало читателей, и слишком прочно на свете так все устроено, что верх берут прохвосты.

Я чувствую себя сейчас неплохо, и ни в какой особый мрак не впадаю, но ощущение Дьяволова дыхания над миром у меня довольно сильно. Много тяжелого и враждебного в молодежи теперешней. Число наглых, безвкусно пошлых и прямо подлых людей необычайно возросло. (А здесь, среди русских, иной раз просто радуешься действ. русскому лицу. Знаете Вы Ладыжникова¹? Он хромой, с масляным пробором, но похож на ярославско-нижегородско "доверенного", говорит на "о", и вчера мне его приятно было видеть — хотя возможно, что и он шельма.) Все эти дни сижу судьей по делу Гржебина с Внешторгом. Одни "русские" грызутся с другими "русскими".

Вера сейчас лежит — у нее докт. нашел воспаление легких, но в оч. слабой форме (гриппозное). Темп. невелика, чувствует она себя неплохо, но кашляет, лежит в компрессе. Думаю, проваляется все же порядочно. Наташа моя уже взрослая становится! (...).

Внутреннее ощущение у меня то — что мы скоро увидимся. Возможно даже, что осенью я съезжу в Париж.

Крепко Вас обнимаю. Хорошо, что есть еще *не-эратцы*.

Ваш душевно Борис.

P.S. Ersatz — слово здешнее, значит — подделка, имитация.

1. И. П. Ладыжников, издатель.

(Открытка, почтовый штемпель 19.8.23.)

Дорогой И.А., спасибо сердечное за внимание и доброе отношение. О визе пишу одновр. по указ. адресам. В Ит. мы теперь все-таки едем, но фр. виза очень полезна. Не знаю точно, переселимся ли (будет зависеть от дел в Герм.), во всяком случ.,

я зимой (или осенью) побываю в Париже. Если здесь не успокоится, то придется трогаться дальше, к Вам (жить в Ит. невозможно, конечно). Дружески обнимаю. Привет! Бор. Зайцев.

(31 дек. 1923 г. — по новому стилю — Б.К. Зайцев приехал в Париж. В дневнике В.Н. Буниной записано: "Не выдалось шесть лет! Изменился мало. Выдвинулись только кости. Стал живей, подвижнее. (...). Кое-что чувствует иначе, чем мы, но все же в настроении приятном. Вера приезжает дней через десять". Следующее письмо адресовано в Грасс, где Бунины главным образом жили).

8 мая 1924

Дорогой Иван Алексеевич, несколько дней уже хочется написать Вам — лучше бы, конечно, говорить, но Вы далеко. Дело ясное (но и не-ясное!): у Вас есть какое-то недовольство, чем-то я Вас раздражил. Так как я очень Вас люблю (теперь даже сильнее, чем раньше), то мне это огорчительно. Но, говоря по совести, я за собой вины *не* чувствую. Я просто плохо понимаю, чем Вы недовольны. Может быть, я ошибаюсь, но, кажется, Вы нехорошо поняли, что я не еду в Грасс. С Вашей точки, я поступил глупо, а с моей — не глупо, неужели из-за этого здесь, на чужбине, нам друг к другу охлаждаться? И неужели Вы *серьезно* думаете, что тут была *тень* дурного отношения к Вам. Вы мне сказали: "Я человек скептический, склонен предполагать худшее". Не думайте, что и я, на сорок четвертом году жизни все такой же "восторженный кретин", как был 20 лет назад. Но скепсису есть и предел. *За* ним — нарушение чувства меры, к чему мы с Вами не бесчувственны.

Я не оправдываюсь ни в чем, и не доказываю ничего. Хотите верьте, а хотите нет. Я только еще раз хотел бы Вам сказать, что для затемнения меж нами с моей стороны, *внутренно*, нет *ничего*. А если внешне я устроил что-нибудь нескладно (на Ваш взгляд), то не *вменяйте*. Слишком было бы печально.

Странная вещь: когда я был моложе, я иногда фуфырился по отношению к Вам. Как раз теперь, более зрелым, когда обычно человек хочет сказать, что он "и сам с усами", я *внутренно почтительнее* к Вам, и в 1924-м я скорей и легче скажу, что считаю себя Вашим учеником, чем в 1904. Годы делают и надменнее, и скромней. Я был всегда надменен, а теперь стал к

одним еще надменнее, а перед другими я скромнее (из живущих — перед Вами; перед своим сердцем, пред искусством, а перед базаром — злее).

Я пишу Вам очень тайные вещи. Плебс, критики и дураки, населяющие "милый мир", не должны быть в это посвящены. Но Вам пишу. Может быть, Вы и улыбнетесь (тоже скепсис!), ну и ладно.

Все-таки я не верю, чтобы вы серьезно на меня сердились. Но не хочу, чтобы и "несерьезно".

Шлю Вам дружеский привет, сердечный, Вере также.

Ваш душевно Бор. Зайцев.

P.S. Мне было грустно, что Вы уехали накануне моего вечера, которым я во многом Вам обязан. Конечно, интересного для Вас ничего не было. Но Вы же знаете, что это дело не из легких (для гордыни нашей, за которую будут нас теревить черти на том свете), и сочувственное сердце ценится особенно. М. С.¹ довольна — я получил 5000 фр. Внешне все прошло благополучно.

1. М.С. Цетлина, которая, вероятно, устраивала вечер Зайцева.

28 авг. 1924

Дорогой Иван Алексеевич, неск. дней тому назад мы перебрались в Париж, адр. теперь такой: 2, rue Belloni, Paris (XV). Это бывшая квартира Бальмонта. Мы ее сняли пополам с Лелей Комиссаржевской (Верина племянница). Комбинация: мы и она + мальчик, не говорящий ни слова по-русски (ее сын), + англичанка бонна. Одним словом, английская семья. 4 комнаты, 850 фр., делится пополам до января, а там англичане уезжают в Америку, где Леля служит, и мы остаемся в одиночестве.

Лето провели в Со, неплохо. Очень тесно с деньгами, отстреливаемся из укрепленных позиций, на расстоянии 100-200 фр., но пока дышем. Сейчас я пишу книжечку о Сергии Радонежском, для американцев (Y.M.C.A.). Работа приятная и хорошо действует. Маловато книг. Хожу к Буайе в библ. на rue de Lille, открыта из-за мертвого сезона только раз в неделю. Виделся с Карташевым¹. Вообще же вижу мало людей. Продал Ляцкому роман² в "Пламя" и "Дальний Край" на чешский — это

и есть нек. опора.

Порядочные люди все сейчас в разъезде. Когда Вы приедете? Так в Грассе и не пришлось побывать. Но где же. Только-только выпарапываемся. Гржебин в оч. тяжком положении, не знаю, вывернется ли. Вообще же не него надежд никаких. Кругом сам должен, болен (сердце) и т.п.

Квартира наша хороша, одно неприятно: шум. Целый день французы ездят мимо нас, разные фуры. Бутылки из-под пива, мешки с мукой, ящики с гвоздями, автобусы — черт бы их побрал. И даже ночью не желают затихать. Вера прицеливается что-ниб. работать. Наташу на днях отдаем танцевать.

Из России вести грустные. Мать мою³ окончат. выселяют из деревни, и *судили* даже (вот стервы!) — зачем жила в имении, когда этого нельзя. На суде была сестра Татьяна⁴ (за нее), и отказалась за нас всех от владения. Мать переезжает к ней в Москву. На 78-м году не очень весело. Верина Татьяна написала, что теперь уверилась в смерти сына (Пети).

А "в заключение сего письма", дорогие дядя Ваня и Верочка, обнимает Вас и целует племянник *mister Bob* (так меня мальчик англичанин называет). Душевно желаю хорошей работы и покоя.

Напишите неск. слов, коли не поленитесь. Ваш Б.З.

1. А.В. Карташев, министр вероисповеданий во Временном правительстве, профессор Богословского Института в Париже. Автор многих работ по религиозным вопросам.

2. "Золотой узор".

3. Татьяна Васильевна Зайцева, ур. Рыбалкина.

4. Татьяна Konst. Буйневич.

5. Татьяна Ал. Полиевктова (сестра В.А. Зайцевой).

(Открытка, почт. штемпель 23.4.25)

Дорогие Ив. Ал. и Вера, в *понедельник* думаю навестить Вас. Я сейчас у Ельяшевичей¹ в Pugette. В воскресенье мы с Ф.О. собираемся в Ниццу, а на друг. день (должно быть, в первой половине) я заеду к Вам. Верочка, напишите мне все-таки, будете ли в этот день дома? Где остановиться в Cannes? Собираюсь

пробыть 1-2 дня (возвращаюсь уже в Париж) — Привет. Жду открытки. Бор. Зайцев.

1. Проф. В.Б. и Ф.О. Ельяшевич, в имени которых Зайцевы часто гостили.

Domaine de la Pugette
près Thoronet. Var.

16 июня 1925

Cher ami et maître, пишу Вам уже из Прованса. Третьего дня мы ввалились в Пюжетт, всей компанией. Начинается первое мое "южное" лето, я никогда в эти месяцы юга не видал. Не знаю, что будет дальше, пока — очаровательно блестящий свет, жарко, но в доме совсем легко, а в моей комнате даже прохладно. Во всяком случае, много вольготнее, чем в Париже.

Квартиру в Париже удалось сдать до октября, т.ч. Тэффи¹ успела на прощанье состричь, что "поехали в Пюжет поправлять бюджет". Это весьма правильно. Тэффи переселилась в отель. Когда Вы к нам приедете? Через Драгиньян в автобусе не так далеко. Мы тоже собираемся в Грасс², на денек, но не сейчас, а позже. Пока будем сидеть, ждать Вас. Напишите, дорогой И.А., когда думаете тронуться — чем скорее, тем лучше. Узнайте распис. автобусов до Драгиньяна, а я сообщу от нас до Др. (это 25 верст).

Видите ли Мережковских?³ И как сербское дело?⁴ Я ничего не знаю. (Т.е. главное: будут ли деньги). Как себя чувствуете? Знаю, что про писание спрашивать Вас бесполезно, но считаю, что в Грассе Вы меня угостите "Литературным шампертеном". Привет Вере сердечный. Вера на днях напишет. Ваш Бор. Зайцев.

1. Писательница-юмористка Над. Ал. Тэффи, урожд. Лохвицкая, жила некоторое время вместе с Зайцевыми.

2. В начале мая 1925 Бунины поселились на Villa Belvédère в Грассе.

3. Дм. С. Мережковский с женой Зин. Гиппиус тоже проводили лето в Грассе.

4. В Сербии предполагалось основать книгоиздательство.

Вероятно, вскоре Бунины собрались в Пюжетт, т.к. в дневнике Веры Николаевны 14 августа записано: "От поездки к Зайцевым осталось поэтическое впечатление. Сами они очень милы, приятны, родственны." Б.К. Зайцев описал приезд Буниных в книге "Далёкое" (стр. 139-143)

24 сент. 1925

Дорогие дядя Ваня и Верочка, пишу накануне отъезда — послезавтра трогаемся. Хорошо было в Провансе, с большим удовольствием и радостью вспоминаем Грасс¹, сердечно Вас обоих обнимаем. Когда встретимся в Париже?

Еще раз — привет. Бор. Зайцев.

1. Зайцевы гостили у Буниных с 5 до 7 сент., согласно записям Веры Николаевны, называющей их ласково "Зайчиками".

5 окт. 1925

Дорогой друг, "Перезвоны" (нелепое назв. не мной выдуманно) — иллюстр. журнал в Риге, издает его С.А. Белозветов, брат Н.А., "Саламандры"¹. Еженедельный, никаких особ. ухищрений, литературный, национальный, без политических статей. Литературным отделом заведую я, в Париже это сегодня как раз окончат. выяснилось и я получил уже рукописи. *Очень прошу* поддержать меня, дать что-ниб. в первый №. Что угодно, только дать. Может быть, есть из тех чудесных по яркости, силе страниц, что давали Миронову². Вообще Ваше дело выбрать, а моя покорнейшая просьба — именно дать. Гонорар Вам — 1 франк за строку (другим неск. меньше, третьим гораздо меньше). Но Вы понимаете, что это не моя область, и, конечно, Вам надо платить не франк и не два, но тут уж начинается чужбина и условия "эмигрантской печати".

Я дал "Тулон", есть Ремизов, Тэффи. Из сотрудников (Б-в прислал мне список) для Вас, я считаю, неприемлемых нет. Наклон сильно вправо, до Первухина и Краснова. Есть Осоргин, с ним Вы в "Совр. Записках".

И так, жду рукописи. Верочку целую, обнимаю Вас. Борис.

P.S. На днях сестра моя³ и Ляля восторгались "Митиной любовью". Я сказал: "А вот почитайте "Окаянные дни". Там про вас"⁴. Это вызвало нек. замешательство.

1. Издательство в Риге.

2. Редактор "Иллюстрированной России" (Париж).

3. Надежда Константиновна Донзель и ее дочь.

4. В это время Морис Донзель был троцкистом и вся семья очень полевела.

12 окт.

Дорогой Иван Алексеевич, предлагал Вам франк, потому что, сколько мне известно, столько Вы получали в "Руле"¹ и Возрождении"². Да, в сущности, ничего толком и не мог по гонорарной части предлагать, т.к. Белоцветов (которого М-ие³ уже считают большевиком) о Вас ничего мне не писал, а было сказано кратко: 82 с. Мало и Вам, и мне, но по 10 фр. здесь никто не платит. Я приложу все усилия, чтобы Вам заплатили сколь можно больше, белоцветовских денег мне не жалко, но я должен знать, что же просить, что Вы хотите? (За стихи и за прозу).

Белоцветова я знаю лично, это крупнейший делец и такой "буржуй"... — что только З.Н.⁴, которой я написал сейчас резкое письмо, может думать, что журнал будет "сменовеховский". (И приходится спорить, доказывать, убеждать в очевидности!!) О новой орфогр. мне и в голову не приходило, я уверен, что по старой, но ввиду общей Вашей крайней подозрительности, сегодня же запрашиваю Белоцветова.

Всего лучшего, сердечный привет обоим. Ваш дружески Бор. Зайцев.

P.S. Проспект мне (как, очевидно, и Вам) прислан на машинке по старой орф. По конституции Белоцветов имеет право вето на "произведения, задевающие нац. или религиозн. (православное) чувство".

1. "Руль", газета в Берлине.

2. Газета, основанная А.О. Гукасовым, первым редактором которой был П.Б. Струве.

3. Мережковские.

4. З.Н. Гиппиус.

19 окт.

Дорогой друг, сегодня получил корр. стихов Бальмонта — конечно, по старой орфогр-ии. Павел Андреевич Тикстон (брат жены Б-а и близкий чел. журналу) сказал мне, что для "Перезвонов" заказан был новый шрифт, им и набраны стихи (Б. их отправил Б-у давно, еще до моего "вхождения") — шрифт приличный и "наш". Так что с этим покойно. Дорогой Ив. Ал., если Вы будете давать не только 500 строк, но если бы дали

целую повесть, на неск. №, мы были бы очень рады. Как раз вчера Белоцветов писал об этом, а я ответил, что было бы отлично, но думаю, что отдадите в "С.З.", а если нам, то по 5 фр. за строчку. Это, конечно, не выйдет. Но дороже "С.З." мы заплатить, наверно, сможем. (Мы!!)

Во всяк. случае, ответьте тотчас же, что хотите за прозу, что за стихи. Рад буду всему Вашему, что ни дадите, об этом писать даже лишнее. Я написал о мал. штучках типа как в "Илл. Росс." потому, что думал — вряд ли Вы нам что-ниб. крупнее дадите — только поэтому.

Зинаиде¹ скажите: я с Добужинским² встречался в Берлине 2 года назад, он *нисколько* не большевик. Мне, вероятно, Вы не поверите, спросите Веру (мою. Она уж на этот счет "берет по месту"). Нарисовал он обложку — перезваниваются между собой эмигрантские гнезда — Нотр Дам с Собором Петра, Стефаном и т.д. Мысль дурацкая, конечно, как и название, но уж *не* с большевиками перезваниваться собирается Белоцветов, это уж что.

Об Апсите³ Тикстон уже написал Б-у. В проспекте, только что мною полученном, имени его нет (хотя я и считаю, что если он у больш. писал плакаты, это не значит, что он сейчас большевистск. "деятель". И Д. Серг.⁴ что-то "читал" в Петербурге).

Ну, всего лучшего. На моем письме Вам был, должно быть, оттенок неудовольствия — не вменяйте, Зинаида рассердила, а я писал письма одно за другим.

Ваш всегда Борис.

1. Зинаида Ник. Гиппиус.

2. Художник М.В. Добужинский.

3. Латышский художник.

4. Д.С. Мережковский.

2 ноября 1925

Caro maestro e amico, спасибо сердечное за "Сарафан". Отослал его в Ригу в день получения от Вас, им хочу начать и журнал и номер. Насчет условий Ваших написал, они, конечно, далеко выходят из "рамок", да ведь и Вы из них выходите, т.ч. с этим не предвижу затруднений, а доллары устроит Павел

Андреич (Тикстон. — М.Г.).

Говорят, Вы остаетесь — не пойму, до янв. или до декабря?

Привет Вам и Вере, и всем Вашим хорошим местам. Ваш Бор. Зайцев.

1. "Мордовский сарафан", рассказ И. Бунина.

9 ноября 1925.

Дорогой друг, Ваши доллары у Тикстона. Что с ними делать? Напишите ему (...) или мне, как хотите, с деньгами поступим по Вашему повелению — вышлем ли, или Вы, мож. б., на днях и сами приезжаете. К сожалению, в 1-й № Ваша вещь уже опоздала, там будет только анонс о ней, для 2-го.

Крепко целую, Борис.

7 дек. 1925

Дорогой друг, получаете ли Вы журнал, и как впечатление? Напишите свои замечания. Не знаю, что дальше будет, пока журнал идет хорошо, т.ч. даже увеличивают тираж (но я не знаю, сколько печатали. Первые № разошлись.)

Очень бы рад был, если бы Вы нам прислали что-нибудь, прозу или стихи. В рождественский или новогодний № (их будет два). Нет ли случайно чего "рождественского" — мои старики любят это (был, напр., когда-то "Новый год" Ивана Бунина — и как это давно было!). Но, конечно, и не рождественское, будем благодарны. И пришлите стихи. Давно Ваших стихов не было, пора.

Когда же увидимся? И каковы вообще планы на зиму? У нас все лазарет. Лежала Тата, теперь встала, третьего дня Вера слегла — ангины, анафемский парижский климат. Ну, всего лучшего, Верочке привет дружественный. Кланяйтесь также Ек. Мих.¹, я о ее статье написал сочувственно в "Днях" — дошел ли этот №?

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Просьба к Вам касается не только святочных №№, если опоздаете, то все равно — я даже думаю, что в рожд. вернее всего опоздаете, а в новогодн. еще вполне есть время.

1. Ек. Мих. Лопатина, у которой Бунины остановились по дороге в Париж.

31 дек. 1925

Дорогой И.А., по утреннем размышлении решил нынче вечером не идти — Вы знаете, что с Вами и Верой мне оч. приятно провести вечер, и против редакции "В" я решительно ничего не имею, но к Гукасову, да еще по такому не прямому зову — не подходяще¹. В прошлом году он был груб по отношению ко мне, а нынче все же он будет хозяином, и почему-то я к нему пойду? — нет.

Обнимаю Вас и Верочку дружественно. Ваш Бор. Зайцев.

1. Речь идет о встрече нового года (по новому стилю) в газете "Возрождение".

20 июня 1927

Итак, я с Афона вернулся¹. О тебе почти ничего не знаю, да и никто, кажется, не знает. Мы сидим в Париже. Видимо, останемся на все лето (Наташа будет гостить у Карбасниковых)². На Афоне *очень* много интересного, к сожалению, у меня было *очень* мало денег, что сильно затрудняло путешествие. Передай Илье Исидоровичу³, что, когда Вера в трудную минуту обратилась в журн. "Совр. Зап." с просьбою об авансе *для уплаты за квартиру*, ей было *начисто* отказано (равно и в "Посл. Нов."). Добавь, пожалуйста, что если "С.З." думают, что такой образ действий способствует укреплению наших отношений, то это заблуждение.

Осенью в "Возр." выходит книга новых моих рассказов⁴. (Там будет и рассказ "Авдотья смерть", за кот. я получил с "С.З." 250 фр. Если бы они знали, какие "реляции" я получаю об этой вещи, письм. и устные, то, м.б., прибавили бы еще 50 фр. за лист).

В Афинах была дикая жара и пыль. Чехов когда-то мудро сказал об этом городе: "в Афинах много блох". В Париже пока лето состоит в том, что я сожалею об отданном в чистку летнем пальто. Все же это лучше, чем задыхаться.

Благодаря дружной поддержке дружественных изданий я был вынужден возвращаться из Афин в III классе — это сильно напомнило мне камеру Особого Отдела в Г.П.У., где мы сидели в 1921 г., но и дало некоторый жизненный урок. Иван, тебе Афон

страшно понравился бы! Там я жил чудно. Но в монахи никак не пригоден (в чем несколько, впрочем, и не сомневался, и ездил туда не за тем, чтобы монахом делаться). Я там путешествовал на лодке, муле и пешком. Принимали как архиерея. Дорогой мэтр и друг, обнимаю тебя и Веру, привет Фондамэну³, очень буду рад получить несколько строк (на большее не рассчитываю) из приятного моему сердцу Грасса.

Твой Борис.

1. На Афоне Б.К. провел "семнадцать незабываемых дней".

2. Ник. Ник. Карбасников, издатель, и жена его Анна Самойловна.

3. И.И. Бунаков-Фондаминский, один из редакторов журнала "Современные Записки".

4. "Странное путешествие", Париж, 1927, "Возрождение".

22 июля 1927

Дорогой друг, я уже написал Оберучеву¹ отказ. И прибавил, что если Горький будет там участвовать, то я и "помощи" от комитета никакой не приму. Пишу тебе коротко, у меня большое горе: умерла моя мама в Москве — почти накануне выезда сюда. Боже мой, как я мечтал ее увидеть и отогреть последние ее дни! Господь иначе судил — Его святая воля. Но мне очень тяжело. Целую Вас обоих нежно. Пусть милая Верочка помолится за новопреставленную Татиану, да и ты постарайся помолиться.

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Слышал, что ты пишешь большую вещь,² и что это чудесно у тебя выходит. Дай тебе Бог. Буду очень, очень рад.

1. К.М. Оберучев — известный обществ. деятель, быв. полковник, организовал в Нью Йорке "Комитет помощи" русским эмигрантам.

2. Речь идет о "Жизни Арсеньева".

29 авг. 1927

Дорогая Верочка, сегодня 40-й день кончины мамы, мы с Верой моей были на панихиде, которую служил о. Георгий. Спасибо тебе, дорогая, и твоему Ивану за слова сочувствия и любви. Я это сейчас очень, очень ценю. Мне очень понравилось, что Иван ушел из "Возрождения", в этом есть "хороший тон" и

большой стиль, как большому кораблю и полагается. Что же до самого "конфликта", то трудно разобрать, кто прав, кто виноват, *étant donné*, что Г.², конечно, хам.

Вчера мы ездили в деревню — были у Наташеньки на рождении. Была чудная погода, очень похоже на Россию и очень грустно на душе. А сейчас я получил взволновавшую меня пневму³: нынче вечером быть у митрополита Евлогия на совещании о церкви. Ты понимаешь, это дело *очень* серьезное. Я не ждал никак, что меня позовут, в этих делах считаю себя профаном, и могу только сказать о своих "чувствах" (они определены, в данном случае, разумеется, "против" подписки о лояльн. к Советам). Что-то будет!

Милый друг, целую тебя братски, желаю тебе бодрости, сил. Ивана поцелуй. Ник. Як. мой сердечный привет и благо-дарность.

Вера Вас всех приветствует. Твой Бор. Зайцев.

1. В "Возрождении" произошла перемена редакции (вместо П.Б. Струве редактором стал Ю.Ф. Семенов), что повлекло уход некоторых сотрудников.

2. Вероятно, Гукасов, финансировавший "Возрождение".

3. Письмо по пневматической городской почте.

3 окт. 1927

Дорогой друг, Вера сообщала уже Вере твоей, что я буду теперь писать в "Возрождении". Это в некот. отношениях невесело — из-за тебя преимущественно — и я долго жевал, пока не почувствовал, что поступить иначе будет неискренно и неестественно. Я должен как-то, хоть минимально, обеспечить себя и семью, чтобы было чем платить за квартиру и чтобы не устраивать "вечеров" и сборов. Четыре мес. я сижу *без гроша*, надоело. "П.Н." не захотели мне прибавить за "полубеллестристку" (я просил 1½ фр.), я плюнул и принял предложение Маковского¹. Аванса мне "П.Н." тоже сейчас не дали, а все почти мои фельетоны уходили на покрытие взятых на поездку денег. Здесь мне дают 1000 фр. фикса и (сверх того) 1.25 за очерки, а за беллетр. — 2 фр. Будет выходить около 2000.

Струве мне далекий человек, а ты близкий, и то, что ты ушел, а я вхожу, мне неприятно, и с Г-м иметь дело тоже

невесело, тем не менее, в известн. момент, когда что-то во мне "созрело" что ли, я решение принял, и нарочно даже тебе не писал, никому ничего не говорил — все равно, так надо, значит и надо. "П.Н." я не настолько любил, чтобы по ним плакать, "В-ие" не настолько *не любил*, чтобы избегать принципиально. Евреи и Осоргин² недовольны, правые — неструвисты приветствуют, струвисты будут ругать, в общем разногласия, как всегда, но теперь уже *fait accompli*. О газете мне сказано в редакции: "без монархизма и без антисемитизма" — если не врут, это мне более приемлемо, чем прежде.

Таковы дела, дорогой Иван. Когда же увидимся? Ходит слухок, что Вы остаетесь до января. Правда ли это? Очень жажду почитать твой роман. На днях видел журналиста Троцкого, он приехал из Швеции. Говорит, что в нынешн. году кандидаты от русск. на Нобелевскую премию Мережковский, ты и Бальмонт. Всем сердцем желаю успеха — это был бы чудный реванш за Г-ва. Алданова вижу довольно часто. Он чувствует себя точно бы получше, чем весной. Обнимаю и целую обоих Вас, очень был тронут и взволнован добрыми Вашими словами об Афоне³;

Сердечно твой Борис.

1. С.К. Маковский, поэт, сотрудник "Возрождения".

2. Писатель М. А. Осоргин.

3. Очерки Б.К. Зайцева об Афоне в 1928 вышли отдельной книгой.

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНСКИЕ НАРОДЫ СССР

Исламская революция в Иране и советская оккупация Афганистана повысили интерес и к мусульманским народам СССР. Происходящая сейчас схватка между исламом и коммунизмом в Афганистане, продолжающаяся политическая, стратегическая и, особенно, энергетическая конфронтация великих держав в мусульманском треугольнике — Иран, Турция и Арабский Восток — может привести в движение со временем и советский мусульманский Восток. Уже сейчас Кремль вводит советских мусульман в свою экспансионистскую игру на Среднем и Ближнем Востоке якобы для "защиты" тамошних мусульманских народов. Но игра эта не только фальшивая и коварная, но она одновременно и игра с огнем. В случае возникновения военной конфронтации в этом треугольнике между Америкой и Советским Союзом нынешняя ставка Кремля на "мусульманский патриотизм" его подданных может обернуться катастрофой для него же. В высокой степени ненадежными являются мусульманские народы СССР и в случае серьезного политического и революционного кризиса внутри страны.

Сказанное оправдывает попытку бросить беглый взгляд на догматы ислама, историю мусульманских народов СССР и на настоящее положение ислама в СССР.

1. Мир Ислама и Ислам в мире

Ислам — религия великих завоевателей словом и мечом — превратился со временем в религию завоеванных и порабощен-

ных колониальных народов Азии и Африки. Как раз на этих двух континентах, где европейский колонизатор шествовал по следам арабских завоевателей, он хотя физически и покорил мусульманские народы, но никогда не смог покорить их духовно. Попытки миссионеров из метрополий вернуть обратно в христианство хотя бы те народы, которые до их покорения арабами исповедовали христианство, оказались в основном тщетными. Один известный советский востоковед замечает в отношении стран арабского Востока: "В этих ранее христианских странах в средние века большинство коренного населения перешло в Ислам, но никогда не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманами" (Е. А. Беляев, "Мусульманское сектанство", Москва, 1957, стр. 152).

Неспециалисту трудно понять, а тем более правильно оценить тот величайший успех, который выпал на долю Ислама, родившегося в средние века в том же регионе, где уже несколько веков господствовали такие мировые религии, как иудейство и христианство. Гораздо легче объяснить успех Ислама в новое и новейшее время, когда он стал религией колониальных народов. Ислам в отличие от христианства воплощает в себе не только вероучение ("Дин"), но и государственное учение ("Шариат"). Здесь и Божье и кесарево было сосредоточено в одном верховном суверене — сначала в Магомете, а потом в его Халифах. Отсюда Ислам, будучи верой, становится одновременно и движущей национально-политической силой сначала в арабских завоевательных войнах, а потом в освободительном движении колониальных народов (басмачество в Туркестане, мюридизм на Кавказе).

Что же касается догматов в Исламе, то существует теория, что Ислам всего навсего синтез элементов христианства, иудейства и языческих верований арабских племен. Если он действительно является каким-то синтезом, то надо его признать гениальным синтезом, призванным удовлетворить потребность той части человечества, которая осталась вне сферы влияния существующих мировых религий.

Догматика и моральная философия Ислама ("Ислам" — "вручение себя Богу") изложены в Священной книге мусульман ("мусульманин" — "преданный") — в Коране ("Коран" — это

"чение"), который представляет собою сборник проповедей Магомета (род. 570, умер 8 июня 632 г.), внушенных ему Богом через ангела Джабраила (Гавриила). Коран собран уже после смерти Магомета его непосредственными учениками. Основная догма Ислама, хотя ее нет в Коране, гласит: "Нет Бога, кроме Бога и Магомет пророк его" (значение этой догмы становится понятным, если иметь в виду, что в священном доисламском храме Кааба в Мекке было собрано до 360 идолов, которым поклонялись разные арабские племена. Она противопоставляла себя также и христианской догме о Боге в трех лицах — "Троице"). Вступительная сура Корана — "Фатих", — которая у мусульман играет роль христианского "Отче наш", гласит: "Во имя Господа Милосердного, Милостивого! Хвала Богу, Господу миров, Милосердному, Милостивому Владыке дня суда. Воистину Тебе мы поклоняемся и у Тебя мы просим защиты. Наставь нас на путь правый, на путь тех, к кому Ты был милостив, на кого нет гнева, и кто не заблуждается". С формулы "Во имя Господа Милосердного, Милостивого", которая по-арабски звучит так: "Бисмиллахир рахманир рахим" — начинается каждая из 114 сур Корана. Обрядовых предписаний мусульманину четыре: 1) пятикратная молитва в день, 2) соблюдение поста (лунный месяц Рамазан), 3) "закят" (платить в пользу сирот и бедных 2,5% своего дохода) и 4) при материальной возможности совершить раз в жизни паломничество в Мекку. Морально-этические обязанности, которые возлагает Коран на своих последователей один немецкий комментатор Корана сводит к следующим шести главным принципам: 1) уважение жизни человека, 2) верность и порядочность, 3) доброта и преданная благодарность родителям, 4) помощь соплеменникам и единоверцам в их нужде, 5) верность долгу, 6) великодушие к зависимым от тебя ("Der Koran", Muenchen, Goldmann Verlag, 1959, стр. 12-13). В четвертой суре Корана сказано, что все хорошее, совершаемое человеком, — от Аллаха, а все плохое — от человека самого. Блаженства рая, которые ожидают правоверного мусульманина, Коран описывает с необыкновенным пафосом и красочностью.

Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело. В девятой суре читаем: "Скажи: "Не постигнет нас никогда

ничто, кроме того, что начертал нам Аллах". Коран освобождает человека и от боязни смерти. В той же суре сказано: "Достояние ближней жизни в сравнении с будущей — ничтожно". Средневековый мусульманский философ так комментирует учение Корана о смысле смерти: "Смерть — исчезновение материи, а не души... Смерть лишь перемена состояния. Душа начинает жить самостоятельно. Пока она находилась в теле, она держала рукой, смотрела глазами, слушала ушами, но суть вещей познавала она, и только она". Эту философию смысла жизни и смерти по Исламу советский ученый узбек Талиб Саидбаев охарактеризовал в словах: "Немаловажную роль в выполнении Исламом компенсаторской функции в обществе сыграло и учение его о цели и смысле земной жизни как подготовке к потусторонней жизни. Человек, по Исламу, — "пилигрим", для которого цель путешествия, естественно, куда важнее, чем превратности пути" (Т. С. Саидбаев, "Ислам и общество", М. 1978, стр. 57). Никто из богословов, как христианских, так и мусульманских, не оспаривает, что есть влияние иудейства и христианства в оформлении учения Ислама. Коран признает божественное происхождение Библии и Евангелия. Признает посланниками Бога — Адама, Ноя — по-арабски Нух, Авраама — Ибрагим, Моисея — Муса, Иисуса Христа — Исаал-Масих, то есть Мессия. В Коране присутствует культ Христа, но считает его не Богом, а пророком Бога, каким себя считал и Магомет. Коран по существу воспроизводит рассказ Евангелий о непорочном зачатии девой Марией. Ислам утверждает, что Магомет — тот, пришествие которого предсказывал Иисус Христос (в Евангелии от Иоанна).

После смерти Магомета произошел раскол в Исламе. Он был вызван не догматическими расхождениями, а из-за спора о наследнике Магомета. Рассказывают, что Магомет хотел, чтобы его наследником и первым халифом стал его зять Али, с тем чтобы положить начало династии по родственной линии. Однако окружение Магомета признало лучшим установление принципа выборности и выбран был не Али (кстати, самый выдающийся полководец Магомета), а Абубекир. Отсюда и раскол на "суннитов" ("правоверных" от всей "общины"), сторонников Абубекира и на "шиитов" ("сектантов" от "части общины" сторон-

ников Али). В середине VIII века шиизм стал особым течением в Исламе на основе нового догмата — заместитель пророка — халиф не может быть избираем людьми. Поэтому все халифаты от Абубекира, Омара, Османа, Омейядских и Аббасидских являются для шиитов незаконными. Шииты признают Коран, Магомета и сунну, кроме тех ее частей, где рассказывается о противниках Али, но шииты имеют и свое, отличное от суннитского, священное предание; шииты восприняли, в частности, от своих старых верований учение об отсутствии божественного предопределения и свободе воли. Раскол не помешал, однако, триумфальному шествию Ислама по земле. Едва прошло сто лет после смерти Магомета, как Ислам с невероятной быстротой, силой оружия распространяется по Сирии, Персии, Средней Азии, Кавказу, Египту, по Северной Африке и до захвата арабами почти всего Перинейского полуострова в начале VIII века. Даже после падения централизованной власти халифата Ислам покорил Константинополь, водрузив луну на храме Святой Софии (145 год). В начале XVI и в конце XVII века турки дважды пытались, оба раза неудачно, овладеть даже Веной. Это был уже конец исламской экспансии в сторону Европы. Отныне Ислам стремится в незавоеванные христианством страны Африки и Азии — вплоть до Филиппинских островов, куда Ислам проник через Индонезию в XIV-XV вв. Но история любит парадоксы. Чем больше преуспевал Ислам, на этот раз не мечом, среди афро-азиатских народов, тем интенсивнее шел другой параллельный процесс — колонизация этих народов великими и даже средними державами Европы.

Последний халифат — Османская империя после неудачной для нее войны с Россией в 1877-78 гг. настолько ослабела, что европейские державы постепенно начали захватывать ее отдельные провинции с их мусульманскими народами, а после первой мировой войны вообще разделили между собою ее арабские страны.

От великой мусульманской империи уцелела одна лишь Турция, объявившая себя чисто национальным государством и республикой. Отныне суверенитетом пользовались три мусульманских народа: Турция — полным, а Персия и Афганистан — относительным.

Вторая мировая война и ее последствия привели к крушению всех мировых империй, кроме советской. Европейские культурные державы, одни добровольно, другие вынужденно, признали национальную независимость их бывших колоний. Так образовалось 33 новых мусульманских государства в Азии и Африке. Вместе со старыми тремя государствами теперь в мире имеется 36 независимых государств с большинством мусульманского населения.

Они следующие:

Государства с мусульманским большинством населения:

	Количество населения в миллионах	Мусульман. население в %%	Примечания
1. Албания	2,5	70	
2. Алжир	18,2	98,8	
3. Афганистан	17,5	99	
4. Бангладеш	82,7	85	
5. Бахрейн	0,250	100	
6. Гамбия	0,540	80-85	
7. Гвинея	5,2	большинство	
8. Египет	38,2	92	Ислам госуд. религия
9. Йемен /Северный/	6,9	99	Ислам госуд. религия
10. Йемен /Южный/	1,8	99	
11. Индонезия	138,3	87-90	
12. Иордания	2,9		Ислам госуд. религия
13. Ирак	12,2	95	шииты
14. Иран	33,6	98	шииты, исламская республика
15. Катар	0,240	100	
16. Комарские острова респ.	0,318		Ислам госуд. религия
17. Кувейт	1,1	100	Ислам госуд. религия
18. Ливан	3,1		мусульмано-христианск. государство
19. Ливия	2,4	97	Ислам госуд. религия
20. Мавритания	1,4		Исламская республика
21. Малайзия	12,6	90	Ислам госуд. религия
22. Мали	6,2	70	

23. Мальдивы			
/Инд. океан/	0,330		Ислам госуд. религия
24. Марокко	17,8	99	Ислам госуд. религия
25. Нигер	5,0	87	
26. Нигерия	79,7	50	
27. Оман	1,5	99	Ислам госуд. религия
28. Пакистан	75,6	98	Исламская республика
29. Саудовская Аравия	9,0	100	Ислам госуд. религия
30. Сенегал	5,1	80	Ислам госуд. религия
31. Сирия	8,8	87	
32. Сомали	3,2	96,9	Ислам госуд. религия
33. Судан	17,00	70	
34. Тунис	6,0	95,4	Ислам госуд. религия
35. Турция	42,1	98	
36. Чад	4,2	50	

Источники: "Ежегодник БСЭ", 1978, Москва, "Glaube in der 2. Welt", 1979, Nr. Zollikon, Schweiz

Кроме того, мусульманские меньшинства живут во многих африканских государствах — Гане, Верхней Вольте, Береге Слоновой Кости, Уганде, Сьерра-Леоне, Малави, Кении, Камеруне, Эфиопии (40% населения), а также в Азии на Филиппинах (2 миллиона человек), в Индии (64 миллиона человек), в Китае (6 млн. чел.), в СССР (около 45-50 млн. чел.). В Европе имеется только одно государство с мусульманским большинством, которое официально объявило себя атеистическим — это коммунистическая Албания. В другом европейском государстве в коммунистической Югославии свыше трех миллионов сербов, македонцев, хорватов и албанцев принадлежат к мусульманской религии (16-17% от 20,5 миллионного населения Югославии, в автономной республике Босния и Герцеговина 40% населения составляют мусульмане). Интересно отметить, на вопрос о национальной принадлежности в переписи населения Югославии в 1948, 1961 и 1971 гг. признали себя "мусульманами" в этническом смысле соответственно — 808.922, 972.953, 1.727 млн. человек ("Glaube in der 2. Welt" стр. 4). Данные о количестве мусульман в мире расходятся — БСЭ называет

500.000.000 чел., а несоветские источники — до 700.000.000 человек.

Перейдём к вопросу о распространении Ислама в странах, подвластных ныне советскому коммунизму.

II. Распространение Ислама на территории СССР

На нынешней территории СССР — на Кавказе и Средней Азии арабские завоеватели появились еще при первых наследниках Магомета — Азербайджан был завоеван халифатом в 639 г. (через семь лет после смерти Магомета) Дагестан в 642/643 гг., в 673-674 гг. арабские войска перешли Аму-Дарью и вступили на Бухарские земли. Окончательно Бухарское царство и соседние территории, лежащие за Аму-Дарьей, арабы покорили в 706-716 гг.

Около 15 среднеазиатских феодальных государств были присоединены к халифату. Существовавшее ранее множества местных религий было объявлено ложным, а население постепенно начали обращать в Ислам. Для ускорения процесса исламизации арабы освобождали местных жителей от подушного налога. Арабские завоеватели были не только выдающимися полководцами, но и прекрасными психологами. Земли они покоряли мечом, но народы они покоряли словом, убеждением, рассказом и показом преимуществ новой веры. При этом они шли на широкий компромисс между исламом завоевателей и обычным правом завоеванных народов. Ислам успешно рядился в национальную форму. Поскольку халифы, как и Магомет, в одном лице были и вероучителями и главами государства, то ислам и его юриспруденция — шариат ("направлять", "издавать законы") стали основой образования будущих национальных теократических государств в Средней Азии после падения власти пришельцев. Не проповедовал Ислам и аскетизма, столь чуждого среднеазиатским народам. Изречение пророка гласило: "Лучший из вас не тот, который ради небесного пренебрегает земным, и не тот, который поступает наоборот: лучший из вас тот, который берет от обоих".

Сравнивая отношение ислама и христианства к человеку, советский автор делает такой вывод: "Христианин, чтобы исполнить требование своей веры, должен забыть себя ради Бога

и веры; от мусульманина его закон требует, чтобы он среди своих дел не забывал ни Бога, ни ближнего, совершал в положенное время молитвенный обряд и отдавал часть своего имущества в пользу бедных" (Т. Саидбаев, там же, стр. 40).

Многие советские авторы объясняют успех ислама его гибкостью, податливостью, изумительной способностью приспособляться к местным верованиям, обычаям, обрядам. В одной монографии говорится: "Ислам (сравнительно с другими монотеистическими религиями) быстрее приспосабливается к условиям реальной жизни. В эпоху формирования арабской государственности и внешних завоеваний он витал не в небесах, а в мире земной жизни" (там же, стр. 31). Исламизация других народов Азии и Кавказа в дальнейшем происходит уже без арабских завоевателей — мирным путем. Мусульманские миссионеры распространяют ислам в Булгарии (современная Татария) в конце IX — начале X века, в Башкирии — в X-XII веках, в Кабардино-Балкарии и Черкессии — в XIV веке, в Чечено-Ингушетии — в XVI-XIX веках.

После создания русского централизованного государства Россия приступает к покорению мусульманских народов Волги, Сибири, Средней Азии и Кавказа. Это оказалось далеко не легким делом и поэтому сам процесс покорения народов этих районов продолжался довольно долго. Тут противостояли друг другу не только два мира (Европа и Азия), но и две религии (христианство и ислам). Обе стороны старались придать войне национально-религиозный характер — наступающие русские воевали под знаменем православия, а обороняющиеся мусульмане открыли "Священную войну" ("Газават") под зеленым знаменем ислама. Все без исключения мусульманские народы оказывали России длительное вооруженное сопротивление. Еще при Иване IV были покорены Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства. При Екатерине II было покорено Крымское ханство (1772 г.). Покорение кавказских народов началось и завершилось в XIX веке — в 1813 г. был взят Азербайджан (после войны с Персией), в 1859 г. были взяты Дагестан и Чечня, в 1864 г. — Черкессия. Во второй половине XIX века началось покорение мусульманских народов Средней Азии — в 1873 г. — Хивинское ханство, в 1876 г. — Кокандское ханство и в 1881 г. —

Туркменистан. По отношению к ранее покоренным татарам и башкирам правительство держалось политики насильственного крещения. После ряда татарских и башкирских восстаний, а также после известного пугачевского восстания, в котором участвовало много башкир, было решено признать политику насильственного приведения мусульман в православие ошибочной. Екатерина II легализовала ислам и признала ислам законной религией ее татаро-башкирских подданных. При Александре II в 1872 г. в Закавказье, в 1878 г. в Оренбурге, потом в Уфе были созданы "Духовные собрания по заведыванию лицами Магометанской веры". Такое же духовное управление существовало с 1831 г. в Крыму. Их главы — муфти назначались министерством внутренних дел и им оплачивались. В недавно завоеванных странах — в Средней Азии и на Северном Кавказе духовных управлений не было. Там военное начальство — генерал-губернаторы сами непосредственно ведали и духовными делами. Началось печатание мусульманской духовной литературы (Коран печатался в Казани). Открылись новые средние и высшие духовные школы — медресе. В одном Узбекистане было до революции свыше 400 медресе, а мактабы (сельские духовные школы) были в каждом кишлаке (И.М. Муминов, Избранные произведения, т. 2, стр. 37). В России был издан Коран и на русском языке. Первый перевод Корана на русский язык был сделан по приказу Петра I. Коран был переведен первым доктором философских наук в России — П. В. Посниковым. Этот перевод вышел в Петербурге в 1716 г. под названием "Алкоран о Магомете и закон турецкий". Имеются и позднейшие переводы — 1879 г. (Казань), 1880 г. (Москва) и перевод Крачковского в советское время — 1963 г. (Москва).

Дореволюционное мусульманское духовенство русской империи выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но оно представляло собою одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно было также и экономической силой — мусульманские учреждения владели вакфами — движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпитали, приюты для стариков,

вдов, сирот). В их распоряжении имелись также земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими.

Величайшая заслуга мусульманского духовенства Российской империи перед историей своих народов заключалась в том, что оно внесло в сознание своих единоверцев новое понятие — *все российские мусульмане, незасимо от расы, языка и территории, есть единая духовно-этническая общность*, связанные между собою верой и судьбой.

Положение мусульманского духовенства и степень власти шариатской юрисдикции в различных районах были различны. В Средней Азии были сохранены поставленные под власть России Бухарское и Хивинское ханства с полной внутренней автономией (несравненно большей, чем ее имеют нынешние "союзные республики" в Средней Азии). Бухарский эмир, например, по традиции халифатов, был одновременно верховным светским и духовным правителем, который управлял по исламу, издавал административные акты, но не издавал законов, ибо все законы уже изложены в шариате. Выступая толкователем этих законов, высшее духовенство оказывало влияние на эмира, иногда заставляя его даже отменять уже изданные акты. Первым после эмира лицом государства был шейхуль-ислам ("глава ислама"), которому принадлежали функции интерпретатора шариата, вторым лицом был кази-калон ("судья судей"). Менее значительно было влияние духовенства в районах, непосредственно присоединенных к Российской империи — в Туркестанском генерал-губернаторстве и генерал-губернаторствах Кавказского наместничества.

Интересно, что виднейшие советские востоковеды признают интегративную функцию ислама в этнических процессах мусульманских народов в нации. Уже цитированный нами советский автор пишет: "Исследователи единодушны в мнении, что в условиях феодального общества зачастую религиозное единство этническое... Специфической особенностью формирования среднеазиатских народностей, без учета которой невозможно объяснить взаимосвязь религиозного и национального как в прошлом, так и в настоящем является следующее: они складывались из родов и племен, ранее принявших ислам, а у киргизов и казахов процесс складывания народностей сопровождался

распространением и упрочением ислама” (Саидбаев, там же, стр. 80). Аналогичные утверждения мы находим и у других советских исследователей (см., например, Ю. В. Бромлей, “Этнос и этнография”, Москва, 1973, стр. 109; И. М. Джаббаров, “Ремесло узбеков...”, М., 1971, стр. 34; М. С. Джунусов, “Две тенденции социализма в национальных отношениях”, Ташкент, 1975, стр. 46; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепник, “Пути развития феодализма”, Москва, 1971, стр. 29-30). Суммируя утверждения этих ученых, наш автор приходит к выводу: “В дореволюционной Средней Азии ислам играл определенную интегрирующую роль в этнических процессах... Ислам был той силой, которая облегчала взаимное существование различных племен, укрепляла их взаимоотношения изнутри, обеспечивала им внутреннюю связь, смягчала и стирала психические различия между племенами, этническими общностями... Ислам способствовал формированию представлений об этнической общности различных племен и родов” (там же, стр. 82-83). Все это и привело, с одной стороны, к оформлению общего сознания, что есть не отдельные племена, а единый народ, возникший на общей для всех духовной основе — на основе ислама, и, с другой стороны, этот общий для всех фундамент — ислам, делает все мусульманские народы родственными, у которых может и должна быть и одна общая цель — создание единого государства из всех мусульманских народов (теория *панисламизма*). Так как мусульманские народы Российской империи почти все были народами тюркского языка (кроме большинства горцев Кавказа и Таджикистана), то возникла и другая идея — создание единого тюркского государства вместе с единой и единокровной Турцией (теория *пантюркизма*). В великой интегрирующей роли ислама среди разных, часто между собою враждующих племен, центральное место занимали и его социальные компоненты. Социальной философии ислама органически чужд дух элитаризма, классовости, избранности. Ислам приходил к народам с лозунгом: “В исламе — все люди братья, а потому не должно быть ни рабов, ни рабовладельцев. Поэтому понятно, что первыми мусульманами еще при жизни Магомета стали арабские рабы. В этой связи надо упомянуть и неизвестную в других религиях демократичность внутренней организации

мечети ислама. Ислам не знает ни духовной административной иерархии, ни назначаемых сверху духовных отцов. В исламе нет официального обряда посвящения и рукоположения в духовный сан, поэтому вообще нет института рукоположенного духовенства. Священнослужители мусульманских общин — кази, имамы, муллы выбираются на общих выборах самими верующими, только здесь не участвуют женщины, что предписано не Кораном, а основано на местных традициях (поэтому женщины не посещают мечети, что опять-таки не исходит от Корана). Хоть медресе и готовят духовных отцов, но быть имамом религиозной общины может каждый мусульманин, если он знает основы ислама и способен возглавить молитву в мечети. К тому же среди верующих существует критическое отношение к образованным муллам, если они служат больше земному, чем небесному. Отсюда масса народных поговорок и пословиц по адресу нерадивых мулл: "Денег муллы, совести судьи и глаза крота никто не видел", "Делай то, что говорит мулла, но не делай того, что он делает", "Два муллы — один человек, один мулла — получеловек".

Ислам проводил среди завоеванных народов Средней Азии и Кавказа и культурно-просветительную миссию — он принес им письменность, основанную на арабской графике. Она существовала у этих народов вплоть до 1925 г., когда ее заменили латинским алфавитом, а потом латинский алфавит был заменен русским алфавитом (1937 г.).

Совершенно естественно, что в империи, у которой официальной идеологией было православие, ислам был сиротой, но он не был круглой сиротой. Русское правительство хорошо учитывало опасность взрывчатой силы ислама. Поэтому оно старалось избегать всяких акций, могущих ограничивать свободу ислама и задевать религиозное чувство мусульман. Более того. Оно признало шариат действующим правом не только в Бухаре и Хиве, но и во всем Туркестанском крае для решения местных уголовных дел и гражданских тяжб ("шариатские суды", переименованные потом в "народные суды"). Поэтому Ленин, прочитав книгу одного немецкого исследователя о "Русском Туркестане", так обобщил свое впечатление об исламской политике царского правительства в Туркестане: "Ислам здесь царит.

Свобода религии *полная*" (Ленин, ПСС, т. 28, стр. 513). Первым человеком, который уничтожил эту "полную свободу" и был сам Ленин. Перейдем к этой теме.

III. Большевизм и ислам

Ко времени первой русской революции в недрах народов России, исповедующих ислам, окончательно созрело и оформилось понятие — *мусульманские народы, как национально-социальная общность*. Речь не шла, как это было раньше, о мусульманах и об исламе вообще, речь шла на этот раз о новом национально-политическом мировоззрении, согласно которому российские мусульманские народы принадлежат к собственному и особому миру (немцы сказали бы "Kulturkreis") единства — по религии, культуре, истории, традиции, языку и даже территории. Здесь присутствовали все элементы образования нации, кроме важнейшего — свободы на независимость. Вот добиться этой цели старалось сначала панисламистское, потом пантюркистское движение, возникшее на рубеже XIX-XX вв. одновременно в мусульманских районах России и Турции. Русское правительство, как потом и советское правительство, рассматривало это движение как оружие турецкой политики и поэтому преследовало его. Но это было и остается самой примитивной попыткой дискредитировать идеалы национально-освободительного движения российских мусульманских народов ссылкой на излюбленное алиби царских и советских колонизаторов — на мнимые происки Турции.

Однако после первой русской революции и после обнародования "Манифеста 17 октября 1905 г." с его объявленными свободами совести, слова, печати, собраний и политических объединений резко изменились условия работы и для мусульманского движения. Это сделало возможным созвать впервые в истории российского мусульманства в конце того же 1905г. I-й Всероссийский съезд мусульманских народов. На этом съезде была создана и первая объединенная политическая партия российских мусульман — "Иттифак" во главе с И. Гаспринским. В новой партии были представлены для крыла — "консерваторы"-панисламисты, которые боролись за выход мусульманских

народов из России, и "прогрессисты", "пантюркисты" ("джадидисты"), которые боролись за автономию внутри империи с программой, сходной с программой кадетов ("партии народной свободы"). Не все мусульманские народы были допущены к выборам в Государственную Думу, но те, которые участвовали, создали во всех четырех Думах одну общую "мусульманскую фракцию" (группу). После февральской революции 1917 г. борьба мусульманских народов выливается в исламскую форму движения в одних районах за полную независимость, а в других — за автономию. В мае 1917 г. I съезд горцев Кавказа требует создания исламского государства, позже такое государство и провозглашается имамом Узун-Хаджи под названием "Северокавказское эмирство". В том же 1917 г. Муфтий Крыма Челебиев возглавил правительство "Национальной директории Крыма". В ноябре-декабре 1917 г. I Чрезвычайный съезд народов Туркестана потребовал автономию Туркестана на основе шариата, объявил о создании "Кокандской автономии". Происходит формирование мусульманских полков, как ядра будущей "армии ислама" ("басмачество"). Однако о своей полной национальной независимости и о выходе из России мусульманские народы объявили только после захвата власти большевиками.

Предвидя это, советское правительство 20 ноября 1917 г. выпустило обращение "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока". Оно было подписано Лениным и Сталиным. Там были такие слова: "...Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно, Вы имеете право на это... Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию" ("Документы внешней политики СССР", 1957, Москва, ч. 1, стр. 34, 35). Когда мусульманские

народы Татарии, Башкирии, Туркестана, Крыма и Кавказа, в полном согласии с этим "обращением", начали сами устраивать свою жизнь "по образу своему и подобию" и объявили свою независимость, то Ленин начал второе покорение этих народов, но об этом речь будет дальше.

Но идя к власти, и в первые годы после захвата власти, большевики проявляли сугубую осторожность и осмотрительность в мусульманском вопросе. Учитывая всю сложность этого вопроса и необходимость гибкой тактики в деле его разрешения в духе коммунизма, большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1. Мусульманский вопрос, как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии), 2. Мусульманский вопрос, как вопрос культурно-религиозный.

Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала и программа ВКП(б), в которой сказано, что "необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств". Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: "То есть если, например, прямой путь уплотнения квартиры в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиры, домашний очаг неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартиры надо заменить косвенным, обходным путем. Или еще: если, например, дагестанские массы сильно заражены религиозными предрассудками, идут за коммунистами "на основании шариата", то ясно, что прямой путь борьбы с религией в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными" и т.д. и т.д.

Короче: от кавалерийских набегов по части "немедленной коммунизации" нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в русло советского развития" (Сталин, том IV, стр. 361-362).

То же самое говорил и Ленин в своем известном "письме к коммунистам Кавказа" в 1921 г., когда он писал, что "коммунисты Кавказа должны не копировать нашу тактику, тактику русских коммунистов, а применительно к местным условиям

видоизменять ее... больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству. Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики” (Ленин, т. XXV, 3-е изд., стр. 192).

В многочисленных декларациях, законодательных актах и в значительной мере в практической работе советского правительства в первое десятилетие существования советской власти сказывается эта его тактическая гибкость для достижения стратегической цели — систематической советизации мусульманских народов СССР.

В декабре 1917 г. по предложению Сталина советское правительство вынесло постановление вернуть мусульманам экземпляр “Священного Корана Османа”, который был конфискован в свое время царским правительством и хранился в Государственной публичной библиотеке. Этот экземпляр был торжественно вручен Мусульманскому съезду, происходившему в Петрограде в декабре 1917 г. (СУ, 1917, № 6, стр. 90). В январе 1918 г. по решению Наркомнаца были переданы башкирам мечеть в Оренбурге (“Караван-Сарай”) и татарам башня Суюмбеки в Казани (национально-религиозный памятник древнего татарского государства). Такие же религиозно-исторические и национальные памятники, конфискованные царским правительством, были возвращены мусульманским народам Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Крыма. Все это высоко поднимало престиж советского правительства в глазах мусульман. Тактика большевиков приносила им свои плоды. К тому ж большевики подчеркивали в своей пропаганде в мусульманских районах, что “коммунизм” и “шариат” не противоречат, а дополняют друг друга. Отсюда часть мусульманского духовенства выдвинула лозунг: “За советскую власть, за шариат!”

Именно это движение “советских шариатистов” и имел в виду Сталин, когда открыто (для обходных ударов) поддержал на съездах народов Терской области и Дагестана в 1921 г. лозунг “советских шариатистов” (виднейшими идеологами этого движения были Бабахан в Туркестане, Расулев в Татарии, Тарко-

Хаджи в Дагестане, Сугаип-Мулла в Чечне, Катханов в Кабарде).

Для практического руководства политическими и духовными делами мусульманских народов при Наркомнаце был создан специальный "Мусульманский Комиссариат" (см. "Вопросы истории", Москва, 1949, № 8, стр. 14). Он именно и был создан не по национальному признаку, как западные "комиссариаты" (польский, литовский, белорусский и др.), а по религиозному. "Мусульманский комиссариат" должен был обслуживать народы мусульманского вероисповедания безотносительного к их географическому расположению и расовой принадлежности.

Вот как описывает роль и значение этого "Мусульманского комиссариата" для большевиков советский историк: "Мусульманский комиссариат разрабатывал проекты декретов и постановления советской власти применительно к особенностям восточных народностей и проводил их в жизнь. Он помогал другим советским органам в проведении социализации земли... собирал статистические сведения, проводил большую агитационно-пропагандистскую работу и т.д." ("Вопросы истории", Москва, 1949, № 8, стр. 21). Совето-религиозную пропаганду "Мусульманский комиссариат" проводил через "советских шариатистов", щедро субсидируя их политическую и религиозную деятельность, направленную на установление советской власти в мусульманских окраинах России, хотя бы "на принципах шариата" для переходного "народно-демократического периода".

Однако виднейшие представители мусульманской интеллигенции и духовенство ясно видели, что и в мусульманском вопросе большевики ведут двойную игру, чтобы, пользуясь демагогическими средствами пропаганды и даже прямого обмана ("коммунизм не противоречит шариату"), добиться "вовлечения в русло советского развития" мусульманских народов. Когда в связи с этим мусульманские демократические организации развернули против большевиков весьма действенную работу, то советское правительство стало на путь репрессий — оно закрыло "Центральный мусульманский совет" в Петрограде, его московское отделение — Милли-Шуро, "Всероссийский Мусульманский Военный Совет" см. "Известия" № 101, от 22. 5. 1918

г.). Они были объявлены "узко националистическими" и "буржуазно-националистическими". Одновременно советское правительство принимает ряд законодательных и распорядительно-исполнительных мер, чтобы расширить сеть и влияние центрального "Мусульманского комиссариата".

В июне 1918 г. Ленин подписывает постановление Совнаркома "Об организации мусульманских комиссариатов" на местах. Мусульманские комиссариаты создаются в губерниях — Архангельской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Петроградской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской и др. Они создаются также в Средней Азии (Семипалатинск, Ташкент, Верный) и в Сибири (Чита, Тобольск, Новониколаевск). Создавая эти "Мусульманские комиссариаты", большевики проводят серию "мусульманских съездов", на которых рядом с большевиками-атеистами участвуют седобородые мусульманские муллы. Путем обещаний того, что большевики не могли дать даже при всем своем желании, а именно — под лозунгами веры, свободы и национальной независимости, — проходили эти съезды и потому имели огромный пропагандный успех для советской политики.

Если в первый год советской власти экспансия большевизма в мусульманские страны происходит мирными путями, то начиная с 1919 г. большевики приступают как раз в Средней Азии к осуществлению своего широкозадуманного военно-стратегического плана: к покорению Туркестана Красной Армией.

Вот тогда возобновилось знаменитое движение "басмачества" ("басмак" — по-тюркски "атаковать", "нападать"), которое вспыхнуло первый раз в конце 60-х годов XIX столетия в только что покоренных Россией областях Средней Азии — в Туркестанском крае, Бухаре и Хорезме. Советские историки в свое время признавали "басмачество" против царских оккупантов "прогрессивным национально-освободительным движением". Когда старое "басмачество" возродилось теперь против советских оккупантов, то, разумеется, отношение к нему изменилось. Вот что писалось в 1927 г. в БСЭ о басмачестве советского периода: "После революции басмачество приняло иную

окраску. Басмаческое движение приобрело резко выраженный политический, антисоветский характер и стало почти *массовым движением* дехканского населения во всех трех республиках Средней Азии — Бухаре, Хорезме и Туркестане. Вождями его были уже не только отдельные главари бандитских шаек, как Курш Ширмат, Ибрагим-бей и др., им стали руководить местная национальная интеллигенция, муллы и бай” (БСЭ, т. II, стр. 35- 38, 1927, 1-е издание). Басмачи называли себя “Армией Ислама”. Политически басмачество возглавляли две организации “Шури-и Ислам” (“Совет Ислама”) и “Шура-и-Члема”) (“Совет ученых”). После разгрома Колчака осенью 1919 г. Красная Армия взялась за покорение Туркестана. Был создан особый “Туркестанский фронт” во главе с такими видными большевицкими лидерами, как Фрунзе, Куйбышев, Рудзутак, Элиава. Ввиду массовой и повсеместной поддержки басмачества народом советское правительство сначала прибегло к трюку — оно признало “Армию Ислама” национальной армией Туркестана с ее командирами во главе, если те признают советскую власть. Когда выяснилась цель трюка — выиграть время, чтобы подбросить в Туркестан новые части Красной Армии, освободившиеся после разгрома Белого движения и окончания войны с Польшей, то басмачи вновь восстали. Но уже было поздно. Красная Армия разгромила “Армию Ислама”, хотя отдельные отряды басмачества еще боролись до конца 1926 года. Однако в занятых Красной Армией мусульманских странах большевики все еще ведут очень осторожную и весьма эластичную национально-религиозную политику. Ленин, в котором легко уживался рядом с утопистом в философии трезвый реалист в политике, доказывал на VIII съезде партии в 1919 г. своим чрезмерно ревностным ученикам — в покоренных мусульманских странах нельзя проповедовать коммунизм и атеизм, нельзя даже так скидывать “эксплуататоров”. Он говорил: “Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл?... Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: “Мы скинем ваших эксплуататоров?” Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл” (Ленин, ПСС, т. 38, стр. 158-159). Ленин рекомендовал начать осаду

крепости ислама издалека и действовать тихой сапой. Поэтому были сохранены Бухарское и Хивинское ханства, переименовав их в 1920 г. в Бухарскую народную советскую республику и Хорезмскую народную советскую республику. В мусульманских странах в первое время не только были возвращены вакуфные имущества, открыты новые медресе, сохранены шариатские суды, но представители мусульманского "прогрессивного духовенства" принимались даже в коммунистическую партию. Советский автор отмечает: "С учетом той роли, которую продолжала играть религия в их жизни, в партию принимались и верующие. Долгие годы в составе коммунистической партии Туркестана верующие составляли значительную часть" (Саидбаев, там же, стр. 127). В советских документах приведены и конкретные цифры о составе верующих в партии — в коммунистической партии Хорезма кроме рядовых верующих в 1923 г. было 10% духовенства (см. "История Хорезмской народной советской республики". Сборник документов, Ташкент, 1976, стр. 39-40, 169, 219), а в коммунистической партии Бухарской народной советской республики верующие и представители духовенства составляли вместе около 70%, если исключить отсюда русских неверующих коммунистов, верующих в партии было 90%! (см. "История Бухарской народной советской республики". Сб. документов, Ташкент, 1976, стр. 134, 135, 136, 139). Сам филиал ЦК РКП(б) в Туркестане первоначально назывался не Среднеазиатское бюро, а "Мусульманское бюро ЦК РКП(б)".

Когда, почувствовав себя крепче в седле власти, большевики перешли от своей "мусульманской" тактики к осуществлению стратегических целей коммунизма, по мусульманским странам советской империи вновь прокатилась мощная волна повстанческого движения — на Кавказе, Татарии, Туркестане; особенно широко развернулось новое басмаческое движение в Бухаре и Хорезме. В апреле 1922 г. в Самарканде повстанцы созывают объединенный "Мусульманский Туркестанский Конгресс", который торжественно провозгласил создание "Туркестанотюркской независимой республики" с полным восстановлением законов шариата (А. А. Росляков, Средазбюро ЦК РКП(б). Вопросы стратегии и тактики, Ашхабад, 1975, стр. 23-24).

Почувствовав реальную угрозу существованию здесь своей власти, большевики быстро пошли на новые уступки. Решением ЦК от 18 мая и Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) от 20 мая 1922 г. были восстановлены ликвидированные накануне восстания шариатские суды и возвращены мечетям и медресе их только что конфискованные имущества (там же, стр. 25). При Наркомпросе было создано Главное вакуфное управление с его отделами на местах. Во главе их были поставлены оплачиваемые государством духовные лица с правом дальнейшего содержания, расширения и даже учреждения новых вакуфов.

Советский историк пишет: "В этот период в Ташкенте впервые в истории края было создано Духовное управление ("Махкама-и шария"), которое возглавляли известные деятели ислама. Оно имело секретариат, отделы, решавшие вопросы связанные с наследством и бракоразводными делами, подготовкой, обучением и назначением служителей культа, религиозными учебными заведениями и т.д. Создание Духовного управления привело к объединению имамов, ввело в определенную систему их назначение и смещение, чего раньше не наблюдалось. Традиционно имамами избирались авторитетные лица квартала и прямо никому не подчинялись" (Саидбаев, стр. 146-147). Советское правительство пошло на то, что в советских мусульманских республиках праздничным днем объявили вместо воскресенья пятницу. Секретарь ЦК компартии Узбекистана, впоследствии расстрелянный по процессу Бухарина и Рыкова, Акмаль Икрамов откровенно признал в одном из своих докладов: "Меры, принятые советским государством по отношению к исламу и его организациям, были не уступкой, а тактикой партии" (А. Икрамов, "Избранные труды", Ташкент, 1972-1974, т. 3, стр. 301). Как будто это еще надо было доказывать! Эта макиавеллианская тактика несомненно оторвала от повстанческого движения определенную часть духовенства и большую часть народа. Причем оторвавшуюся часть духовенства большевики поставили на службу своим целям — 23 декабря 1923 г. большевики проводят т.н. "Вселокайское совещание" с участием всех мулл под лозунгом "Советская власть не противоречит исламу", потом такие совещания проводятся и в других районах Средней Азии (Саидбаев, стр. 148). "Братание коммунизма" с

исламом кончилось к концу двадцатых годов. Началась эпоха методического и систематического искоренения ислама, физическое истребление мусульманского духовенства, национальной интеллигенции и даже тотального уничтожения национальных коммунистических кадров, как "обманно пролезших в партию" и "открыто якшавшихся с мусульманским духовенством". Отныне само словоупотребление "мусульманские народы" было признано криминальным. Величественные памятники мусульманского зодчества XIII-XIV вв. (Самарканд, Бухара) превращались в антиисламские музеи, сельские мечети превращались в склады или сносились.

К началу войны в Туркестане было закрыто или снесено около 14.000 мечетей, в Татаро-Башкирии — 7.000, на Кавказе — 4.000, в Крыму — около 1.000 ("Religion in the USSR", Muenich, 1960, p. 146). Амнистия религии Сталиным во время войны и особенно проарабская игра Кремля на Ближнем Востоке сейчас помогли и помогают исламу выходить из подполья. Более этого. Сейчас, как и в христианском мире СССР, в мире ислама в СССР тоже происходит новое и повсеместное религиозное возрождение. 60-летнее господство атеизма как раз среди мусульманских народов имело меньше всего успеха, ибо они, как указывалось выше, идентифицировали веру и национальность в одном понятии — "мусульманин". В этом был заложен самый надежный иммунитет против атеизма. Применяя иные формы и новые методы, коммунизм еще более усилил сейчас свое "мирное" наступление на ислам и как на веру, и как на идеологию борьбы за национальную самобытность и независимость. Никогда не выходило так много антиисламских книг, завуалированных в ученые труды, как сейчас. Проанализируем в этом аспекте положение мусульман в СССР сегодня.

IV. Мусульманские народы СССР сегодня

Среди 36 мусульманских государств в мире немусульманский СССР занимает по количеству своего мусульманского населения четвертое место, уступая только Индонезии (138 млн. чел.), Бангладешу (83 млн. чел.) и Пакистану (76 млн. чел.). В других мусульманских и немусульманских государствах только в

Индии живет больше мусульман, чем в Советском Союзе.

Динамика роста мусульманского населения после его покорения Россией и СССР показывает следующее:

1880 год — 11 миллионов человек,
 1910 год — 20 миллионов человек,
 1923 год — 30 миллионов человек,
 1959 год — 24 миллиона человек,
 1970 год — 35 миллионов человек,
 1979 год — 43 миллиона человек,

(Источники: Ленин, ПСС, т. 28, стр. 514, "КПСС в резолюциях", т. II, стр. 4, 1970 г.: "Ежегодник БСЭ. 1960 г."; "Ежегодник БСЭ. 1970 г."; газета "Известия", 22 апреля 1979 г.).

Катастрофическое падение количества мусульманского населения в эпоху правления Сталина, а именно на 6 миллионов человек (эти данные взяты из резолюции XIII съезда партии в 1923 г. и БСЭ 1960 г.), несмотря на традиционно высокую рождаемость среди мусульман, объяснялось политикой геноцида, который систематически практиковало советское правительство против упорства и непокорности народов ислама.

Динамика роста мусульманских народов СССР и процент их языковой ассимиляции по переписям 1970 и 1979 годов.

Название народа	Число лиц данной национальности (тыс.)	Процент роста		Из них считалось народным языком данной национальности в % / 1979
		1970	1979	
Узбеки	9,195	12,456	35.5	98.5
Казахи	5,299	6,556	23.7	97.5
Татары	5,931	6,317	6.5	85.9
Азербайджанцы	4,380	5,477	25.0	97.9
Таджики	2,136	2,898	35.7	97.8
Туркмены	1,525	2,028	33.0	98.7
Киргизы	1,452	1,906	31.3	97.9
Дагестанцы	1,365	1,657	21.4	95.9
Башкиры	1,240	1,371	10.6	96.9

Чеченцы	613	756	23.3	98.6
Осетины	488	542	11.1	88.2
Кабардинцы	280	322	15.0	97.9
Каракалпаки	236	303	28.4	95.9
Уйгуры	173	211	22.0	88.5
Ингуши	158	186	17.7	97.4
Карачаевцы	133	131	15.9	97.7
Курды	89	116	30.3	87.6
Абхазь	83	91	9.6	94.3
Турки	79	93	17.7	92.3
Балкарны	60	66	10.0	96.9
Черкесы	40	46	15.0	92.0
Абазины	25	29	16.0	96.1
Адыгейцы	100	109	9.0	95.7

(Источники: "Ежегодник БСЭ. 1970 г.", "Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г." Москва, Политиздат, 1980.).

Таким образом, по переписи 1979 г., мусульманские народы СССР составляли 43.000.000 человек, что дает 16,5% от общего населения СССР (262.000.000 человек) или 30,6% от чисто русского населения (137.000 человек). ("Население СССР. По данным Всесоюзной переписи 1979 г." Москва, 1980.).

Мусульманские народы СССР в основном сосредоточены в своих так называемых "суверенных" "государствах", в виде шести "союзных республик", девяти "автономных республик" и двух "автономных областей". По переписи населения 1979 г. в них живет следующее количество населения мусульман и немусульман:

1. Мусульманские союзные республики:

(количество населения в тысячах)

1. Узбекская ССР	15.391
2. Казахская ССР	14.685
3. Азербайджанская ССР	6.028
4. Таджикская ССР	3.801
5. Киргизская ССР	3.529
6. Туркменская ССР	2.759

II. *Мусульманские автономные республики:*

1. Башкирская АССР.....	3.848
2. Татарская АССР	3.436
3. Дагестанская АССР.....	1.627
4. Чечено-Ингушская АССР.....	1.154
5. Кара-Калпакская АССР	874
6. Кабардино-Балкарская АССР	675
7. Северо-Осетинская АССР.....	597
(большинство осетин — христиане)	
8. Абхазская АССР	506
9. Аджарская АССР	355

III. *Мусульманские автономные области:*

1. Адыгейская А. О.	404
2. Карачево-Черкесская А. О.	369

(“Известия”, 22. 4. 1979)

Таким образом, на территории мусульманских народов живут 59.164.000 человек, что составляет 22,58% от общего населения СССР (262 млн.).

Важнейшие выводы из динамики сравнительного роста мусульманских народов следующие: 1) за девять лет (1970-79) мусульманское население СССР выросло на 25%, а немусульманское только на 5%; 2) население мусульман растет в несколько раз быстрее и самого русского населения (рост русского населения за 1970-79 гг. 6,5%), (кроме влияния традиций тут играет роль и крепость ислама, который поощряет многодетность, запрещает аборт); 3) несмотря на более чем столетнее нахождение в составе России и на существенные привилегии, связанные с принятием русского языка как государственного языка страны, в Туркестане и на Кавказе языковой ассимиляции подверглось, по данным переписи 1979 г., только около двух процентов мусульманских народов. Это лучшее доказательство не только фантастической силы иммунитета мусульманских народов против политики русификации, но и утопичности коммунистической теории о создании единой коммунистической нации с единым русским языком. В полном согласии со своей

догмой о создании единой коммунистической нации большевики изобрели кардинально новую доктрину по национальному вопросу. До сих пор в литературе подчеркивали только одну сторону этой политики, но мы знаем, что тут речь идет о двуедином процессе: *дерусификации русских в плане культурно-исторический русификации нерусских в плане языковом*. По Ленину, при окончательной победе коммунизма во всем мире будет существовать только один язык — русский или, добавлял Ленин, может быть, еще и английский язык. Ведь конечной целью развития так называемого "советского народа" является создание некоего этнического гибрида, чтобы лишить русских их классической "русскости" как в расовом составе, так и в историко-культурной самобытности, а нерусских — их языка и национальной культуры. Несмотря на гигантские усилия в этом направлении, усилия не только коммунистически-воспитательные, но и чекистски-репрессивные, владыки Кремля после 62 лет своего абсолютного господства вынуждены констатировать факт всемирно-исторической важности: русских они не сумели лишить их русскости, а нерусских народов — их национальной аутентичности.

Наиболее высокий процент верующих среди народов СССР тоже падает на мусульманские народы. Советские идеологи стараются объяснить этот факт преобладанием среди мусульман сельского населения над городским и, как это ни странно, низким у мусульман "культурным уровнем". Несомненно преуменьшенная, но весьма любопытная цифра о религиозности среди мусульманских народов, которую приводит советский автор, говорит сама за себя: "Религиозность — удел преимущественно людей малообразованных. Даже в районах страны, отличающихся признаками наиболее интенсивной секуляризации, среди людей с низким общеобразовательным уровнем верующие составляют 75-85%" (Саидбаев, там же, стр. 187).

Какова сила и какова функция ислама сегодня среди мусульманских народов? В своем большом и обстоятельном исследовании 1978 г. "Ислам и общество" советский учёный Т. С. Саидбаев дает на эти вопросы следующий ответ. "Ислам, как одна из форм общественного сознания, продолжает сохранять свою интегративную функцию по отношению к верующим,

объединяя их по признаку вероисповедания. Благодаря распространенному в общественной психологии явлению, когда существует отождествление религиозной и национальной принадлежности, ислам выступает в качестве силы, объединяющей верующих и неверующих внутри одной нации и создающей чувство общности между представителями народов, в прошлом исповедовавших ислам... Нельзя не замечать этого, тем более, что оно проявляется в повседневной жизни" (Саидбаев, там же, стр. 193). Автор приводит дополнительные доказательства в пользу этого своего несомненно правильного, но для советского ученого весьма рискованного вывода: "Сохранению представлений об общности народов, исповедовавших ислам в прошлом, способствует и в наши дни ряд факторов. Все народы, в прошлом исповедовавшие ислам, говорят на родственных языках (тюркская языковая семья)... Общность исторических судеб, социально-экономических условий существования выработала у всех этих народов сходные черты характера, психологии, обычаев и традиций. А этническая общность зачастую выступает под видом общности мусульман. Это чувство материализуется в распространенности национально-смешанных браков. В Средней Азии среди таких браков преобладают браки между представителями коренных национальностей региона и повсеместно редки браки женщин коренных национальностей с представителями немусульманских народов... В наши дни ислам не только объединяет верующих одной нации, но интегрирует ее верующую и неверующую части" (там же, стр. 193-194). Повсеместное соблюдение верующими и "официально" неверующими мусульманами обрядов, предписанных исламом, свидетельствует о полном фиаско атеистической пропаганды среди мусульманских народов. Так социологические исследования в ряде районов Узбекистана показали, что число людей, совершающих мусульманские обряды в четыре раза превышает численность "официально" верующих. (А. Хасанов, "Роль общественных и прогрессивных традиций...", Ташкент, 1976, стр. 129). Обряд обрезания, который считается символом принадлежности к исламу, поддерживают в трех опрошенных районах Узбекистана — 81,9% населения ("Модернизация ислама", Москва, 1968, стр. 74). Большинство соблюдает мусульманские

праздники. Из опрошенных мусульман сотрудником Академии общественных наук при ЦК КПСС даже в такой немусульманской области, как Омская, — 50,5% празднуют Мавлюд, 78% — ураза-байрам, 79,3% — курбан-байрам (О. Антич, "Русская мысль", 14. 6. 1979).

Беспрецедентным фактом во всей истории ислама надо признать появление женщины-мусульманки в мечети. Суннизм запрещает женщине быть имамом или даже посещать мечеть (как указывалось выше, этого запрета нет в Коране и женщины при Магомете с открытыми лицами посещали мечеть). Мусульманские женщины в Татарии выступали инициаторами открытия ранее закрытых мечетей. Они посещают мечети не только в Татарии, но и в Башкирии, в Астраханской, Ульяновской и других областях, а также в Москве и Ленинграде. Советский автор пишет: "За последние годы география эта значительно расширилась. Наряду с мужчинами женщины участвуют в богослужениях в мечетях Азербайджана... ряда областей и автономных республик РСФСР... в некоторых мечетях до одной трети общины составляют женщины... В Чечено-Ингушетии женские мюридистские (сектантские) группы, во главе которых стоят также женщины, исполняющие роль тамады (шейха), чего раньше в исламе никогда не было... В настоящее время в Средней Азии и Казахстане женщины посещают мечети в дни религиозных праздников (Саидбаев, стр. 215-216).

Сколько же мусульман в СССР признают себя верующими? На этот счёт, конечно, статистика если и ведется, то никогда не публикуется. Однажды Хрушев, во время своего визита в Пакистан, сказал, что в СССР 15 миллионов верующих мусульман ("Frankfurter Allgemeine Zeitung", 4. 5. 1979). Если иметь в виду, что речь идет здесь о взрослом населении, то выходит, что процент верующих приближается к 100 (вышецитированный советский автор назвал цифру 75-85% для городского населения). Партийные руководители и партийная печать весьма озабочены ростом религиозной активности среди мусульманских народов. Член ЦК КПСС и первый секретарь Дагестанского обкома М. С. Умаханов пишет в "Коммунисте" за март 1979 г., "националистические и религиозные предрассудки"

оказались живучими, "некоторые браки заключаются по шариату", "вследствие многовекового господства религии в прошлом в сознании верующих тесно переплелись религиозные и национальные начала" (стр. 61, 62). Секретарь Ташаузского обкома Туркменистана С. Нарметов жалуется, что есть коммунисты, которые сами принимают участие в отправлении религиозных обрядов, позволяют проникнуть вредным обычаям в свои семьи. А партийные организации мирятся с этим" ("Туркменская искра", 27. 3. 1979). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Узбекистана Рашидов пишет: "Есть немало фактов, когда партийные и советские работники, хозяйственные руководители примиренчески относятся к деятельности духовенства, а некоторые из них сами являются носителями религиозных пережитков". (Ш. Р. Рашидов, "Идеологическая работа...", М. 1974, стр. 27). Его коллега по Казахстану, член Политбюро ЦК КПСС Д. Кунаев подверг резкому разному многие партийные организации республики за "отождествление национального и религиозного". Как классического представителя такого весьма популярного направления мысли среди мусульманских коммунистов он критиковал секретаря одного из райкомов партии, заявившего: "Мусульманская религия вреда не наносит" ("Актуальные вопросы атеистического воспитания", Алма-Ата, 1976, стр. 24). В чем же секрет столь упорной, неистребимой живучести ислама? Советский ученый отвечает: "Благодаря простоте, устойчивости многие обряды и предписания ислама превращаются в привычки. Неоднократно повторяясь, они приобретают характер твердых жизненных потребностей, динамического стереотипа" (Саидбаев, там же, стр. 226). Но "динамический стереотип" тоже объясняется социальным динамизмом самого ислама. Ислам возник в эпоху рабства и начавшегося раздела земель и образования латифундий. Ислам выступил как против рабства, так и против превращения земли в частную собственность феодалов. Другой видный советский правовед, посвятивший "реакционной сущности" шариата целую книгу, вынужден все-таки признать: "Общественно-политические, правовые и морально-этические нормы ислама осуждают рабство. Неслучайно в качестве одного из видов искупления греха шариат предла-

гает освобождение рабов" (Г. М. Керимов, "Шариат и его социальная сущность", Москва, 1978, стр. 213-214). Вынужден он констатировать и то, что шариат стоит за общественное владение землею и отрицает частную собственность на землю: "Шариат фиксирует отсутствие юридического закрепления частной собственности на землю... Мы находим в нем утверждения: "Земля и небеса принадлежат Богу", "Блага земли не могут быть частной собственностью, они принадлежат всем" (там же, стр. 214). Этой социальной концепции шариата коммунизм противопоставил "национализацию", при которой не только земля, но и все народное хозяйство в целом сделались собственностью одной лишь тоталитарной партократии. Ислам с этим не мирится, как не мирится он и с ее безбожием и тиранией. Об этом свидетельствует героическое сопротивление Афганистана советским оккупантам.

А. Авторханов

ДЕЛА КИТАЙСКИЕ

Китай для среднего российского человека, как, впрочем, и для жителя Запада, остается страной "развесистой клюквы". До прихода коммунистов потому, что средства сообщения и информирования еще были не очень развиты, а после их прихода к власти по причине "границы на замке" и насильственной самоизоляции.

Множество жителей Запада (не жителей СССР) и, в особенности, "хороших" западных социалистов возлагало очень большие надежды на то, что китайский социализм представляет собой нечто отличное от других и дает пример действительно хорошего социализма. В Китае нет знаков различия, все носят одинаковую одежду и все одинаково маршируют: очевидное равенство и братство.

Теперь, после смерти Мао, завеса над Китаем несколько приоткрылась (надолго ли?) и позволяет заглянуть за "железный занавес".

Процесс концентрации власти

Напомню прежде всего важные этапы и даты истории коммунистического Китая. 1949 г. — Китайская Красная армия с помощью СССР захватывает весь Китай и изгоняет Чан Кай Ши и Гоминдан на остров Формозу, т.е. Тайвань. 1957 г. — Мао заявляет: "пусть расцветают сто цветов", т.е. провозглашает свободу мнений и высказываний. 1958 г. — Мао объявляет "Великий скачок", т.е. попытку ускоренной индустриализации с помощью энтузиазма и напора полумиллиардного населения, а также с помощью СССР. 1960 г. — Разрыв с СССР. 1965 г. —

Мао начинает "Культурную революцию". 1969 г. — Первая "культурная революция", в основном, закончена. 1974 г. — Мао объявляет новую "культурную революцию". 1976 г. — Мао умирает, так и не закончив вторую "культурную революцию", и председателем Коммунистической партии Китая (КПК) становится Хуа.

На первый взгляд, в этой истории нет ничего похожего на советскую. Однако это совсем не так. Опять следует вернуться к определению социализма. Социализм есть высокоорганизованное общество, управляемое на основе "равенства и братства", высших (надличностных) ценностей и надличностной справедливости, в соответствии с единым научным рецептом (планом). Нетрудно видеть, что построение социализма необходимо требует создания единой управляющей воли (конечно, разумной), распространяющейся на всю страну и ее население. Таким образом, вопрос построения социализма есть вопрос концентрации власти над всем населением страны в немногих и, предпочтительно даже, в одних руках: меньше разногласий и споров и, следовательно, ближе к единой воле и к единому рецепту управления. Без огромных человеческих жертв произвести такую концентрацию власти и привести полумиллиардное население к полному послушанию невозможно. Попробуем подсчитать эти человеческие жертвы. Западно-немецкий журналист Клаус Менарт на протяжении 40 лет многократно и подолгу посещал Китай и до и после захвата власти коммунистами. Он является одним из очень немногих специалистов по Китаю, которые знают Китай из первых рук.

Менарт дает цифры населения Китая: 1957 г. — 650 миллионов человек, 1970 г. — 750 миллионов человек. В справочнике "The US facts book" за 1978 г. мы найдем цифру прироста населения Китая с 1970 по 1975 г. — 1,7% в год. С 1970 по 1975 г. в Китае уже начали чувствоваться меры ограничения рождаемости, предпринятые Мао. Поэтому можно полагать, что прирост населения за период 1957-1970 гг. был не меньше чем 1,7% в год. При таком ежегодном приросте, начиная с 1957 г., полный прирост населения к 1970 г. должен быть за 13 лет 25% (1,017 в степени 13 будет 1,25), т.е. в 1970 г. должно было быть не меньше 809 миллионов. Таким образом, дефицит населения

составляет не меньше 59 миллионов человек, погибших за это время, т.е. погибало в среднем 4-5 миллионов в год. Вполне разумно предположить, что эта средняя цифра справедлива на все 27 лет правления Мао с 1949 по 1976 г. Тогда полное число жертв процесса концентрации власти в руках государства и Мао составит 122 миллиона человек. В СССР с 1917 по 1959 год уничтожалось в среднем по 1,5 миллиона в год (см., например, Figaro Magazine от 19-25. II. 1978).

Лично я предполагаю, что в Китае жертв было даже больше, по двум причинам: 1. В Китае жизнь человека ценилась еще меньше, чем в СССР при Ленине и Сталине. 2. Китай — страна значительно более нищая и голодная, чем СССР. Человеческая жизнь в Китае всегда висела на "волоске" и легко прекращалась.

Процесс концентрации власти при строительстве социализма состоит всегда из двух главных этапов: концентрации власти наверху среди сначала многочисленных вождей и, затем, приведения к конформизму остального населения. С 1949 по 1965 г. происходил первый этап, когда протекала "чистка" вождей и их выстраивание в иерархию подчинения верховному вождю, в этом случае Мао.

В 1957 г. Мао для выявления тех или иных вождей, имеющих самостоятельное мышление, провозглашает политику "пусть расцветают сто цветов". Эта политика очень сильно облегчила точное выявление и скорую ликвидацию слишком самостоятельных вождей. Люди моего возраста помнят в СССР период Дискуссионных Листков в "Правде", т.е. совершенно аналогичный маневр.

Сразу же в 1958 г. Мао объявляет "Великий Скачок", целью которого было разжечь энтузиазм масс видениями прекрасного социалистического будущего и прямым участием в его построении, а также привлечь этим массы на свою сторону для облегчения расправы со слишком самостоятельными вождями. Опять люди моего возраста помнят страшную лихорадку первых пятилеток в четыре и в три года в СССР. Помнят этот "взрыв энтузиазма" с Магнитостроем, с Днепростроем, с "Догнать и Перегнать" и т.п. Дело, конечно, не в Ленине, Сталине или Мао, а в самой логике социализма: он требует концентрации власти. Не осуществи эту концентрацию Ленин,

Сталин, Мао, осуществили бы ее Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Линь Пяо. Массы хотят социализма или слишком слабо ему сопротивляются, они его получают. Наконец, к 1965 г. остался наверху один величайший вождь — Мао. Любопытно, что даже длительность этого первого периода строительства социализма в Китае и СССР почти совпадают: Китай — 16 лет (с 1949 по 1965 г.), СССР — 18 лет (с 1920 по 1938 г.). Я беру 1920 г. для СССР, так как именно тогда закончилась гражданская война. Китай справился с задачей чуть скорее, так как власть еще до 1949 года была иерархически сконцентрирована в структуре китайской Красной армии и затем была распространена на всю страну.

Первая и вторая "Культурные Революции" знаменуют собой второй и решающий этап построения социалистического общества: истребление на всех этажах общества всех людей, способных мыслить самостоятельно, еще оставшихся после первого этапа, и приведение всей страны к послушанию единой воле, единому плану.

Мао правильно отметил, что эти "культурные революции" должны, вообще говоря, происходить непрерывно и, во всяком случае, периодически. Самостоятельность мысли возникает все вновь и вновь и с этим процессом нужно непрерывно бороться, иначе разрушается социализм. В сущности, Мао высказал то, что Сталин делал: чистка, начавшись с 1937-1938 гг., продолжалась Сталиным вплоть до самой его смерти в 1953 г. Впрочем, в существенно меньшем масштабе она происходит в СССР после Сталина и в Китае после Мао. По принципу социализма: больше конформизма — меньше чистки, меньше конформизма — больше чистки.

В национал-социалистической Германии и в социалистической фашистской Италии нетрудно различить те же два этапа процесса концентрации социалистической власти над страной и населением: первый — среди вождей, наверху, и второй — в гуще населения. Правда, начало войны до полного завершения второго этапа строительства социализма привело к сохранению жизни многих достаточно нужных и покорных профессионалов, особенно военных. Точно так же сохранилась временно более эффективная в производстве частная собственность под весьма строгим контролем и планированием государства. Разгром

Германии исключил возможность наблюдать полное завершение второго этапа построения немецкого и итальянского социализма.

Так или иначе, все социалистические диктаторы, при всем различии их национальностей, характеров, мест действия, точно следуют "железной" логике строительства социализма. Во всех случаях без исключения человеческие жертвы огромны и колоссально превышают число жертв любой простой диктатуры, не претендующей на построение высокоорганизованного идеального общества. В этом также коренное отличие социализма от всего ранее существовавшего в истории.

Процесс лишения граждан страны самостоятельности

Наблюдая процесс социалистической концентрации власти, мы не всегда даем себе отчет в параллельно идущем процессе, без которого невозможен вышеуказанный. Этот параллельный процесс есть процесс лишения граждан страны, в первую очередь, их экономической независимости от государства, а затем политической и духовной.

Китай — страна аграрная: в 1949 г. 80% населения крестьяне и всего 3% рабочие. Поэтому промышленные предприятия и всякие фирмы были обобществлены без особого шума. Это лишило их бывших владельцев средств к жизни, поставив их в полную зависимость от представителей государственной власти. Часть их, конечно, бежала или была ликвидирована, а часть стала работать на государство. Так была ликвидирована экономическая независимость от государства в промышленности.

Процесс в сельском хозяйстве был, конечно, много более трудным и длительным. Начался он официально 28. 6. 1950 г. декретом об экспроприации больших и средних землевладений (без выкупа) и о распределении земли среди крестьян. Как и в СССР, сначала не было и речи о коллективизации. Однако уже 16. 12. 1953 г. вышел новый декрет, превращавший каждую деревню в колхоз. При этом члены колхоза пока еще сохраняли некоторые права на свое имущество: член колхоза получал доход в зависимости от размера его имущества, вложенного в колхоз. Было создано 470.000 колхозов, в среднем по 160 семей. Если считать, что в семье около 4-6 человек, было коллективизиро-

вано от 300 до 600 миллионов человек. В 1954-1955 гг. указанная выше зависимость доли продукции от размера вложенного имущества была отменена и все колхозники стали получать долю в зависимости от вложенного труда. Таким образом, к 1954-1955 гг. все граждане Китая были полностью лишены их совокупной собственности и с нею экономической независимости, попав полностью в руки государственной власти. Эта государственная власть, как и в СССР, или в других странах социализма, могла называться внизу революционным комитетом или партийным комитетом, но все нити ее сходились наверху, в Политбюро КПК. Как видите, китайская история следует по пятам за советской.

До 1963 г. продукция сельского хозяйства изымалась в пользу государства бесплатно с помощью продразверстки, как в свое время в СССР. В 1963 г. эта изымаемая продукция стала государством немного оплачиваться (как и в СССР). В 1958 г. произошло, как и в СССР, укрупнение колхозов в "коммуны" в среднем по 4600 семей в каждой. Укрупненных колхозов-коммун стало теперь всего 26.000. Прежний колхоз размером на деревню стал называться "бригадой", входящей в коммуну. Кроме лишения людей экономической самостоятельности (иначе не построишь социализм) эти трансформации имели в основе идею: чем крупнее хозяйство, тем оно производительнее. Однако эта хорошо известная и правильная идея относилась к частному хозяйству. Оказалось, что обобщественное хозяйство ей не подчиняется: производительность укрупненных колхозов понизилась, а не повысилась. Кроме того, как показывает опыт США, продуктивность и в частном хозяйстве растет до размера примерно 1000 гектаров, а затем падает или не увеличивается. В Китае же, как и в СССР, колхозы стали насчитывать многие тысячи гектаров и по несколько десятков тысяч колхозников. В таких огромных хозяйствах экономически разумное управление просто невозможно. Их ведь никак нельзя приравнять, скажем, к относительно простому производству по сборке автомобилей. В сборочном производстве автомобилей не нужно думать о родильных домах, больницах, жилищах, школах, о детях и стариках и т.д. и т.п. В колхозах же без этого не обойтись. Так или иначе, Китай сейчас полностью социалистическая страна с

колхозами в сельском хозяйстве и с остальным народным хозяйством прочно в государственных руках.

Психологические средства оболванивания населения и приведения его к конформизму

Универсально действующие средства для приведения населения любой страны к конформизму и для создания единой воли: страх за жизнь, за здоровье, за близких, боль и, конечно, голод. Однако только такими средствами невозможно создавать потемкинские деревни "процветания", так милые сердцу защитников социализма. Чтобы получить множество улыбающихся, радостных граждан, марширующих, поющих и прославляющих даже в частных разговорах социализм, нужно нечто дополнительное. Конечно, если человека освободить от угрозы смерти или каторги исправительно-трудового лагеря, так он, безусловно, заулыбается, но это будет ненадолго. Только в последние годы исследования поведения космонавтов и последователей массовых религиозных сект (вроде самоубийц под руководством "пророка" Джонса или секты корейца Муна) стали раскрывать природу средств воздействия на психологию поведения масс. Оказалось, что социализм использует такие средства давно и весьма широко. Наиболее мощное средство это то, что можно назвать стадностью. Жизнь человека состоит из тех или иных его действий, которые ему приходится выбирать каждый раз из бесчисленного количества возможных вариантов поведения. Неправильный выбор может повлечь за собой очень неприятные для человека последствия, а иногда увечье или смерть. Поэтому выбор правильного поведения во многих случаях очень труден, а время для выбора всегда ограничено. Пример других резко задачу выбора облегчает. Если одинаковый пример показывает не один, а многие, то, как правило, этому примеру человек следует. Так и в стаде овец всегда есть вожак, примеру которого стадо следует, даже если он ведет стадо на смерть. В этом отношении люди очень похожи на овец. Если человека намеренно лишить информации или намеренно дезинформировать, то его самостоятельное решение станет для него особенно эмоционально и психологически трудным. Дайте ему в этот момент самый неподходящий пример и он ему с радостью

последует. При социализме всегда есть подготовленные, обученные вожаки, которые дезинформируют и указывают на нужный для социализма пример. Собрания, массовые шествия, маршировка под песню или музыку, колоссальные массовые представления используют стадное чувство человека и превращают людей в стадо, послушное одному знаку вожака. Стадо, в котором каждый предельно уверен в себе (ведь не я один, а все). Стадо, в котором люди радуются своей "силе" и уверенности, чувствуют свою общность с массой и находят в этом чувстве общности великое удовлетворение. Люди, которым приходилось маршировать в большой массе под музыку, хорошо знают это чувство общности и подъема духа. Будучи вовлеченными эмоционально и психологически в такие массовые решения и действия, человек, даже оставшись один, продолжает в значительной степени чувствовать свою общность с массой, быть в стаде. Он даже с радостью умирает, зная, что он не один и с ним умирают другие в соответствии с указанным им примером. И он будет убивать или мучить воображаемых врагов в соответствии с этим примером.

Пожалуй, удовлетворение стадного чувства и представляет собой неотразимую привлекательность социализма, такую страшную своими последствиями. В Китае это средство используется в значительно большей степени и много шире, чем в СССР. Огромные шествия, многотысячные представления, обучение с детства массами маршировать, одинаковая для всех одежда, одинаковые для всех, почти религиозные, ритуалы, распространяемые и на общественную и на частную жизнь людей, создают колоссальное воздействие на каждого человека, практически полностью отучая его от самостоятельных действий во всей его жизни.

Специфически китайским вариантом являются весьма изощренные сценарии "самокритики", когда новичок, совершивший отклонение от установленных правил, подвергается коллективной проработке со стороны других, которые уже раньше были обработаны. Редко, когда человек может защищать правильность своего поведения, если на него за это единодушно набрасывается целый коллектив.

Французский подданный, родившийся в 1927 г. в Пекине,

прожил в Китае 37 лет, провел последние 7 лет в китайских тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях. В 1964 г. после восстановления дипломатических отношений с Францией был выпущен досрочно и уехал во Францию. Во Франции, совместно с журналистом, написал книгу "Пленник у Мао". Его китайское имя: Бао-Роу-Ванг, а французское — Жан Пасквалини. Его книга — исключительное по силе и точности описание китайской системы тюрем и лагерей принудительного труда.

Следствие, рассказывает он, может тянуться несколько лет. Следствие имеет целью не доказать вину, а перевоспитать арестованного так, чтобы он поверил в то, что он преступник. Для этого используется сильный голод, полное лишение информации не только обо всем окружающем, но и о намерениях следователя. Арестант должен сам своей рукой написать подробное признание всех своих "преступлений". Следователь постоянно бракует признание и отправляет арестанта в камеру. Это может длиться неопределенно долгое время, пока признание не станет достаточно убедительным для следователя(!). Важнейшей процедурой в этом процессе являются периодические сеансы "самокритики" перед другими заключенными и под наблюдением "беспристрастного" тюремщика. Арестанты сами, стремясь закончить свое состояние голода и неизвестности, буквально как цепные псы набрасываются на "самокритикуемого" с требованиями чистосердечного признания, уличая его в неискренности, нечестности и т.п. Через несколько лет такого следствия и наш француз понял, что он страшный преступник и сумел написать убедительное для следователя подробное признание и получить приговор: 12 лет "трудового перевоспитания".

"Трудовое перевоспитание" происходило по такой же системе коллективного воздействия друг на друга. Совершенно каторжный самопринудительный труд составлял 16-18 часов в день. На одной из работ (брошюровка печатных изданий) Пасквалини даже потерял ногти на пальцах. Таким было напряжение труда. Если же это напряжение труда было недостаточно, человека отправляли в "трудовой лагерь", где голод достигал таких степеней, что арестанты ели все, что попадет под руку: тараканов, гусениц, мышей, крыс и даже извлекали из

свиного навоза непереваренные зерна кукурузы и, не помыв их, ели. Следующая ступень наказания — лагеря, где не работают, но и почти совсем ничего не едят, умирая пачками от истощения и болезней.

Китайский способ "самокритики" и самопринуждения, как свидетельствует Жан Пасквалини, превращает человека полностью в автомата, неспособного мыслить самостоятельно. Автор книги рассказывает обо всем без злобы и горечи, как о чем-то, вполне нормальном. Так подействовал на него "китайский способ", что и спустя много лет, во Франции, он остался под воздействием перевоспитания. Как видите, по сравнению с этой китайской системой бесчеловечные советские лагеря могут показаться верхом человечности. В сравнении со смертью от пули или под ударами толпы хунвейбинов концлагерь в Китае практически та же смерть, но очень растянутая. Она еще больше растянута в трудовых колониях, куда посылают не за "преступления", а за незначительные отклонения от предписанных норм поведения. Посылают миллионы от рабочего и крестьянина до генерала и ученого (тоже, как видите, равенство и братство).

Клаус Менарт описывает одну из многочисленных таких "трудовых колоний". Тысячи перевоспитываемых пригоняются на болото. Они гибнут, но осушают его. Строят себе коллективные халупы (неотапливаемые), обрабатывают до изнурения, вручную, поля, созданные на болоте. По очереди готовят на всех пищу. Моются у водоразборной колонки на улице. Ходят в деревянные, на улице, в полроста загородки на много "очков" — уборные. И, о счастье, могут в две недели раз на два дня съездить повидать родственников. Работают и женщины, и мужчины вместе, но не жены с мужьями: жены посылаются в другие колонии. Среди перевоспитываемых много молодежи и людей с образованием, интеллектуалов. Особенно плохо тем, кто послан перевоспитываться в удаленные от его прежних мест колонии. Еще и сейчас около 10 миллионов продолжают перевоспитываться.

На днях я видел телепередачу о Китае, в которой перевоспитанные уцелевшие профессора и доктора медицины (китайцы, в Китае) рассказывали свои впечатления. Поскольку

Мао уже нет, они в осторожных выражениях, но все же осуждали эту перевоспитательную практику. При Мао, вернувшись к жизни, они бы благодарили Мао и "народ Китая", а, конечно, не критиковали бы.

Принудительный труд в Китае, таким образом, применяется в еще более изощренном и экономном виде и более широко, чем даже в СССР.

Главный социалистический тюремщик и "пророк", Мао сумел превратить огромный народ Китая в какую-то невероятную помесь заключенных-арестантов и тюремщиков. Китайцы сами сидят в тюрьмах, гибнут в лагерях миллионами, коллективно самоперевоспитываются, сами коллективно друг друга прорабатывают, доносят друг на друга, арестовывают друг друга, содержат тюрьмы и лагеря, мучат и расстреливают друг друга. Можно поражаться такой трансформации народа. Пожалуй, даже Сталину это в такой мере не удалось. Можно даже подумать, что Мао удалось навсегда социалистически переделать китайцев. Однако события после смерти Мао показывают, что даже его психотехника провалилась и китайцы начинают себя проявлять, как люди, а не как автоматы или овцы. Так или иначе, социализм Китая дает много очков вперед советскому.

Универсальный цикл социализма

Первый этап построения социализма мир мог наблюдать в появлении целого ряда великих социалистических вождей, как Сталин, Муссолини, Гитлер, Мао, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин, Фидель Кастро, Менгисту (Эфиопия). В свою очередь, еще не совсем великие социалистические вожди, как Мугабе и Нкомо (Родезия), Хомейни и другие, даже еще неизвестные, борются за власть, уничтожая соперников.

Второй этап построения социализма — приведение всего населения к конформизму — закончился в СССР, в свое время, в Германии Гитлера и в Италии Муссолини, в Северной Корее, на Кубе Фиделя Кастро, в Китае. Заканчивается в Эфиопии и во Вьетнаме.

Третий этап построения социализма заключается в том, чтобы развить производительные силы (в корне разрушенные в

ходе двух первых этапов) уже покорной страны и нарастить ее военную мощь. Этот этап, практически, закончился в СССР, начался в Китае и все еще не начался на Кубе и в Северной Корее. Третий этап является также и весьма роковым для социализма. Прежде всего, его начало обычно совпадает со смертью первого великого вождя. Первые два этапа, как легко видеть, чрезвычайно отличаются по задачам и средствам их решения от третьего. Пока еще не появился такой великой вождь, который бы мог перестроиться на новые задачи сам и перестроить всех своих последователей на главных "этажах" правления страной. Поэтому переход к третьему этапу, так или иначе, задерживается до смерти первого великого вождя и до завершения следующего процесса смены социалистической власти. Сама структура власти при этом не меняется.

Самое главное заключается в том, что развивать производительные силы страны невозможно без допущения достаточной свободы технической, научной, профессиональной мысли и без использования мирового опыта. Это требует выхода из изоляции от всего мира, а контакты с внешним миром действуют весьма разрушительно на социалистический конформизм населения. Можно наблюдать, с какой осторожностью действует сейчас в этом направлении Китай.

Однако научно-техническая свободная мысль должна претворяться в фабрики, заводы, а затем в изделия. Если в области науки и техники и профессиональной работы можно до поры до времени избегать их конфликта с социалистической единой волей, то в области простой работы это становится невозможным раньше. Работники быстро соображают, что их деятельность дает им лично мало плодов, что все идет неизвестно куда, лишь под флагом общественной пользы. Кроме того, людей нужно кормить, а производство пищи еще более антисоциалистическая деятельность в том смысле, что без личного интереса, лишь во имя социализма, она стремится не усилиться, а ослабиться.

Голод, очень удобное средство в расправе с "врагами народа", бесконтрольно распространяясь на массы работников, начинает подрывать социализм и препятствовать решению задачи повышения производительных сил страны.

В свою очередь, и на профессиональном, научно-техническом уровне не удастся ограничить свободу мысли только рамками науки и техники. Да и сама наука и техника и их развитие приходят в столкновение с предписаниями высокой организации и планирования социализма. Профессиональные работники рано или поздно начинают улавливать прямую связь неэффективности их профессиональной работы с системой социализма. Так или иначе и они начинают разрушать социализм. В результате задача гармонического развития производительных сил страны становится неразрешимой. Чем больше развивать производительные силы, тем больше подрывается социализм. Развитие оказывается возможным только в очень узкой области народного хозяйства — военной, которая наиболее предсказуема и управляема и поэтому наиболее соответствует социалистической, централизованной системе хозяйства. Балансирование же в остальной части народного хозяйства между личной заинтересованностью и единой волей социализма относительно быстро приходит к концу, приводя к нарастающей дезорганизации, которая знаменует собой окончание третьего этапа социализма. Этот этап закончился лишь в СССР. В Китае он только начинается. Остальные страны социализма до него еще не дожили.

Четвертый, последний этап социализма заключается в неизбежном саморазрушении социализма до конца с переходом, тем или иным способом, к частной собственности и инициативе, к свободе мысли и действия. Однако процветание военной силы социализма и осуществление его господства во всем мире, главным образом, с помощью многих миллионов западных "хороших" социалистов могут продлить четвертый этап на неопределенно долгое время и привести к дополнительной гибели еще сотен миллионов людей в мире. Ближайшие 5-10 лет, безусловно, будут решающими в развитии универсального социалистического цикла в СССР, а за СССР последует и Китай, и Северная Корея, и Куба, и остальная социалистическая "мелочь".

Нужно иметь в виду, что и развитие "ползучего социализма" на Западе может в некоторых условиях закончиться не переходом к социализму, а поворотом обратно, от него. Процесс

концентрации власти с его двумя этапами неизбежен и при "мирном" переходе к социализму. Если он будет на первом этапе (вождистском) происходить достаточно медленно, то публика может успеть осознать надвигающуюся опасность, что и может привести к социалистическому "выкидышу".

Рано или поздно, социализм во всем мире будет мертв. Вопрос заключается лишь в том, сколько сотен миллионов людей и сколько государств успеют погибнуть вместе с социализмом. Ближайшие 5-10 лет дадут ключ к ответу на этот вопрос.

Результаты строительства социализма в Китае

Строительство социализма в Китае, как в свое время в СССР, лишило страну миллионов ее наиболее ценных мозгов и рук и довело Китай до предела полного экономического и духовного банкротства. Вот заявление на митинге населения премьер-министра Китая Тенг Сяо Пина летом 1977 г., когда он посетил родные места в провинции Сычуань: "Я знал, что Сычуань сильно пострадала, но не предполагал такой степени нищеты и разрухи. Я прошу у вас прощения за те мучения, которые вам пришлось выстрадать". При этом он не выдержал и заплакал. Как видно, даже по весьма низким китайским стандартам, положение в стране стало ужасным.

В свою очередь, заместитель председателя КПК Ли Ксианян заявил на партийной конференции в Пекине: около 100 миллионов китайцев голодают, более 20 миллионов безработные, страна переживает сильнейший экономический кризис. Если даже за это время доля рабочего населения увеличилась в два раза (до 6%), то безработица достигает почти 40%.

Степень голода населения и разрухи сельского хозяйства не трудно себе представить, если, по официальным данным, Китай произвел в 1978 г. на свои 900 миллионов населения всего 295 миллионов тонн зерна. Причем Китай включает в понятие зерно не только рис, пшеницу, кукурузу и т.п., но и картофель из расчета 4 тонны картофеля равны 1 тонне риса. СССР производит, не включая картофель, около 200 миллионов тонн зерна на свои 260 миллионов населения, а в СССР тоже во многих районах люди голодают и приходится из-за недостатка

кормов резать скот. Таким образом, Китай имеет в 2,3 раза меньше зерна на человека, чем уже страдающее от голода население СССР, а зерно (рис) для китайца основная пища.

Разруха в сельском хозяйстве дополняется разрухой в промышленности. Огромный 900-миллионный Китай производит стали всего около 15 миллионов тонн, т.е. столько же, сколько производит маленькая Италия. Ясно, что этого едва-едва хватает на велосипеды и на кое-какое оружие, а о тракторах говорить не приходится.

И промышленные и продовольственные товары в Китае нормируются на протяжении всего времени существования "родной социалистической власти". Даже в Пекине при витринах, заполненных фруктами и овощами, китайцы получают по карточкам на человека в месяц: около одной трети литра растительного масла, 600 грамм сахара, около 1 кг мяса, 18 кг круп и на всю семью 2 дюжины яиц. Эта норма дает всего около (чуть меньше) 1000 калорий в день, что в 2-2,5 раза меньше, чем умеренное питание человека сидячего образа жизни. Человек физического труда требует 3500 — 5000 калорий в день. В провинции и эта, совершенно голодная, "норма" не удовлетворяется.

Средняя зарплата рабочих в Китай от 12,5 до 18,5 ф. ст. в месяц, а 40% рабочих получают 9,5 ф. ст. в месяц и ученики — 5,6 ф. ст. Это по официальному, обычно завышенному, курсу. В то же время "пролетарский" лидер, правда, впоследствии смещенный, Ванг Хунг Вен умудрился три месяца тратить на пищу 1570 ф. ст. в месяц, т.е. 15-летнюю зарплату рабочего. Это показывает и ужас китайской нищеты и голода и демонстрирует "сверхличностное понятие равенства и братства".

Хорошо известная разница в "снабжении" крупных городов и провинции демонстрируется простым примером. Власти отметили большую разницу в производительности провинциального сталелитейного предприятия в Ан-Шане и аналогичного в Шанхае. Из Шанхая послали ударную бригаду рабочих поучить ленивых аншанцев. В день учебы "ленивые" хозяева перекрыли производительность труда стахановцев гостей. Выяснилось, что шанхайцы питаются лучше, а аншанцам приходится ежедневно работать на пустой желудок. Аншанцы

были просто не в силах каждодневно поддерживать, будучи голодными, необходимый темп работы. Аншанцы говорят: "дайте нам рис, а мы дадим сталь". В "бригаде" сельскохозяйственной коммуны в провинции Шанси — деревне Тачаи — 83 семьи. Из общего числа в 420 человек, включающего стариков, детей и инвалидов, 150 человек трудоспособные. Бригада имеет 21 гектар пахотной земли, 150 свиней, 400 овец и 100 волов, заменяющих (как и везде в Китае) тракторы. Эта бригада прославилась своими достижениями на весь Китай. Каждый день Тачаи посещали делегации до 5000 человек. Они съезжались иногда за тысячу километров посмотреть "чудо Тачаи". Оплата колхозников повременная и имеет 10 очкоградаций. Очко эквивалентно трудодню в советских колхозах. Сильный мужчина получает за свой рабочий день десять очко-трудодней, незамужняя женщина — семь, а замужняя — шесть с половиной. В Тачаи сильный мужчина зарабатывает 450 юаней или около 180 долларов в год. Женщины зарабатывают около 120 долларов в год (что-то около 85 рублей в год). Средний доход на душу населения составляет в Тачаи 140 юаней, т.е. около 56 долларов в год. Если вы представите себе объем "жизненных благ" на такую сумму, то поймете глубину нищеты Тачаи, которая, однако, для сотен миллионов других китайцев является пределом мечтаний.

Китайское здравоохранение можно охарактеризовать следующим примером. Латиноамериканский друг двух французских марксистов, побывавших в Китае с долгим визитом, был вынужден в 4 часа ночи обратиться в клинику-госпиталь. Ему пришлось высаживаться из автомашины за 200 метров до клиники: невозможно было в это время ночи пробиться сквозь густую толпу пациентов, стоящих в очереди. Как и в СССР, выстояв много часов в очереди, пациент получит только талон, на котором будет написано, когда и в какой кабинет ему нужно явиться. Число талонов несравнимо с числом стоящих в очереди. Для получения талона люди стоят в очереди иногда целую ночь и уходят не солоно хлебавши. В то же время, как и в СССР, например, в тихом западном районе Пекина есть вполне современный госпиталь-клиника, предназначенный для высокопоставленных партийцев, военных и иностранцев и, конечно, без

очердей. Таково "равенство и братство" в Китае. Недаром на одной лишь границе с Гонконгом ежедневно задерживаются около 250 беглецов от китайского равенства и братства. Следует отметить, что национальный доход на душу населения в Гонконге (приближается к 1000 долл. в год) в 7 раз меньше, чем в США, и в 3 раза меньше американского порога нищеты. Таким образом, если жители Гонконга по американским стандартам совершенно нищие, то жители социалистического Китая являются самыми нищими среди всех нищих мира. До прихода коммунистов уровень жизни в Китае и Гонконге мало отличался. С тех пор эксплуататоры в Гонконге резко подняли жизнь населения, а социалисты Китая разорили страну, доведя ее до предела материальной и духовной нищеты. Интересно, что в Гонконге даже инфляция, свирепствующая во всем мире, практически отсутствует (с 1976 г. по настоящее время не превышает 3%. Это, кстати, свидетельствует о том, что инфляция создается внутри страны). Точно так же в другой чисто китайской стране, Тайвань, уровень жизни населения тоже стал несравнимо выше, чем в Китае, а был даже хуже.

Смена власти и китайская "оттепель"

Смерть Мао, как в свое время Сталина, привела к возможности свалить все ужасы строительства социализма, в первую очередь, на "банду четырех" во главе с женой Мао, Чжанг Чинг. Сам покойный Мао тоже не избежал упреков. Однако культ Мао не может быть совсем ликвидирован. Иначе новые правители боятся, что им не справиться с колоссальным населением Китая. Не в интересах нынешних правителей и разрушать созданную с такими человеческими жертвами структуру власти. Разрушение этого наследия Мао равно разрушению социализма. Однако замена многих конкретных людей в этой структуре совершенно необходима: новым вождям нужно иметь под собой базу лояльных и исполнительных подручных. Поэтому новые вожди начали сортировать и заменять людей на государственных, армейских и партийных постах. Эти меры обновления необходимы и по уже упоминавшейся мною другой причине. Весь аппарат власти Мао был создан для выполнения "самой грязной" работы построения социализма —

достижения полного конформизма населения и самого аппарата управления страной. Теперь же, на третьем этапе социализма требуются другие способности и навыки. Нужно каким-то образом остановить все еще продолжающуюся разруху и выйти из тяжелейшего экономического и духовного кризиса, вызванных строительством социализма. Нужно как-то, хоть немного, поднять производительность и сельского хозяйства и промышленности. Как и Мао, новые правители знают, что наивысшая производительность и наивысшее благосостояние достигаются только частной инициативой и частной собственностью. Однако они же означают и конец социализма и власти правителей. Поэтому приходится ограничиваться суррогатами, успокаивать население некоторыми поблажками и обещаниями. В начале 1979 г. на 5-м всекитайском собрании народных представителей председатель КПК Хуа заявил о наступлении "эры демократического социализма" и даже о праве располагать различными видами собственности и средствами производства.

Выпущены на свободу 110.000 человек, проводивших на каторге несколько десятков лет в качестве "врагов народа". Лишь в одной провинции Джилин выпущены из тюрьмы 2860 бывших местных чиновников, заключенных как шпионы, конечно, согласно их собственноручным письменным признаниям. Появляется "самиздат" и "тамиздат". По рецепту СССР пишется новая Конституция и уголовный Кодекс. На "свободных" выборах местных властей выставляется больше кандидатов, чем мест. Кандидаты, конечно, все проверены и апробированы заранее, но все-таки приятно, что можно кого-то вычеркнуть без опасности попасть на каторгу. Появляются "на сцене" религии и религиозные организации, о которых раньше никто не слышал. Появляются ранее запрещенные книги и произведения мировых классиков литературы, музыки и искусства. Появляются, наконец, в больших количествах иностранные туристы.

Все это не только напоминает хрущевскую "оттепель", но и является вполне аналогичным явлением. Роль Берии и его банды в этом случае играет "банда четырех". Нет сомнений, что "оттепель" в Китае, как в свое время в СССР, сменится "заморозками". Точно так же, как в СССР, идея социализма

постепенно сгниет, что приведет, как и в СССР, к подрыву социалистической власти вплоть до неспособности, при всем желании, вернуться к маоизму. Точно так же, после некоторого периода оживления экономики и улучшения жизни начнется застой и деградация, сопровождаемые ростом какой ни на есть истинно социалистической военной мощи. Последнее является неизбежным плодом социализма, так как армия есть наиболее полное выражение идеи социализма, процветая на фоне общего упадка. Неразрешимость для социализма внутренней задачи подъема благосостояния населения приведет, как и в СССР, к обращению максимума усилий и ресурсов на внешние завоевания. Социалистическая вошь, обескровив одну страну, стремится паразитировать на другой.

Сможет ли Китай и когда достигнуть тех же успехов в развитии военной мощи, как СССР, представляет собой большой вопрос. Ограничением является время, а также ресурсы, необходимые для создания в достаточном размере армии ученых, техников, профессионалов, почти начисто ликвидированной Мао. Эта задача потребует для решения, если и не много поколений, то, во всяком случае, одно-два.

Модернизация

Представим себе, что вышеупомянутое заявление председателя КПК Хуа будет осуществлено буквально. Произойдет роспуск колхозов и денационализация промышленности. Нетрудно понять, что власть Хуа немедленно испарится. Поэтому не следует понимать его заявление буквально. Первый секретарь КПК провинции Сычуань, Чжао Чжанг правильно расшифровал заявление Хуа совершенно по-советски: дал колхозникам "приусадебные участки" и разрешил им торговать своей продукцией на "колхозных рынках". Кроме того, в качестве эксперимента (помните Шекинский эксперимент в СССР) разрешил на 100 фабриках некоторое самоуправление и распоряжение частью сверхплановой прибыли. Можно не удивляться, что эксперимент немедленно "удался": производство зерна будто бы увеличилось на 25%, а промышленное производство на 10,8% (вы, конечно, знаете по СССР, что такое "приписки", когда цифры "достижений" подгоняются под

желаемые).

Хуа летом 1979 г. заявил также, что 25% промышленных предприятий работают в убыток и с плохим качеством продукции, и сказал, если они не исправятся, то будут закрыты. (Безработных же уже 20 миллионов, т.е. около 40%).

Главные затруднения Китая: колоссальный рост населения (10-15 миллионов в год), чрезвычайно низкие производительность и качество труда, все еще не улучшающиеся, огромный дефицит квалифицированных и образованных людей наряду с еще более огромным избытком неквалифицированных и неграмотных, т.е. прямые последствия двух этапов строительства социализма.

С точки зрения ресурсов и возможностей Китай весьма богат. На его территории есть практически все, что необходимо для жизни и развития. Даже плотность населения совсем не такая большая, как многие привыкли думать. Китай имеет 226 человек на квадратную милю. Однако Тайвань имеет 1161 чел., Сингапур — 10.067, Гонконг — 10.865, а Макао даже — 44.039. В Японии плотность населения тоже в 3 раза больше (775), а ресурсов много меньше, чем у Китая.

Как насчет индустриализации за счет Запада? Западу за машины и процессы нужно платить или золотом, или сырьем, или экспортом всякого "барахла". Сырьевая промышленность Китая и технически и количественно находится на весьма низком уровне. Для ее развития опять нужны кадры квалифицированных людей, которых нет. Экспорт "барахла" ничего не окупит, да "барахла" и у самих страшно мало. Продукция сельского хозяйства и самих китайцев еще не обслуживает. Допускать в массовом масштабе иностранные концессии, означает разрушать трудно доставшийся конформизм населения, т. е. социализм. Те же беды, что и у СССР. Очевидно, что правители Китая не могут допустить существенного подрыва социализма. Все это означает, что надежды Запада на широкую торговлю с Китаем имеют мало шансов оправдаться. Таким образом, процесс индустриализации Китая может затянуться даже на больший период времени, чем в СССР.

Китай, СССР и Запад

Надежды Запада на противостояние Китая Советскому Союзу совершенно не обоснованы. Прежде всего, по политическим (идеологическим) причинам. Тенг Сяо Пин совсем недавно заявил, что победа социализма во всем мире остается в основе политики Китая. Если я не ошибаюсь, именно он же заявил, что ссора с СССР не смертельна: обе страны коммунистические и расхождения не принципиальны. В ноябре 1979 г. руководство КПК распространило документ, в котором разъясняется, что советских коммунистов отныне не следует называть ревизионистами. СССР следует признать социалистическим государством, *поскольку в нем все средства производства обобщены.*

Китай имеет по численности самую большую армию в мире. Однако Китай в столкновении с Вьетнамом потерпел сильнейшее поражение. Дело в том, что китайское оружие устарело, по крайней мере, на 20 лет (по свидетельству министра обороны США Гарольда Брауна), а его количества совершенно недостаточно для ведения серьезной войны. Кроме того, не обеспечены снаряжением и оружием тылы армии. Ни промышленность, ни сельское хозяйство не могут обеспечить требования наступательной войны, а резервы практически отсутствуют. Все военные и ракетные базы Китая могут быть выведены из строя с первого удара ракетами СССР. Поэтому Китай, хотя и не стесняющийся "пушечным мясом", предпочтет шантаж и политико-идеологические средства продвижения своих интересов чисто военным. Даже СССР считает, что прямой военный конфликт, например, с Западом опасен проигрышем. В то же время, миллионы западных поклонников "хорошего" социализма не откажутся бескорыстно помочь даже и "не совсем хорошему" социализму в его борьбе за мировое господство.

Достигнуть технического и количественного уровня военной машины и резервов СССР, включая необходимую для этого индустриализацию, займет у Китая не один десяток лет, даже если Запад бескорыстно (мало вероятно) поможет всем, чем может. Сейчас Китай далеко не Великая Держава. Главная забота у Китая в отношениях с Западом (как и у СССР) получать *образцы* (на большее не хватит социалистических возможно-

стей) западной технологии и оружия в кредит или по товарообмену или даже с помощью шпионажа. Для получения в этой деятельности благоприятного статуса для эффективного "выдаивания западной коровки" Китай, конечно, будет ссориться с СССР, браться оружием и даже иногда тратить пару десятков тысяч жизней своих и советских солдат и офицеров, чтобы Запад продолжал ставить, и как можно больше, на китайскую карту. СССР этому отнюдь не будет препятствовать, если не помогать: так будет легче замаскировывать истинные цели и советской политики.

Сопоставление китайских дел с советскими дает возможность получить достаточно ясное представление о Китае, о происходящих в нем событиях и о его внешней политике. Западные политики и военные продолжают сохранять полную невинность в понимании ситуации. До сих пор они не понимают, что заключать любые договоры с любым социализмом — то же самое, что овце договариваться с одним волком о совместной обороне против другого волка. Они не понимают, что есть только один способ выжить среди социалистических волков — ликвидировать их.

8. 3. 1980.

А. Федосеев

ИДЕОЛОГИЯ СВ. РУСИ

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ

Мессианиззм как термин¹ появляется в русском языке к концу XIX-го века, приблизительно семьдесят лет после того, как он был пущен в словарный обиход создателем его — Вронским (1831 г.). Насколько нам известно, в русских энциклопедических словарях он появляется впервые в 1896 г. Однако идеология, по своему духу мессианическая, известная у нас под названием идеологии *Св. Руси* (или *Третьего Рима* в более узком историческом контексте) уходит своими корнями к самому началу русской государственности в начале нашего тысячелетия².

Если идеологические течения на Западе рождались среди

1. Насколько нам известно, в русской печати определение этого слова дано впервые в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, пером Вл. Соловьева. В толковом словаре для этого — слова нет. Иные определения можно найти в Большой Энциклопедии под ред. С.Н. Южакова (С. Петербург, 1903) и в книге Н. Бердяева "Миросозерцание Достоевского", стр. 187 — 188. Все эти определения, на наш взгляд, страдают излишней конкретизацией и спецификацией тех атрибутов, которые следовало бы отнести к понятиям *национализма*, *мессианизма* или *шовинизма*. Мы, в свою очередь, даем три "модельных" определения с конкретным историческим и смысловым объемом, и четвертое, самое общее, под которое можно подвести и русскую разновидность: *"Мессианизм есть идеология, заключающая в себе все или некоторые из следующих элементов: призывание к участию в судьбах человечества путем служения, учения, страдания или искупления, по аналогии с основными темами жизни явленного Мессии, в эсхатологической или апокалиптической перспективе и во исполнение замысла Божьего о человеке"*.

2. См. книгу А.В. Карташева, "Воссоздание Св. Руси", Париж, 1956 и статью С.А. Зеньковского "У истоков русской мессианской мечты", "Возрождение", 1972 г.

представителей культурной элиты, то на русском Востоке наиболее ценная идеология родилась как плод народного творчества. Хорошо это выразил А.В. Карташев, сказав, что уже на заре нашей государственности Русь назвала себя *Святой Русью*, тогда как "ни нашей матери греческой "церкви — нации", ни православным сирийцам и арабам, ни нашим братьям славянам, ни соседям румынам, никому не полюбилилось назваться так по крещению и вере. Англия охотно величает себя "старой", Германия "ученой", Франция "прекрасной", Испания "благородной"³.

Если актуально святой Русь никогда не была, то таковой она была в идеале, в мечте, и то в двойной функции: как *сохранительница* истинного христианства и как *исполнительница* его заветов. Можно сказать, что идеал святости светил ей, как солнце, то скрытое за тучами, то осиевающее мир всем своим великолепием. Как в широкой и полноводной реке имеются водовороты, заводи и даже местные обратные течения, так и в истории России идея Св. Руси, рассматривая с должной перспективы, постоянно присутствует то в сознании, то в подсознании лучших сынов народа, несмотря на временные уклонения, искажения и даже прямое противоборствование.

А.В. Карташев отмечает неоднократно, что само выражение "Святая Русь" является словом-откровением, обретенным из недр народного сознания и лишь в XVI веке появившимся, как бы всплывшим из глубины, в русской письменности. Слово это зародилось в былинах и духовных стихах, в "сказах", вскоре после принятия веры Христовой, т.е. предположительно уже в X веке. С самого начала русский народ почувствовал ответственность за свою веру и за жизнь по вере.

Уже в 1037 г. первый русский митрополит, Иларион, составил "*Слово о законе и благодати*", в котором описал водружение креста на киевской горе ап. Андреем Первозванным, как залог высокого призвания будущей Руси. Уже это сочинение пропитано мессианическим духом, ибо автор оттеняет ту мысль, что высокое призвание сопряжено с большой ответственностью перед Богом: кому много дано, с того больше и спросится.

3. "Воссоздание Св. Руси", стр. 29.

Основное население Руси, земледельческое, отождествило себя с названием христиан-крестьян, о чем свидетельствуют акты XIII века. Русский народ, никогда не чуждавшийся инородцев по причинам этнического характера, очень был чуток, вплоть до суеверия, в вопросах религиозных. "Чудь", "татарва поганая"⁴, "басурмане" — эпитеты с насыщенным эмоциональным содержанием.

Идеал святости, наряду с церковью, касался и государства. История Руси знает не только подчинение церкви государству, но и периоды, правда, довольно редкие и краткие, "симфонии" власти духовной и светской в допетровский период. Об этом свидетельствует древняя практика канонизации мирян за их подвиги религиозного и национально-государственного характера.

Почти двухвековой период татарского ига, именно потому что оно было языческим, положительно повлиял на консолидацию Руси сперва в церковном смысле, а затем уже и в государственном. Пусть непосредственными мотивами "собрания Руси" были высокие амбиции великих князей: это была эмпирия этого процесса, а метафизика его, несомненно, заключалась в религиозном, православном плане, в инстинктивном влечении народа к созданию Святой Руси: это призвание было ее национально-историческим эйдосом.

Чувство ответственности за защиту православной веры, лежащее на государстве, осознанное им и по благословению церкви исполняемое уже во время ига, скорее усилилось и укрепилось под впечатлением двух новых катастрофических событий в православном мире: 1) принятии Византией Флорентийской Унии в 1439 году, и 2) падении Константинополя в 1453 году.

XV век был веком заката тысячелетней византийской культуры и одновременно веком возникновения "державы российской". Длительная агония Константинополя и длительное же татарское иго были народными бедствиями, различно подействовавшими на своих "пациентов". В изнемогающей под натиском Ислама Византии катастрофическое положение рождало пессимизм и *отчаяние* и тем самым знаменовало

4. Поганый — нехристианский, языческий. Именно в этом значении это слово сохранилось до сих пор в польском языке.

закат ее славного исторического прошлого. Два века татарской неволи в молодом русском народе, еще не совсем даже сформировавшемся, пробудили *надежду* на избавление и мрак тяжких исторических переживаний рассветился *зарей* новой государственности. Это — в основном. В деталях же истории, византийское апокалиптическое настроение отразилось отчасти и на сознании русского народа, вернее — на его подсознании, травмируя до некоторой степени его молодую психику. Ведь во время ига-то никто не знал, чем оно окончится! Сказать, что народное сознание развивалось только под *одним* влиянием, это слишком упростить ситуацию. Сознание, как индивидуальное, так и коллективное, развивается под несметным количеством воздействий, крупных и мелких, произвольных и преднамеренных, осознанных и бессознательных, хотя в *данное* время одно из них может иметь преобладающее значение.

Тоску гибнущей Византии и опасность, нависшую над православной верой, не могла не чувствовать ее дочь по вере. Но, тяжкий исторический млат, раздробивший одно государство, сковал по воле судеб другое. И тем не менее родовая память русского народа сохранила в себе следы этойковки — апокалиптическую настроенность...

Неоднократные униональные попытки Византии имели политическую подоплеку: заручиться политической и военной помощью Рима против Ислама. Но до 1439 года эти попытки решительно отвергались по религиозным мотивам православным населением того, что осталось еще от бывшей империи. Но в критическом году и василевс, и патриарх решили, что надо идти на унию. И уния состоялась.

Шаг этот был сочтен на Руси предательством православия. Когда сторонник Унии митр. Исидор объявил о совершившемся, на весь русский народ, включая и духовенство, напал "трехдневный столбняк". Из угнетенного оцепенения народ был выведен великим князем Василием Васильевичем, по личной инициативе объявившим митр. Исидора еретиком и от имени духовенства и мирян отказавшимся принять постановления Флорентийского собора. Это был, можно сказать, поворотный пункт русской истории.

Несколько позднее князь писал в одном из посланий в

Константинополь:

— "Мы убо худии, Богом наставляеми, ни во что же вменихом и его самого (Исидора) и принесенное им злочестие отвергохом, яко изсохль травную. От того же паки времени попечение начахом иметь о своем православии, о бессмертных душах наших и часех смертных, и о предстании нашем в он будущий страшный день судный пред Судящим вся сокровенная и наша дневая мысли и дела"⁵.

Таким образом русский народ принял на себя ответственность за защиту веры православной.

МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ

В падении Константинополя, наступившем четырнадцать лет после Унии, русские усмотрели наказание Божье за отступничество греков от истинной веры. Русский народ почувствовал, что Богу было угодно возложить на него ответственную задачу сохранить эту веру. Почти одновременно в больших городах Руси — Москве, Киеве, Твери, Новгороде, Пскове — появляются произведения мессианической литературы. В 1453 году инок Фома составляет "Слово похвальное о благоверном кн. Борисе Александровиче" Тверском; в 1461 году по поводу поставления митрополита Феодосия составляется "Слово об осьмом соборе", в котором кн. Василий Васильевич прославляется как вселенский царь всего православия; в 1492 году митр. Зосима в одном из посланий прямо называет Ивана III наследником византийских императоров, по воле Божьей призванным продолжать их вселенскую миссию; о том же пишет в "Просветителе" теоретик русской государственной власти Иосиф Волоцкий; а архиеп. Геннадий Новгородский со своим секретарем Герасимовым в период 1480-1490 гг. создает легенду "Повесть о Белом Клобуке", развитую впоследствии, в самом начале XVI века, известным старцем Филофеем.

В "Повести о Белом Клобуке" развивается идея, что Москва стала "Третьим Римом" и что в качестве такового ей суждено основоположить заповеданное св. Андреем Первозванным царство, в котором "благодать Святого Духа воссияет". Откуда

5. "Воссоздание Св. Руси", стр. 35.

пошла такая историософская символика? Мы постараемся в кратких словах объяснить это в приложении к настоящей статье, здесь упомянем только, что различные историософские мифы создавались на протяжении истории в разных местах в результате толкования видений пророка Даниила о четырех царствах. Согласно одной из версий — четвертым царством была империя Римская. После падения этой империи ее права унаследовала империя ромейская, т.е. Византийская. С падением же Византии ее права и обязанности перешли на Русь, точнее — на Московскую Русь. Таким образом, выражаясь метафорически, Константинополь считал себя вторым Римом, после же падения последнего его наследницей посчитала себя Москва и присвоила себе звание Третьего Рима.

В "Повести о Белом Клобуке" имеются две исторические "натяжки". Во-первых, на права преемника Римской империи заявил претензию еще в IX веке Карл Великий, коронованный папой в Риме в 800-м году. В последующие века немецкие короли неоднократно провозглашали себя кайзерами Священной Римской Империи Немецкого Народа. Поэтому об исключительности наследственных прав Москвы в этом отношении говорить не приходится. Во-вторых, на благословение апостола Андрея мог претендовать Киев, но не Москва. О каких-нибудь *легальных* правах на преемство и наследство не может быть речи. Психологически, однако, и интенционально идейное преемство имеет свое оправдание. Так на поле битвы раньше бывало, что из рук падающего раненого или убитого знаменосца древко знамени выхватывал ближайший соратник и становился новым знаменосцем не по производству, а фактически.

Символика "Рима" оказалась двусмысленной и, как практика показала позднее, замутнила мессианический дух идеологии Св. Руси. Рим ведь был не только местом мученичества первохристиан и седалищем "наместников Христа": ап. Иоанн в Откровении называл его Блудницей, Зверем и Новым Вавилоном. Символика "Рима" оказалась пригодной для возвеличения русской державы, но рост государства не влек за собой параллельного роста значения церкви. Да и национальная гордость, граничащая здесь и там с мегаломанией и шовинизмом — черты не мессианские. Нам теперь, с полуто-

ратысячелетней перспективы, это виднее. Тогда же, в XV веке, неожиданно буйное развитие молодого государства под водительством Москвы было в сознании русского народа подтверждением правильности рождающейся и укрепляющейся идеологии.

Не важно, в конце концов, откуда пришли на Русь эти историософемы, с византийского Востока или с католического Запада. Важно то, что они появились на Руси на три с половиной столетия раньше, чем в соседней Польше. Неожиданно буйное развитие русской государственности в XV веке, с Москвой во главе, было в сознании русского народа объективным подтверждением правильности его историософского мировоззрения. Освобождение от татарского ига, завоевание новых обширных земель, матримониальная связь с Византией через брак Ивана III с принцессой Софией Палеолог, признание заграничными дипломатическими кругами нового *царского* титула главы русского государства — все это выглядело как некое чудо, как некое нарочитое влияние божественного промысла.

А.В. Карташев в следующих словах описывает настроение этого периода: "Ряд московских публицистов высокого литературного достоинства с вдохновением, возвышающимся до пророчества, с красноречием подлинно художественным не пишет, а поет ослепительные гимны русскому правоверию, "белому царю" московскому и "белой пресветлой России". Пульс духовного волнения души русской возвышается до библейских высот. Святая Русь оправдала свою претензию на деле. Она взяла на себя героическую ответственность защитницы православия *во всем мире*, она стала в своих глазах *мировой* нацией, ибо Московская держава стала вдруг последней носительницей, броней и сосудом Царства Христова в истории (...). Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное сознание по существу *никогда не подымалось*. Последующая его история была только практическим раскрытием и приложением всего того же цикла идей. Русское сознание от самых пелен своих как-то сразу вознеслось на свою предельную высоту (...). На грани XV и XVI веков величие и слава "Святой Руси" сразу и ослепительно открылись русской душе и затем незабываемо легли в ней

навсегда, как светлые, чистые и окрыляющие мечты и воспоминания юности. *Великие мечты великого народа*, воплощенные в слове с таким пафосом и с такой редкой силой *на заре его литературы!* То были гимны первой юношеской любви своему религиозному избранничеству, своему мессианическому призванию”⁶.

Ошибался бы тот, кто думал бы, что “Повесть о Белом Клобуке” в обоих вариантах — геннадиевском и филофеевском — является апофеозом только государственной власти, хотя в ней и имеются панегирические, наподобие византийских, нотки, превозносящие светскую, государственную власть и *дающие основание* строить апофеоз государства.

“Повесть”, в основном, представляет собой в религиозные тона окрашенную философию русской истории, в которой выражается готовность церкви поддерживать и прославлять институт царской власти, *поскольку эта власть будет орудием божественного замысла и промысла о Руси*. Мессианическая энергия молодого русского народа еще не имела иной точки приложения, кроме симбиоза церкви и государства.

КРУШЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ “ТРЕТЬЕГО РИМА”

Мессианический инстинкт русского народа, ища формы для своего воплощения, не удержался на должной высоте и соскользнул в сторону дохристианского обожествления земных владык, в некую абсолютизацию государственной власти. Сыграла здесь соответственную роль и риторика официальных идеологов, пользовавшихся христианской фразеологией для выражения нехристианских идей. Идеал *служения* был подменен идеалом *власти*, и то вопреки ямой заповеди Христа:

“Вы знаете, что князья наро. ов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим., да будет вам слугой; и кто хочет между вами быть первым, да будем вам рабом; так как сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих”

6. Там же, стр. 36-37.

(Матф. 20: 25-28).

Идеологи царской власти, прежде всего Иосиф Волоцкий, постарались возвести царя в достоинство Христова наместника на земле и тем дали основание русскому цезарепапизму. "Бог в себе место посади на престоле себе" царя, который "естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу". Обращаясь к государям московским Иосиф Волоцкий писал: "Вам же подобает приемши от вышнего повеления правление человеческого рода... не токмо о своих пешися и своего точию жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо от волков невредимом, и бояться серпа небесного и не давати воли злотворящим чело-векам, иже душу с телом погубляющим, скверные глаголю, и злочестивые еретики"⁷.

Тот же Иосиф Волоцкий, преступив далеко границы "симфонии", высказался, по существу, в пользу приоритета государства над церковью, ибо утверждал, что "царский суд святительским судом не посуживается ни от кого". Заняв с Востока идею абсолютной монаршей власти, он не преминул одолжиться и у Запада: "Государь есть *первый отомститель* Христу от еретики", даже посредством "премудрого коварства", ибо "гласит Завет, неверующих во святую и единосущную Троицу повелеваем мечем посещи, и богатство их на расхищение предати ... Тако же и Вам повелеваем творити: бози бо есте и сынове Вышнего"⁸.

Мысль, что царская власть имеет своим источником "божеское избавление", а не "мятежное человеческое хотение", понравилась Иоанну IV, Грозному, а как он применял эту теорию на практике — известно из истории и из того факта, *какое* прозвище ему дали. Что с того, что он говорил: "Верую, яко о всех согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим небрежением согрешили!"⁹ Не словесные декларации, но *дела* свидетельствуют о нем, как о коварном, жестоком и лицемерном правителе. Как будто история хотела показать на

7. Н. Алексеев, "Христианство и идея монархии". Путь, 1927, стр. 27.

8. Там же, стр. 27.

9. Там же, стр. 27.

его примере, что *такое* понимание власти есть служение ложному богу. История России впоследствии даст еще и не один урок человечеству. Осуществление красиво звучащих идеологий редко бывает совершенным, если вообще — бывает, а сплошь да рядом — оно и совсем несовершенно.

Но "иосифлянское" настроение не было характерным для всего русского народа. Об этом свидетельствует сопротивление ему чисто христианского мирозерцания, "заволжского", возглавленного Нилом Сорским. И русское православное миссионерство, напр., шло на север и восток с крестом, смирением и простотой, а не с мечом и огнем, как это часто бывало на Западе. Даже историософский вариант старца Филофея выгодно отличается от жестокого "иософлянства". Филофей сосредотачивает свое внимание на провиденциальном аспекте истории, понимаемой им как взаимоотношение между Божьим замыслом о человечестве и исполнением этого замысла избранным Богом народом. "Все христианские царства снidoша, придоша в конец и снidoшася во единое царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское царство"¹⁰. В этом хотя и несколько наивном, но благожелательном изображении роли России нет места воинственным, агрессивным и поработительским эмоциям.

Национально-религиозная гордость русского народа, отдающая здесь и там похвальбой и даже шовинизмом, проявилась особенно ярко во время Стоглавого Собора (1551 г.), а затем тридцать восемь лет спустя, во время поставления первого русского патриарха — Иова (1589 г.). В этот период идеология "Повести о Белом Клобуке" становится достоянием народа и находит свое отражение в фольклоре, напр. в "Стихе о Голубиной Книге".

Историк С.А. Зеньковский пишет: "Величавое учение русского мессианства стало проникать в сознание широких кругов русского народа (...) Убеждение, что "светла Русь земля всем землям мать", что русские действительно остались единственным народом, сохранившим подлинную, чистую, православную веру Христову, еще больше укрепляется в сердцах и умах русских людей после избавления от напастей смутного

10. В. Малинин, "Старец Елеазарова монастыря Филофей", Киев, 1901.

времени, когда им удалось отстоять независимость своей страны и чистоту своей Церкви от внешних врагов и своих же бунтарей и изменников. Но одновременно растет и ощущение, что не всегда сами-то русские были достойными последователями Христовых заветов, что пора наконец стать достойными и более последовательными исповедниками православия"¹¹.

Народ, конечно, понимал идеологию русского избранничества несколько наивно, отождествляя его с нравственным благочестием, с храмовым и литургическим благолепием. В народной стихии сильны прежде всего сохранительские тенденции и в ней мессианизм проявляется бытийной стороной по преимуществу.

Гармоническому развитию "свято-русского" мессианизма, как философии истории русского народа, был нанесен первый удар Иоанном Грозным, абсолютизовавшим *на практике* государственную власть в своем собственном лице. Правда, в период смуты и первых царей из династии Романовых идеология абсолютизма не была эксплуатированна, но зато она расцвела с царствованием Петра Великого. Из мессианической триады: *Церкви, государства и народа*, выделился, за счет первого и третьего элементов, элемент второй — правительственный элемент *власти*.

Второй исторический удар пришелся по русской церкви — это был церковный раскол при патриархе Никоне (в середине XVII века). Здесь не место перечислять причины раскола. Одно следует сказать, что в этой связи проявились антимессианические черты насилия одних христиан над другими, и это отсутствие ЛЮБВИ роковым образом отразилось на всей дальнейшей истории нашей страны. Официальная дореволюционная стилизация старообрядцев, как косного и невежественного элемента, была критически исследована русскими церковными историками после революции. Многие из них пришли к убеждению, что в раскол ушли *крепкие, почвенные* русские люди, способные к огоромной жертвенности ради своих принципов, вплоть до жертвования собственной жизнью. Это было первое изгнание за духовную бескомпромиссность лучших сынов

11. С. А. Зеньковский, "У ист. рус. месс. мечты", стр. 54 и 55.

отечества. Статистика говорит, что в период 1680-1690 гг. гонениями и казнями *государственная власть загнала в самосожжение* более 20.000 человек.

Созванный для "наведения порядка" в русской церкви собор 1666 — 1667 гг., при засильи юго-восточных иерархов, осудил и Никона, и антиниконианцев, и не преминул воспользоваться случаем проучить "зарвавшихся", по их мнению, русских православных, назвав их *мессианические притязания и чаяния "безрасудным невежеством"*. "Повесть о Белом Клобуке", постановления Стоглавого Собора и ряд других церковно-исторических и канонических писаний были внесены в первый на Руси индекс запрещенных книг", — пишет тот же историк церкви¹².

Как электрическая искра перескакивает с положительного полюса на отрицательный, так и русское мессианическое сознание, по существу — эсхатологическое, переключило в сознании части народа с будущего на прошедшее. И если духовное горение обернулось крайним консерватизмом, то горение это было о Христе и за Христа — в прямом и переносном смысле этого слова. Старообрядцы часто вели себя как первохристиане. Неразрядившаяся церковно-религиозная эмоция загнана была в душевное подполье большей части русского народа. Формально консерваторы, по духу — эсхатологи, таковы были старообрядцы. Они дорожили прошлым, чтобы его неискаженное содержание сохранить для будущего, до конца. Метафорически выражаясь, они были коллективным священником, которому при рукоположении архиереем передает Тело Христово с напутствием сохранить Его неукоснительно и непорочно, ибо о Нем придется дать ответ на Страшном Суде.

Мессианическая литература, столь внезапно и пышно было расцветшая, приумолкла или даже вовсе заглохла "при дворе" и в монастырях, но зато дала новые побег в простом народе: в сказах, преданиях, песнях и "стихах". Вот образец этой литературы:

Плачь, Рахиль, восстени, восстени духовный Вифлееме,
небесного доме хлеба!

12. Там же, стр. 57.

Возопи, возопи в горести болезней своих
Ко Владшему тварию всюю Господу Богу,
окровленная горькочадною кровию
духовная мати наша,
огражденная и укрепленная телесы святыми,
страдальческими, и мученическими, и юношескими,
испещренная кровию неповинно.
Возвыси, возвыси глас свой,
жалобы и умиления, и молитвы и воздыхания,
к Седящему на престоле херувимстем, —
святая наша, пречистая, нескверная и непорочная,
апостольская, восточная,
истинная востока востоков,
опаленная и пожженная яростию и прещением,
по велениям царевым,
— Христианская соборная церковь!”¹³

Раскол это был первый отход части народа от “официальной” церкви. Скоро последовал второй, в другую, если можно так выразиться, сторону и по другим причинам. Гонимое и всячески преследуемое старообрядчество, несмотря на всё, сохранило свою духовную свободу и непреклонность, чего нельзя сказать о церкви “государственной”, прибранной к казенным рукам “духовным регламентом” на долгие годы.

Усматривая в великорусском духовенстве поборников старины, Петр I, чтобы уничтожить всякую оппозицию с этой стороны, переменил состав высших иерархов церкви. Многие из старых епископов были лишены кафедр, многие сосланы, а многие и лишены жизни. На их места были поставлены преимущественно иерархи западно-южных окраин России — воспитанники, прямо или косвенно, западной догматической и бытовой культуры.

Историк русской церкви М.С. Попов (его книги вышли в свет в России еще до революции) утверждает, что еще до учреждения Петром I-м инквизиции, “пытали и жгли архиереев и других церковно-служителей”. В царствование Анны

13. Там же, стр. 58. Этот “плач” сложил бывший соловецкий экклезиарх Игнатий, впоследствии принявший смерть от самосожжения.

Леопольдовны, хотя общее положение православной церкви и улучшилось, но все же случалось, что "православных епископов ссылали и лишали сана за защиту православия от лютеран и кальвинистов, обвиняя их в противлении власти и подозревая заговор против правительства среди духовенства". Часто наказания духовенству происходили в светских учреждениях и сопровождались беспощадной жестокостью: как злодеев "били шелепами, плетями, кнутами и применяли всевозможные виды истязаний до сажания на кол". Так был почти замучен известный деятель истории русской церкви архиепископ Феофилакт Лопатинский, лишь по ходатайству митр. Арсения Мацеевича (тоже замученного голодом и холодом в замурованной тюремной камере впоследствии) возвращенный из ссылки.

Ни уничиженная православная церковь, ни все более и более закосневающее старообрядчество не могли удовлетворить интеллектуальных, да и просто религиозных запросов русского культурного общества, которое все чаще и чаще стало обращать свои взоры на секуляризованный Запад. Мессианическое чувство вырождалось в вольнодумство или внецерковный мистицизм. Так наступил отрыв от церкви того класса, который позже становился *интеллигенцией*.

Мессианическая энергия, не находя себе иной точки приложения, начала протекать по руслу *государственного великодержавия*. А те, кого политика не интересовала, подменили религиозные чаяния Царства Божьего мечтательством об устройении дел человеческих на земле силой самих же рук человеческих, благо что с Запада плыли интересные и при русской целестремительности захватывающие волны гуманизма, рационализма, позитивизма, сенсимонизма, фурьеризма и прочая, и прочая...

Внерелигиозные и антирелигиозные тенденции легко породнились с отечественным идеализмом, радикализмом и максимализмом и получился из этого "купаж" совсем не по мессианическому рецепту.

Хотя философия государственной власти, абсолютной монархии, начиная с царствования Иоанна IV Грозного и кончая последним царем Николаем II (до учреждения Думы) в своей теории почти не изменилась, на практике произошли

значительные, по сравнению со свято-русским мессианическим эталоном, изменения. Начиная с Петра I Великого царская власть тоже, можно сказать, секуляризировалась. Наряду с идеалом Святой Руси возник идеал Великой России и последний все больше и больше вытеснял первого. Официально царь продолжал быть главой Церкви, как и во времена Грозного, но это главенство выражалось исключительно во *власти над церковью*. Особенно это было заметно при царицах нерусского происхождения — Екатерине Великой и Анне Леопольдовне. К тому же столица государства была перенесена из "Третьего Рима" — Москвы в новый город, не русский в то время ни по строению, ни по названию, ни по традиционному быту.

Так абсолютная русская монархия, поставив себя превыше православной церкви и русской народной традиции, самоотчуждилась от своей бытийственной основы и стала *властью из себя, по себе и для себя*.

Резюмируя, скажем, что из русской мессианической триады: *церкви* (в ее институциональном аспекте), *государственной власти* (абсолютной монархии) и *народа*, ни первый, ни второй элемент не оказались достойными носителями мессианических упований. Русскому историософскому гению оставалось еще исследовать мессианические возможности в третьем элементе — народе.

Игумен Геннадий Эйкалович

ВЕЙМАРСКАЯ КОМАНДИРОВКА

I

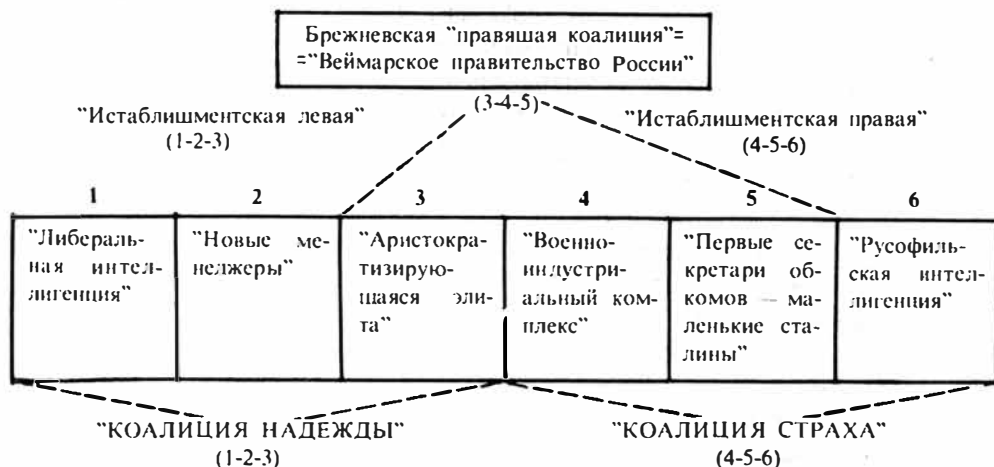
Эта статья родилась так: просматривая свежие выпуски различных эмигрантских изданий, я "напоролся" — именно, как на острие, "напоролся" — на лекцию А. Янова "Дьявол меняет облик", прочитанную перед профессорами американских колледжей и напечатанную в 6-й книжке парижского журнала "Синтаксис" (редактор А.Д. Синявский; все ссылки — по этому изданию).

В этой статье содержится новая глобальная политическая теория современного состояния СССР и будущего внутрисоветских и международных отношений. В терминах А. Янова её следует назвать *Веймарской теорией*. В самом простом виде теория А. Янова сводится к тому, что нынешний брежневский СССР — это Веймарская республика, в которой будируют и которую могут свергнуть русские националисты под руководством А.И. Солженицына, что будет означать нового Гитлера и всемирную войну.

Брежневская "правящая центристская коалиция" — это "Веймарское правительство России", которое, если не будет поддержано и спасено мудрой политикой Запада, то падёт при идущем сейчас объединении "русского Вермахта" с "русским национализмом" (с. 89). Это объединение развивается с ускорением, приданным ему сейчас А.И. Солженицыным (с. 97). "И тогда — да поможет нам Бог!" (с. 110).

Однако А. Янов не столько надеется на всеу помянутого Бога, сколько не плошает сам: в качестве альтернативы этому страшному развитию, этой "*коалиции страха*", он предлагает "*коалицию надежды*". Для определения обеих "коалиций" он

расчленяет правящую верхушку брежневской "Веймарской республики" на 6 социальных элементов, из которых группирует страшную и обнадеживающую "коалиции". Сделаю более наглядной схему Янова (со стр. 108 "Синтаксиса", № 6), освободив её от маленькой научно-технической хитрости, о которой скажу ниже.

Маленькая хитрость этой схемы такова: Янов не построил её в целом, как сделал я, — он изобразил её линейно в последовательности шести элементов, надписав сверху над первыми тремя "истаблишментская левая", над последними тремя — "истаблишментская правая", а внизу отдельно вынес, что элементы 3-4-5 — это брежневское "Веймарское правительство", элементы 1-2-3 — это "коалиция надежды", элементы "4-5-6" — это "коалиция страха". Получается вроде того, что имеется структурный анализ, из которого выводятся две альтернативные возможности. На самом же деле, никакого анализа нет: результаты заданы заранее, и изначальная "истаблишментская левая" выступает в роли "коалиции надежды", а изначальная "истаблишментская правая" — в роли "коалиции страха". Так что вся оригинальная Веймарская теория якобы путём социологического анализа ведёт читателя к вдохновенно глубокому заключению, что надежда — слева, а опасность — справа. Вот, собственно, и вся наука, можно было и на элементы не членить. Однако без элементов — трюк был бы слишком

очевиден.

Расчленение на элементы — по научному уровню — достойно всей структуры. "Либеральная интеллигенция" — звучит заманчиво, но вот что такое "истабlishментская либеральная интеллигенция", крайний опорный столп "коалиции надежды"? "Истаблишментская" (новое драгоценное слово Янова для русского языка) — то есть, по-русски, верхушечно-казённая интеллигенция, например учёные-атомщики, партийные журналисты и доценты марксизма-ленинизма. Проще говоря, Янов начинает схему со стороны "надежды" — со своей собственной социальной группы. Этот социальный элемент не слишком нов, не родился при брежневском "Веймарском" режиме и никак не отличен социально от "правящей коалиции": именно на этом элементе, в числе других, стоял коммунизм с самого 1917 года сквозь все шесть десятилетий. В 1930-е годы "истабlishментскую либеральную интеллигенцию" метко определил О. Мандельштам: "интеллектуальная сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки". Что изменилось при Брежневе с этим элементом — нарастание его роли в существовании режима: вся пропаганда, все социологические расчёты использования рабочей силы, вся атомно-ракетная технология держатся на этом элементе. Да, этот элемент входит в "коалицию надежды" — для коммунистического режима.

Следующие элементы схемы Янова столь же мало на самом деле отчленимы от сплава правящей верхушки, как и казённая интеллигенция. Чем, например, отличаются "новые менеджеры", "аристократизирующаяся элита" и "первые секретари обкомов"? Весь правящий слой СССР саморегулируется внутренней социальной мобильностью: успешливый директор промышленного объединения становится секретарём обкома, а при дальнейших достижениях на поприще организации социалистического производства — руководителем отрасли промышленности, министром, секретарём ЦК; "новых менеджеров" — или, как их точнее называли в СССР, — "командиров производства", не принадлежащих к высоким партийным сферам и не вышедших или не прошедших через средние партийные сферы (членство в бюро горкомов, обкомов, республиканских ЦК партии) и не рвущихся в "первые

секретари” — просто не существует. Если уж кто “маленькие сталины” (применяю яновский термин) — так это именно они, “капитаны советской промышленности”. (А беспартийные инженеры — не относятся к “истабlishменту” по определению, да и не их имеет в виду Янов). Янов хочет уверить, что в СССР существует какой-то не слитый полностью с аппаратом партии государственный и промышленно-технический аппарат, такое Веймарское демократическое разделение властей и независимость экономического сектора. На самом деле, все знают по опыту, а учёные-социологи по данным науки, что при социализме технократия — и есть партократия, а партократия — и есть технократия; и сколько ни полагались на “косыгинскую” реформу — она только зацементировала намертво это положение. Янов предлагает отменить поправку Г. Джексона и предоставить СССР кредиты и статус наибольшего благоприятствования в торговле, но чтобы не было буквального совпадения с газетой “Правда” и политические уши не вылезали, Янов предлагает кредитовать и торговать не через партийных вождей, а через “новых менеджеров” непосредственно с промышленными единицами. На каких западных простаков рассчитана эта пропаганда? Только на тех, кто не знает, что в СССР законодательно существует государственная монополия внешней торговли и всё идёт в один карман. Но кто поверит, что этого не знает 20 лет проработавший в казённой советской печати Янов?

Следующий элемент “истабlishментской левой”, сиречь “коалиции надежды” — это “аристократизирующаяся элита”. Что за зверь такой дивный? Если нечто отличное от “новых менеджеров” и “первых секретарей обкомов — маленьких сталиных”, то остаётся методом исключения: возраст и значение. То есть “аристократизирующаяся элита” — это “старые менеджеры”, “первые секретари ЦК”, “большие сталины”. Короче, Политбюро ЦК КПСС во главе с тов. Брежневым. На них и на их субординантов — подчинённых технократического и идеологического секторов — мир, оказывается, и должен возлагать все свои большие надежды.

Положительным и обнадёживающим признаком коммунистических высших вождей оказывается, по схеме Янова, что они “аристократизируются”. Вот это очень понятно, что имеется

в виду: когда остепенившиеся гангстеры надевают модные галстуки и золотые запонки и любят кататься в роскошных лимузинах. "Аристократизацией" в советском случае называется отход от мифического ленинско-сталинского партийного аскетизма, прославленного Анри Барбюсом и столь же лживого, как и всё остальное в истории этой банды. То, что Янов называет "аристократизацией", на политическом языке именуется коррупцией, а на языке партийной печати — бытовым разложением. (Вся эта "социология аристократизации", конечно, делает честь вкусу Янова). Итак, да поможет яновский "бог" усилить моральный разврат и бытовое разложение Политбюро!

Следующий элемент, теперь "истабlishментской правой", — это "военно-индустриальный комплекс". Узнаём партийных журналистов по правдистскому жаргону. Если здесь имеется в виду отрасль производства — можно сказать просто: военная промышленность. Но в схеме имеется в виду социальная группа. "Военно-промышленным комплексом" (Янов опять немного изменил формулировку, чтобы уши не так вылезали) жаргон партийной печати называет якобы имеющееся на Западе слияние капиталистов с генералами. Но что имеет в виду Янов в СССР? Ведь командиров производства он вынес в отдельную группу "новых менеджеров", а учёные-атомщики отводятся тоже в отдельную группу "истабlishментской либеральной интеллигенции". От всего "комплекса" остаются одни генералы. Из всего текста явствует, что их-то и имеет в виду Янов в качестве опорного столба "коалиции страха".

Последний элемент схемы — "русофильская интеллигенция" как часть "истабlishментской правой". Янов называет посредственных литературных критиков из журнала "Молодая гвардия", но пугает больше Солженицыным, "протягивающим руку русским генералам" (с. 102). Вряд ли названные Яновым журнальные критики могут быть сколько-нибудь социологически строго отнесены к социальной верхушке СССР, гораздо точнее отнести их к среднему классу. Но Янов резко повышает их социальный статус, — по-видимому, он *просто не нашёл* представителей "русофильской интеллигенции" на действительных верхах советского общества. И это само по себе очень показательно! В других своих работах Янов пугает такими пред-

ставителями "русофильской интеллигенции", как работающий лифтьером и грузчиком Г. Шиманов и сидящий в лагере В. Н. Осипов. Но здесь он их не упоминает — не хватит никакой ловкости их-то зачислить в "истабlishмент". Нет нужды доказывать, что к советскому "истабlishменту" не относится и А. И. Солженицын. Так что, пока Яновым не приведены новые факты и имена, остаётся заключить, что никакой "истабlishментской русофильской интеллигенции" не существует в социальной природе коммунистического общества (да и не может существовать!). Есть национально мыслящая интеллигенция и среди диссидентов, и в широких народных низах — там много и молодёжи, и даже в средних слоях общества, но это не коммунисты и не "истабlishмент", и не имеют ни рычагов, ни приводных ремней управления жизнью страны. Если и есть единицы на верхах — то они пока незаметны и ничем себя не проявили. Те же казённые "патриоты", которые специализируются на "антисионистской" пропаганде, делают это не из "русофильства", а из нынешней политической тактики коммунизма — натравить подсоветское и мировое население на Израиль, с тем чтобы организовать арабскими руками нефтяное удушение Запада; какое уж тут "русофильство", тут совсем другие задачи. В любом случае и эта банда "антисионистских" пропагандистов — не "истабlishмент", а порученцы.

Но если "первые секретари обкомов" социологически уходят в левую часть яновской схемы, в группу "новых менеджеров" в "коалиции надежды", а "истабlishментской русофильской интеллигенции" вообще не существует — кто же остаётся в правой части яновской схемы, в "коалиции страха", — одни генералы? Янов и сам чувствует сильно распирающий вакуум в своей "коалиции страха" и поэтому всё время заполняет схему элементом, к ней не относящимся вообще. Но именно этим элементом Янов особенно пугает своих слушателей, более того, это, на самом деле, главный элемент яновской запугивающей пропаганды, уже вне всех этих псевдосоциологических схем, существующих больше "для понта". Этот незаконно включённый в схему элемент — "русский национализм" в терминах Янова, то есть никакое не "истабlishментское", а, наоборот, неказённое, независимое русское национальное сознание, русское национальное

религиозное возрождение и социально-психологически соответствующие ему консервативные круги независимой русской общественности.

К этому-то и сводится вся глобальная "Веймарская теория" Янова: что будет, если настроения независимой консервативной общественности будут сочувственно восприняты хоть скольконибудь незаражёнными коммунизмом генералами — и полетит к черту брежневская "правящая коалиция", а с ней и весь коммунизм. Вот здесь пролегает поле страха Янова.

Янов угрожает: когда "русский Вермахт" соединится с "русским национализмом" (и выдаёт, что "национализм" — не из "истабlishмента") — произойдёт мировой военный взрыв (с. 89). Об аналогии с "Вермахтом", угрожающим "Веймарскому правительству", скажу ниже, а пока, выявив яновскую "коалицию страха", определю социологический итог яновской "коалиции надежды".

Итак, пройдемся по элементам рассмотренного ряда Янова из шести клеточек. Его "новые менеджеры", то есть командиры социалистического производства, — социальная группа более широкая, чем остальные, и полностью включает в себя всех "первых секретарей обкомов" и "маленьких сталиных" промышленности, в том числе и всю негенеральскую часть "военно-промышленного комплекса". Остальная — идеологическая — часть партийного аппарата (тоже мобильная, и переходящая из обкома через КГБ в ССП и обратно) покрывается элементом, названным "истабlishментская либеральная интеллигенция", в этот же элемент уходит научная часть "военно-индустриального комплекса". В итоге элементы-клеточки "первые секретари обкомов" и "военно-индустриальный комплекс" растворяются и исчезают вообще. Генералы требуют отдельного подразделения в схеме.

Тогда "правящая коалиция" должна быть на схеме передвинута налево и должна вобрать в себя "новых менеджеров" и "истабlishментскую интеллигенцию".

Получаем: "*коалиция надежды*" и есть *правящая коалиция* без кавычек. А существующая брежневская правящая коалиция — и есть предлагаемая Яновым "*коалиция надежды*". В откорректированном виде схема Янова должна быть представле-

на так:

Вывод откорректированной, то есть *выявленной* схемы “Веймарской теории” Янова прост: это — обращение к Западу: спасите коммунизм и Брежнева от Солженицына и народов России.

2

Однако почему всё это — Веймарская теория? И причём здесь Веймар, вызывающий в памяти образы Гёте, Шиллера, Гердера, Виланда, а отнюдь не Брежнева? Зачем понадобилась Веймарская командировка? Об этом выскажу свои соображения в конце статьи. А пока попытаюсь разобраться, как сцеплен Веймар с пропагандой, что Брежнев — опора и надежда *мира во всём мире*. Ведь всё-таки не выйдешь на западную трибуну и так прямо не скажешь, что брежневская “правящая коалиция” есть “коалиция мировой надежды”. Поэтому необходимо действовать методом от противного: запугивать “коалицией страха”, вероятными противниками брежневской “коалиции надежды”. А для настоящего страха надо выбрать аналогию пострашнее.

Янов перебирает несколько таких и бросает на полдороге, как недостаточно бьющие и мало достоверные: "сталинизм" (смешно им пугать на завтра, он с 1917 и сквозь все 63 года, до всякого Сталина и без него), греческие "чёрные полковники" (при любом сравнении с брежневским СССР — просто никому не страшно), "исламский фундаментализм аятоллы Хомейни" (при его явном европейского происхождения радикальном социализме и яркой антихристианской направленности — аналогия работает скорее против Брежнева и Янова, и Янов её тоже осторожно покидает). Но уж раз пошел фильм ужасов — забирай покруче, побеспроегрышней. И Янов выволакивает труп Гитлера. А чтобы оживить этот труп и пугать им на будущее, надо доказать или хотя бы десять раз без доказательств повторить, что брежневская "правящая коалиция" есть "Веймарское правительство России".

Позабыв персидские мотивы и греческую мифологию, отправляемся в Веймарскую командировку (Гёте-Брежнев и Эккерман-Янов) и выдаём читателю такой "западно-восточный диван": Веймарскому Союзу советских социалистических республик угрожают "те самые люди, которым Солженицын сегодня протянул руку через океан: русские генералы Чуйков и Куликов" (с. 102). (Образ маршала Чуйкова по силе художественной убедительности стоит образа Гитлера: в обоих случаях требуется эксгумация). Но я не буду подробно останавливаться на самой аналогии. Я остановлюсь лишь на самом интересном сюжете яновской статьи: о том, как в Германии в 1933 году "*коалиция надежды*" победила "*коалицию страха*". Я не оговорился и не перепутал местами элементы схемы Янова: в *действительной* истории Веймарской республики всё было как раз *наоборот*, чем в схеме Янова.

Как раз коалиция между социалистической интеллигенцией и технократами крупной промышленности ("новыми менеджерами", проводниками некапиталистического, государственно-организованного управления экономикой), зародившаяся ещё в XIX веке, — провела в 1920-х годах ряд предгитлеровских мероприятий, расчистила дорогу Гитлеру, победила в ходе исторической борьбы силы консерваторов и генералов и привела Гитлера к власти.

Более того, всё это было сделано в защиту парламентской демократии против проявлений президентского режима и консервативно-генеральской диктатуры¹. Веймарская система сложилась в стране, потерпевшей военный разгром (всё, как в СССР при Брежневе?), экономически ограбленной победителями, пережившей и преодолевшей революцию и выздоравливавшей благодаря контрреволюции и нормальному экономическому развитию в рамках свободного капиталистического предпринимательства. Веймарская конституция была одной из самых демократических в мире и сочетала черты французской и американской конституций, со строгим разделением властей и развёрнутой игрой политических сил в парламенте и вне его. Важнейшей особенностью Веймарской системы был широкий федерализм при властном самоуправлении в 15 республиках—"землях" и в 3-х вольных городах, пользовавшихся широкой автономией² (как 15 союзных республик в СССР?). Легально существовали и разделяли власть через парламент самые разнообразные политические партии и непартийные организации. Одних только больших парламентских партий было 8, из них 4 социалистические и 3 либеральные. За 14 Веймарских лет сменилось 21 коалиционное правительство. Все эти 14 лет у власти стоял в разных сочетаниях блок социалистов и либералов, так называемая "Большая коалиция". В какой-то степени, если на минуту отвлечься от многопартийной структуры, "Большую коалицию" можно условно сравнить с яновской "коалицией надежды". Именно этот блок медленно, но верно проводил государственное вмешательство в экономику, социалистические мероприятия и — тихой сапой — шел в направлении реванша с использованием дружбы с СССР в этих целях³. (Русскому глазу еще видна такая аналогия: эсеровско-меньшевистская коалиция и все 14 лет Веймарской республики

1. H. Schacht. Abrechnung mit Hitler. Hamburg-Stuttgart, 1948. H. Schacht. 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953, S. 327 etc.

2. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. Berlin, 1925.

3. A. Thimme. Gustav Stresemann, Legende und Wirklichkeit. — "HZ", Bd. 181. 1956. H. W. Gatzke. Von Rapallo nach Berlin. — "Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte", Jg. 1956. L. Bergstrasser. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. Mannheim, 1932.

предстают как растянувшаяся Февральская революция, после которой страна рушится в тоталитарную социалистическую яму:.) Без настоящей консервативной оппозиции Веймарская республика была слабой в государственном отношении. Сначала она сотрясалась серией путчей (несколько коммунистических попыток революций, путч В. Каппа, ноябрьский мюнхенский путч 1923 года, когда появившегося на исторической сцене капрала Гитлера поддержал один генерал Людендорф, а консерватор Карр и генерал Лоссов вместе со всем баварским Рейхсвером легко этот путч подавили⁴.) После смерти социал-демократического президента Эберта и избрания президентом фельдмаршала П. фон Гинденбурга явный путчи́зм прекратился, но шла сквозь все 1925-1933 кровавая уличная борьба миллионов (!) военизированных партийных организаций коммунистов ("Союз красных фронтовиков"), социал-демократическо-народнического блока ("Рейхсбаннер" с составом до 3,5 миллионов), национал-социалистических штурмовиков и нескольких националистических организаций. Кроме того, Германия сотрясалась огромными волнами забастовок, а совместно организованная коммунистами и национал-социалистами Берлинская забастовка в ноябре 1932 года парализовала всю страну и была последним политическим взрывом, разрушившим Веймарскую систему и приведшим Гитлера к власти⁵. (Янов может привести и из брежневского периода много примеров и таких путчей, и уличных войн, и забастовочных взрывов?)

Кроме путчистов и уличных громил — в Веймарской республике не было политических заключённых (к сожалению, по установившейся в историографии традиции, этих бандитов и террористов приходится условно включать в политзэков). Да и вообще заключённых было очень мало. В среднем в год осуждалось около 600.000 человек, из них приговаривалось к заключению — около 200.000 человек (остальные — к штрафам), из последних к сроку менее 3 месяцев — 120.000, от 3 месяцев до 1 года — 65.000, и свыше 1 года — менее 15.000 человек! Даже

4. H. Hoffman. Der Hitlerputsch. München. 1961.

5. W. Carr. A History of Germany 1815 — 1945. New York, 1969, p. 356.

путчисты и уличные громилы сидели в среднем год. Вместимость основных германских тюрем, сосредоточенных в Пруссии, достигала 70.169 мест, а среднегодовое и среднесуточное число заключённых — 54.252 человека, и около 16.000 тюремных мест пустовали⁶. Лагерь принудительного труда не было вообще. Да и в тюрьмах не надрывались. Советский исследователь мировой пенитенциарной системы жалуется: "В большинстве случаев обнаруживается, что заключённые проводят много времени в полной праздности"⁷. (Янов может доказать, что примерно так и в брежневском Веймарском Союзе.)

Особенно поучительно посмотреть на военно-политическую сторону яновской Веймарской аналогии. В Веймарской Германии *вообще не было ни воинской повинности, ни армии*, а президент — профессиональный военный — не только не рвался к власти, но всячески отказывался от расширения своих полномочий в порядке президентского режима, предусмотренного знаменитой 48 статьёй Веймарской конституции (хотя орденов у Гинденбурга было не намного меньше, чем у Брежнева). Янов для испуга бросил слово "Вермахт" — так вот, его не было, и словосочетания такого Wehrmacht не было до 16 марта 1935 года, когда, уже через 2 года после прихода Гитлера к власти, была введена воинская повинность. Был Рейхсвер (Reichswehr) — внутренние войска, вербовавшиеся по найму, не имевшие права превышать 100.000 человек и выполнявшие функции охраны внутреннего порядка, вроде полиции (сравни брежневское КГБ). У Рейхсвера не было ни танков, ни артиллерии, никакого вооружения, кроме устаревших винтовок. Создание германской армии и вооружения было запрещено Версальским мирным договором⁸ (впрочем, Янов может напомнить, что сходную бумагу СОЛТ Брежнев недавно подписал в Вене и "сам отказался" от вооружений).

6. Statistik des Deutschen Reichs. Bd. 347. Kriminalstatistik. Berlin, 1928. Statistik über die Gefangenenanstalten der Justirverwaltung in Preussen. Berlin, 1927.

7. М. Н. Гернет. Мировая тюрьма. "Статистическое обозрение". М., 1930, кн. 5, с. 110, см. также с. 112 - 114.

8. Traite de Versailles 1919. Nancy-Paris-Strassburg, 1919, art. 159-247.

В военном отношении Веймарская республика была совершенно беззащитна и предоставлена на милость победителей, которые этой милости не оказывали и сами копали себе яму. Франция безнаказанно захватила в 1923 году Рурскую область и оставила Германию без главнейших промышленных ресурсов, Германия не смогла защитить своё индустриальное сердце⁹. (Впрочем, и Афганистан, кажется, отнял у Брежнева Курскую магнитную аномалию.) Вся Саарская область — германские угольные копи — перешла на 15 лет "в полную и неограниченную собственность Франции"¹⁰. Когда в 1935 году срок "французской собственности" истёк, Саар вернулся к Германии в результате свободного плебисцита под контролем Лиги Наций, 90% населения заявили о желании объединиться с уже гитлеровской Германией¹¹. (Предлагается аналогия с Пражским летом 1968 года.)

Джон Мейнард Кейнс сразу после вступления в силу Версальского мира предсказал его последствия для Германии: годы экономической катастрофы в неравной борьбе здоровой экономической капиталистической системы против внешнего политического и экономического удушения и внутренних социальных экспериментов, — вслед за чем падение в организованную государственную экономику, милитаризация и поиск спасения путем реванша всем демократическим большинством страны¹². Германия была лишена промышленных ресурсов и главных экономических районов — но вплоть до 1931 года платила колоссальные репарации. В 1930 году по плану Янга Гагская конференция снизила платежи до 2 миллиардов марок в год, но растянула выплаты на 59 лет¹³, то есть до 1990 года (ещё 10 лет с сегодняшнего дня). Довоенная производительность восстановлена только во второй половине 1920-х, но безработица катастрофически росла даже и во время так называемого "нормального промышленного цикла 1924-1932 годов": с 11,4% в

9. J. Baumier. Forces de Guerre dans la Ruhr. Paris, 1948.

10. Traite de Versailles, art. 45.

11. W. Carr. Op. cit., p. 396.

12. J.M. Keynes. The Economic Consequences of the Peace. London, 1920.

13. E. Wandel. Die Bedeutung der Vereinigten Staaten von Amerika für das deutsche Reparationsproblem. Tübingen, 1971.

1924 до 34,7% в 1931. В 1932 году, перед приходом Гитлера к власти, полная безработица, не считая неполной занятости, достигла 44,4%. Многие рабочие трудились по неполному графику, так что полная занятость была перед приходом Гитлера к власти только 33%, а общая итоговая безработица — 67%!¹⁴ Две трети потенциального народного труда не находили приложения, а теории “нехватки жизненного пространства” и враждебного мира — находили уши и сердца. Недельный заработок составлял в 1924 году 26,5 марки при прожиточном минимуме в 41,2 марки, а перед приходом Гитлера к власти ножицы раздвинулись ещё сильнее: заработок — 21,75 марки при прожиточном минимуме 39,05 марки¹⁵. То есть заработок был почти наполовину ниже прожиточного минимума. То, что Гитлер выступил как представитель широких масс рабочего класса — была не только демагогия, такова была жестокая правда истории и экономики. Гитлер выступал то совместно, то в конкуренции с коммунистами — с крайнего лева, как вождь рабочего движения против существовавшей экономической системы, а именно — против свободной рыночной экономики. (Янову открываются богатые возможности проводить аналогии с защитником рабочего класса, вождём профсоюзов и русских националистов Шелепиным.) Гитлер выступил как наиболее откровенный и наиболее последовательный выразитель социалистических чаяний. Гитлер пообещал *сделать* то, о чём основные партии Веймарской республики только *говорили*. Если использовать термины Янова, можно сказать так: интеллигентское звено правящей коалиции показало свою безнадёжность, и Гитлер заменил его собой, чтобы превратить правящую коалицию с технократами — в “коалицию надежды”.

Именно массовая безработица породила настоящую массовость партии Гитлера как наиболее радикальной и в то же время (в отличие от коммунистов) наиболее реалистической в понимании момента. И на демократических парламентских выборах в июле 1932 года Национал-социалистическая Немец-

14. J. Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland. Berlin, 1947, S. 261-263.

15. Ibid., S. 274.

кая Рабочая партия Гитлера и Штрассера получила свыше 13,7 миллиона голосов против 5,3 миллиона у коммунистов и менее 8,0 миллионов у социал-демократов¹⁶, то есть национал-социалисты получили больше голосов, чем две старые рабочие партии, вместе взятые. (К сожалению, до меня пока не дошли итоги недавних демократических выборов в Верховный Совет СССР, и я не знаю, сколько голосов получили И. Огурцов со ВСХСОНом и В. Осипов с "Вечем").

Демократический парламентский забег 1928-1932 годов был гибелью правых и центровых либеральных партий, передвижкой миллионов голосов к коммунистам и национал-социалистам, — резко налево, к так называемому "красно-чёрному блоку". И всё это — голоса рабочих и "белых воротничков", связанной с промышленностью, торговлей и культурой интеллигенции¹⁷. Крестьянство и земельные классы продолжали голосовать за консерваторов, народную партию и партию Католического Центра, но голоса эти не делали погоды. Дело в том, что в 1932 году из 66.027.000 человек населения Веймарской республики рабочие всех категорий составляли 16.157.900 человек¹⁸, то есть вместе с семьями, при 2 работающих или безработных взрослых в семье, это даёт свыше 75% населения Германии, а в политической статистике соответственно до 85% всех поданных голосов! Это полезно подчеркнуть для любителей списывать социалистические диктатуры всех типов на крестьянство.

Именно за счёт голосов рабочих и "белых воротничков" каждые выборы в течение 4 последних драматических лет Веймарской республики, 1928-1932, приносили новые миллионы голосов коммунистам, а национал-социалисты поднялись с 810.000 голосов в сентябре 1928 до 6.500.000 голосов в сентябре 1930 и до 13.745.000 голосов в июле 1932¹⁹. Кривая в небеса на графике, в социалистическую пропасть в истории!

Массовые демократические силы перешли за 1928-1932 годы

16. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во 2 мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972, с. 78. W. Carr. op. cit., p. 355.

17. W. Carr. Op. cit., pp. 343, 352, 354-356.

18. Statistisches Handbuch von Deutschland 1928-1944. München, 1949, S. 18, 32.

19. W. Carr. Op. cit., pp. 343, 355.

от "Большой коалиции" социал-демократов, народной партии и либералов к "красно-чёрному блоку". Прямо по схеме Янова, произошло перерастание "правящей коалиции" в "коалицию надежды". Уже и до 1932 года в Пруссии, а на местах в самоуправлении в значительной части Германии, заправляло "красно-чёрное большинство" коммунистов и национал-социалистов²⁰, теперь, с середины 1932, последние больше не нуждались в этой конкуренции-коалиции, и сами стали красно-чёрным большинством ещё демократической Веймарской республики. Итак, одной из ведущих сил, приведших Гитлера к власти, был передовой рабочий класс передовой индустриальной Германии вместе с социалистическими кругами. Так слева направо мы вступили в ту часть схемы Янова, которая (часть) называется "коалицией надежды".

Но это была не единственная сила. Веймарское правительство потеряло поддержку руководителей и управляющих промышленности. Из-за потери ресурсов, постоянного репарационного ухода денег из страны, сокращения или прекращения внутренних капиталовложений, низкой производительности, кризиса производства и кризиса сбыта, руководители крупнейших промышленных концернов, корпораций и банков, и их "менеджеральное" звено (пользуюсь ещё одним замечательным нововведением Янова в русский язык) стали искать "демократические и социалистические альтернативы". Я говорю о "демократических альтернативах" в том хитром смысле этого словосочетания, какой вложили в социализацию хозяйства в те же годы создатели "Нового курса" Демократической партии США У. Липпман, Г. Ласки, Ф. Франкфуртер, а также в том смысле, который вкладывают сейчас социалистические эмигрантские авторы одноименного сборника статей. Вслед за всеми социалистами мира эти экспериментаторы на человеках прячут слово "социализм" под расплывающимся словом "демократия".

В поисках выхода из экономического кризиса Веймарской республики хозяева-руководители и менеджеры промышленности и кредита устремились к испытанному средству государственного протекционизма над хозяйством, к ор-

20. Ibid., p. 354.

ганизованному производству и регулируемому (демократическому и социальному) распределению. Они нашли те самые средства, которые выходец из смежной с ними германской интеллигентской среды Ф. Франкфуртер предложил президенту Ф.Д. Рузвельту (ниже об этом я процитирую крупнейшего специалиста в этой области Л. фон Мизеса). Ведущие руководители и организаторы германской промышленности и банковского дела встали перед альтернативой: или полный крах национальной экономики — или государственно-монополистический социализм, а самим превратиться в "*новых менеджеров*" (этот термин Янова именно сюда годится!). Яльмар Шахт, Фриц Тиссен, Эмиль Кирдорф, Альфред Крупп, Феглер, Бюхер, Альфред Гугенберг, Краух, Шмиц, Ильгнер, Ф. Тер-Меер, Лютц Шверин-Крозигк пришли постепенно к необходимости *нового порядка* и способствовали приходу Гитлера к власти²¹.

Новые менеджеры нового порядка, или второй элемент "коалиции надежды" по схеме Янова, объединились в истории с первым надёжным элементом — социалистическими кругами. Не лишне напомнить при прикладке схемы Янова к действительности, что эта социалистическая интеллигенция давно срослась с "новыми менеджерами" именно на верхушке общества, в "истабlishменте": видные адвокаты, профессора университетов ("катедер-социалисты", об их роли в подготовке прихода Гитлера см. ниже у Л. фон Мизеса), профсоюзные деятели, влиятельные журналисты и писатели и т.д. При этом следует подчеркнуть, что в результате многолетних послевоенных судебных процессов и ещё более многолетних научных исследований выявилась ведущая роль в восхождении Гитлера не столько самих предпринимателей, сколько "менеджерияльного" звена экономики (см. литературу в сноске 21 и другие сноски). В общем, как по левой, "обнадёживающей" части схемы Янова.

21. G. Scheele. The Weimar Republic. Overture to the Third Reich. London, 1944. G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am Main, 1955. L. Lochner. Die Mächtigen und der Tyrann. Darmstadt, 1955. N. Pouds. The Ruhr. London, 1952. G. Klass. Krupps. London, 1954. E. W. Peterson. Hjalmar Schacht for and against Hitler. Boston, 1954. W. Reichel. Das Erbe der I. G. Farben. Düsseldorf, 1956. H. Maschke. Das Krupp — Urteil und das Problem des Plünderung. Gottingen, 1951.

Срашивание обоих элементов "коалиции надежды" — "новых менеджеров" и "левой истаблишментской интеллигенции" — происходит не только в групповом, но и в личном смысле: зачастую это одни и те же люди, как Я. Шахт, А. Гугенберг, Ф. Тер-Меер, Л. Шверин-Крозигк, Л.Б. Красин, Ю. Ларин, В.Г. Громан, В.В. Шер, О.А. Ерманский, С.Г. Струмилин, Н.А. Вознесенский — можно вести линию до советских "либерально-социалистических" экономистов хрущёвской пропагандной кампании 1962 года (по понятным причинам не называю имён) и до аппарата А.Н. Косыгина. Самое показательное имя — многолетний социал-демократический министр финансов нескольких правительств Веймарской республики, лидер Независимой социал-демократической партии Германии (левее большой СДПГ, правее коммунистов), автор теории и практики *"организованного капитализма"*, главный марксистский экономист XX века — Рудольф Гильфердинг. Этот "Карл Маркс нашего времени", а не Яльмар Шахт, — самый близкий *структурно* предшественник гитлеровского Нового Порядка. В лице Гильфердинга перед Гитлером история с редкой щедростью дала нам пример не гипотетической догадки, а самого что ни на есть практического и жестокого урока.

Есть и другое, не менее яркое и ещё более крамольное сравнение. Оно принадлежит великому и всемирно признанному экономисту Людвигу фон Мизесу. Даю из него большую цитату:

"Философия нацистов, Германской Национал-Социалистической Рабочей партии, есть наиболее чистое и наиболее последовательное проявление антикапиталистического и социалистического духа нашего времени. Их сущностные идеи не есть германские или "арийские" по происхождению, не являются они и своеобразием нынешних немцев. В генеалогическом древе нацистской доктрины такие представители латинской мысли, как Сисмонди и Жорж Сорель, англо-саксонской мысли, как Карлейль, Рёскин и Хьюстон Стюарт Чемберлен, занимают более заметное место, чем кто бы то ни было из немцев. Даже наиболее известный идеологический наряд нацизма, басня о превосходстве арий-

22. Ludvig von Mises. Socialism. An Economic and Sociological Analysis. New Haven, 1951. pp. 578-580.

ской расы господ, — не германского происхождения; её автором был француз Гобино. Немцы еврейского происхождения, как Лассаль, Лассон, Сталь и Вальтер Ратенау, внесли большой вклад в сущностные принципы нацизма, чем такие люди, как Зомбарт, Шпанн и Фердинанд Фрид. Лозунг, в котором нацисты сосредоточили свою экономическую философию, именно *Gemeinnutz geht vor Eigennutz* (т.е. общественное благосостояние выше частного), является той же самой идеей, подлежащей американскому Новому Курсу и советскому управлению экономическими делами. Это означает, что стремящееся к доходности частное предпринимательство вредит жизненным интересам подавляющего большинства населения и что, таким образом, священным долгом народного правительства является — предотвратить появление частных доходов общественным контролем над производством и распределением (...).

Это легко для экономистов расшвырять ложные суждения, впутанные в нацистские доктрины. Но те, кто поносит экономические его основы как "ретроградные и реакционные" и фанатически поддерживает фальшивые учения социализма и экономической национализации, оказались беспомощными и потерянными, чтобы опровергнуть национал-социализм. Ибо нацизм был не что иное, как логическое применение их собственных принципов к специальным условиям сравнительно перенаселённой Германии.

Ведь свыше семидесяти лет немецкие профессора политических наук, истории, права, географии и философии усердно прививали своим ученикам и последователям истерическую ненависть к капитализму и проповедовали войну за "освобождение" против капиталистического Запада. Немецкие "катедер-социалисты" (социалисты с профессорских кафедр) *проложили столбовую дорожку и были первопроходцами для обеих мировых войн*".

Осталось сказать несколько слов о третьем элементе "коалиции надежды" Янова — "аристократизирующей элите". По-видимому, к этой категории совершенно точно подходят долго стоявшие за кулисами политических интриг Веймарских правительств два последних предгитлеровских рейхсканцлера Веймарской республики: "маленький Франц" фон Папен, "полный шарма, тонкий и образованный Вестфальский аристократ", и азартный политический игрок Курт фон Шлейхер. Именно они

свалили наиболее умное и достигшее некоторых политических успехов Веймарское правительство — право-центральной кабинет 1930 — 1932 годов под председательством Генриха Брюнинга, провели ряд государственно-интервенционистских действий в промышленности (то есть уже социалистические мероприятия), поставили "капитанов индустрии" перед необходимостью социализации крупной собственности, провели широкую конфискацию крупного землевладения (их и называли "аграрными большевиками"), совершили государственный переворот в самой крупной земле — Пруссии и свели на нет местное самоуправление и автономию Земель, выдвинули программу коалиции со всем левым спектром (интригуя против Гитлера с лидером крайне левого крыла национал-социалистов Грегором Штрассером) на основе программы общественных работ, замораживания цен и заработной платы, создания социальных пособий и передела земель. Одновременно Папен и Шлейхер спланировали несколько правительственных комбинаций по приближению Гитлера к верховной власти. В конце концов, просто передали ему власть²³.

Так, если применить схему Янова, окончательно пришли в сцепление элементы "коалиции надежды" ("левая истаблишментская интеллигенция", "новые менеджеры" и "аристократизирующаяся элита") Веймарской республики, и эта "коалиция надежды" произвела в январе 1933 года вполне демократическим путём национал-социалистическую революцию в Германии. В том же месяце в США пришло к власти либеральное крыло Демократической партии со своим Новым курсом и признанием СССР, а в СССР была объявлена вторая Сталинская пятилетка, зацементировавшая социализм в окончательно сложившуюся систему на базе массового Архипелага. Мир снова, как в 1917 — 1918, вступил в критическую эпоху.

Теперь посмотрим на схему Янова в той части, где "коалиция страха" — генералитет (то есть так называемый и существующий лишь в воображении Янова и других жаргонных журналистов "военно-промышленный комплекс", за вычетом "новых менеджеров", учтённых выше по другому штату) и

23. W. Carr. *Op. cit.*, pp. 348, 352-358.

консервативная интеллигенция. Уже отмечено ранее, что генералы Рейхсвера и консервативные правительственные деятели подавили гитлеровский Пивной путч в 1923 году. Понятно также, что генералитет Рейхсвера был единственной реальной силой, благодаря которой Веймарская республика простояла 14 лет, пройдя сквозь все политические бури, сменив 21 правительство при многопартийной коалиционной системе, когда ни одна партия ни разу не имела парламентского большинства²⁴, прошла сквозь путчи, революционные попытки, многолетнюю уличную войну между вооружёнными социалистическими бандами. Генералитет поддерживал политически чуждую ему республику и делал это не за страх, а за совесть, к тому же не рассчитывая ничего получить от правительства, скованного Версальскими обязательствами.

Также и консервативные силы сохраняли лояльность Веймарской системе, но сохраняли и свои принципы: и когда летом 1924 года английские социалисты Рамсея Макдональда и французские радикал-социалисты Эдуарда Эррио устроили для Германии весьма своеобразное экономическое спасение в виде плана Дауэса (заём в 800 миллионов марок в обмен на повышение ежегодных репараций до 2.500 миллионов марок), а консерваторы на подъёме патриотических чувств выиграли выборы и стали самой большой партией Рейхстага, — консерваторы отказались одобрить план Дауэса и поэтому отказались возглавить правительство и даже войти в него. Не имея сил ничего сделать — добровольно отказались принять доставшуюся им по закону, но позорную для них в данных условиях власть²⁵. (По Янову — консерваторы только и мечтают дорваться до власти, всегда рвутся к власти, чтобы бить либералов и евреев, других задач у них нет. Надо отметить, что немецкие консерваторы, то есть правое крыло Народной партии, возглавлявшееся Генрихом Брюнингом, и Национальная Народная партия, — вообще не были антисемитскими и даже сильно теряли на этом в конце 1920-х — начале 1930-х годов голоса населения, уходившего к национал-социалистам с их пропагандой, что всё

24. Ibid., p. 335.

25. Ibid., pp. 320-323.

зло — от "еврейского капитализма", от "универсальных магазинов".)

Также и президент страны фельдмаршал Пауль фон Гинденбург всегда отказывался от предложений правительственных деятелей для избежания постоянного кризиса власти установить режим чрезвычайных президентских полномочий, допускаемый по 48-й статье Веймарской Конституции. Шлейхеру и Папену удалось вырвать у Гинденбурга разрешение только на отдельные чрезвычайные внепарламентские меры, как ликвидация самоуправлений в 1932 году в Пруссии и других Землях, хотя Шлейхер пытался установить откровенную военную диктатуру — формально Гинденбурга, фактически — свою²⁶.

После прихода Гитлера к власти все партии были распущены, не только левые, но и правые, и Национальная — даже раньше партии Центра²⁷. Остались только национал-социалисты и бутафорский президент.

Существует огромная источниковая и научная литература (см., напр., названную книгу Г. Халлгартена и библиографический список у У. Карра) о том, что именно генералитет и офицерство, за отдельными исключениями, не только не участвовали в достижении власти Гитлером и его партией, но находились в последовательной оппозиции на протяжении долгих лет. По существу, в течение всего 12-летнего периода национал-социализма. Это была именно патриотическая оппозиция консерваторов революционно-радикальной природе национал-социализма, в том числе его стремлению устроить мировую революцию — разнести по миру Новый Порядок, заменить Коминтерн более реалистической Осью, соединившись в ней в стратегических целях на время с СССР.

В момент прихода Гитлера к власти решительно воспротивилась этому во всей Германии только одна группа людей — главнокомандование Рейхсвера во главе с генералом Хаммерштейном. Но по Веймарской конституции политические вопросы не подлежали обсуждению военных, Рейхсвер не имел

26. Ibid., pp. 342-343, 352-358.

27. СДПГ — 22 июня 1933. Национальная — 27 июня 1933, партия Центра — 5 июля 1933. См. Ibid., p. 361.

права вмешиваться в судьбу Германии, и кроме того, физически Рейхсвер был слишком слаб (а иначе, может быть, вообще не было бы Третьего Рейха).

В течение первых полутора лет власти Гитлера оппозиция генералитета сдерживалась тем, что Гитлер осторожно не вмешивался в прерогативы командования Рейхсвера, генералитет имел дело только со старым президентом Гинденбургом. После его смерти Гитлер узурпировал власть главы государства, и Рейхсвер вынужден был присягнуть Гитлеру — по простой причине: не допустить гражданскую войну при 100.000 солдат в Рейхсвере против 250.000 эсэсовцев и 1.200.000 штурмовиков в личном командовании Гитлера²⁸. В этой ситуации интересы патриотического руководства армии и нового главы государства на время совпали, и следующие три года, 1935 — 1937, оппозиция генералитета себя не выявляла. Но вплоть до 1938 года генералитет вел самостоятельную, независимую политику, временный мир существовал в политической структуре за счёт невмешательства Гитлера. Когда Гитлер начал подготовку к европейской войне, ему необходимо было, наконец, подчинить армию. Он решился на это после 5 лет своего правления, но настолько опасался авторитета генералов над армией, что не видел прямых путей овладеть армией. Чтобы подчинить её и разогнать ведущих генералов, единственным способом для главы государства и правительства оказалась интрига. Военного министра Вернера фон Бломберга женили на бывшей проститутке и тем скомпрометировали в глазах офицерского корпуса, а против Главнокомандующего армией Вернера фон Фрича состряпали фальшивку, обвиняющую его в гомосексуализме. Гитлер в феврале 1938 уволил обоих и узурпировал власть над армией²⁹.

Только после этого Гитлер смог провести аншлюс Австрии.

Но именно тогда среди кадровой части армии начал создаваться заговор генералов и высших офицеров во главе с Людвигом Бекон. Военные предвидели в надвигающейся войне гибель Германии и Европы, и когда Гитлер потребовал у европейских демократий отдать Чехословакию, — Бек и его друзья,

28. "Страны Центральной и Юго-Восточной Европы", с. 82.

29. W. Carr. *Op. cit.*, pp. 368-369.

занимавшие ведущее положение в германской армии, тайно довели до сведения руководителей Англии и Франции: стоять твёрдо, Чехословакии не отдавать, а германская армия тогда не выступит, возникнет кризис, и Гитлер падёт. Либеральный консерватор Чемберлен и радикал-социалист Даладьё однозначно ответили на послание Бека: поехали в Мюнхен и отдали Чехословакию.

Бека и его сторонников Гитлер вскоре уволил (убить — всё-таки боялся). Во главе армии были поставлены гитлеровские выдвиженцы, почва для начала 2-й мировой войны была расчищена, осталось только закончить переговоры с СССР.

Договор с СССР и начало 2-й мировой войны многие генералы и офицеры восприняли как предательство Европы, но военные успехи на время опьянили всех или почти всех. Но генеральская оппозиция сохранялась, и не позже 1942 года, в разгар военных успехов Германии, вызрело решение: если принесшие присягу военные не могут не подчиняться главе государства — остаётся только убить его. Так окончательно сложился знаменитый заговор генералов, и не в период поражений, а на вершине побед. Уже в 1943 году были предприняты несколько неудачных попыток убийства Гитлера. Было составлено альтернативное правительство во главе с Л. Беком и консервативным экономистом Карлом Гёрделером.

Это был заговор не против лица (убийство Гитлера было только неизбежным средством), а против национал-социализма в целом, с установкой на союз с Западом и совместное с Западом освобождение Европы от коммунизма и национал-социализма.

О генеральском заговоре существует целая библиотека литературы, да и вся история оппозиции германского генералитета и патриотической консервативной интеллигенции Гитлеру широко известна и вошла во все учебники, — кроме, конечно, советских, по которым Янов и выучил мифы об "агрессивной германской военщине" и "реакционных националистах". Поэтому здесь можно ограничиться ссылками только на две наиболее известные документированные работы³⁰.

30. G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. Ger van Roon. Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung. München, 1967.

Таким образом, начертанная Яновым "коалиция страха" — союз генералов и консервативной интеллигенции — чуть было не превратилась в конце 2-й мировой войны в настоящую, без кавычек, *коалицию надежды для Европы и всего мира*. Да Бог не судил. (Произошла фатальная случайность, из тех, что посылаются свыше. Видимо, время Испытания человека социализмом ещё не подошло к концу. (Впрочем, во вторых скобках, и Западные союзники Сталина — готовы ли были соединиться с Гёрделером, Беком и Штауффенбергом против Сталина? Или торопились покончить с одним агрессором, отдав пол-Европы другому? Судя по Тегерану и Ялте — второе.)

В итоге, рассмотрев все элементы схемы Янова и их структурные связи в сравнении с реальным историческим материалом, получаем обратный эффект: на примере взятого Яновым за образец прошлого — Германии Веймарской и национал-социалистической — видно, что яновская "коалиция надежды" — это как раз коалиция уже не раз сбывшегося в истории страха, а яновская "коалиция страха" — это как раз коалиция несбывшейся надежды. Так показывают факты прошлого. Работает ли эта обратная схема не для германского прошлого, а для российского будущего? И сбудется ли на этот раз надежда? На такие большие вопросы нельзя отвечать мимоходом, да я и не считаю себя вправе на такие большие ответы. Вообще я считаю, что схемы, тем более такие грубо-упростительные, как яновская, могут в какой-то степени служить инструментом для изучения прошлого, но ими нельзя пользоваться при историческом прогнозировании. Слишком простые схемы вообще не работают в истории, и Веймарская и национал-социалистическая Германия — скорее исключение, где такая схема хоть сколько-нибудь показательна, да и то в обратном виде. В прямом, то есть в яновском виде, схема представляет собой безграмотный нонсенс. А яновские постоянные претензии, что его схемы-предсказания что ни год, то сбываются, — просто смехотворны. Человек не знает истории, за которую берётся, даже не знает смысла терминов, которые употребляет — например, "Веймарское правительство". Конечно, не знает и не хочет знать, если сравнивает с брежневским СССР. Даже истории Гитлера, памятной любому интеллигенту нашего поколения, даже не

специалисту, — Янов и то не знает.

И уже за пределами всякого смеха — такие высказывания Янова: "многие годы анализируя историю...", "я себя считаю профессиональным историком" (с. 90). "Профессиональный историк" — не знающий вещей, которые обязан знать средний студент гуманитарных факультетов? Янов ставит вопрос так: "Не естественно ли сублимировать недостаток знаний в пророческое всеведение?" (с. 103). Эти слова просятся эпиграфом к собранию его сочинений.

Тут нечего долго квалифицировать и дисквалифицировать. Б. Парамонов в 20-й книжке "Континента" уже сказал о научной несостоятельности Янова, который компенсирует свое невежество грубыми подтасовками. М. Агурский в 137-й книжке "Нового журнала" показал, что Янов — "услужливый пропагандист" обанкротившихся социалистических кругов и, по видимому, лоббист т.н. "днепропетровской группы" (сиречь "коалиции надежды"). Мой собственный разбор приводит к сходным выводам.

Осталось ответить на вопрос, зачем вообще понадобилась "Веймарская сублимация"? Я думаю, затем, что "персидский трюк" провалился. А.И. Солженицын оперативно его сорвал. Персидский крючок был запущен на западную наживку: выбирайте наименьшее зло — Брежнев или "русский Хомейни". Но этот крючок проглотили только те, кто хотел его проглотить, — те же "социалисты с профессорских кафедр" и лево-либеральные журналисты. Что ж, одна операция провалилась, проводим следующую. Срочно обряжаем в русский кафтан идеологический трюк времён Стокгольмского воззвания и Чехословацкой операции: выбирайте наименьшее зло — коммунистические вожди или "новый Гитлер" (раньше "Гитлером на выбор" были США, потом ФРГ, теперь — Россия). Надо сказать, что чехи в 1969 разобрались и тоже не клюнули и писали на стенах: "Брежнев — это Гитлер", другого нет, и вся угроза — уже сегодня, а не завтра. Но сила пропаганды в том, что она не ленится повторить все — и через 12, и через 30 лет. Авось в 1980 Запад клюнет.

Этим я вовсе не утверждаю, что Веймарскую теорию придумал не Янов, а Идеологический отдел ЦК КПСС. Я вполне

готов допустить, что они конгениальны. Более того, по датам выходит, что Янов мог и опередить. Выше я цитировал из Л. фон Мизеса о социалистических первопроходцах с профессорских кафедр. А ещё лучше сказано в старой русской пьесе: "Когда объявили прогресс — Тарелкин пошёл вперед и прогресса!"

Есть поджигатели войн и революций, и есть ловкие идеологи, которые в критический момент ломают огнетушители или перенаправляют их в противоположное источнику пожара направление. Сейчас именно такой момент. Вот и суетятся пропагандисты, выдавая на-гора книгу за книгой, теорию за теорией, крючок за крючком. Это не один Янов, тут целая бригада работает. Ударно работает, не щадя ни себя, ни читателей; по-стахановски, с рацпредложениями. Как бригада коммунистического труда. Но яновская лекция для наставников американской молодёжи о "Веймарском правительстве СССР эпохи Брежнева" — это пока что мировой рекорд, достойный медали на московской Олимпиаде. Илья Эренбург умер, но дело его живёт.

А под шумок Веймарской операции танки "Веймарского правительства" сосредотачиваются на границах Афганистана с другими странами. Сапог брежневской "Веймарской коалиции надежды" вот-вот наступит на нефтяную артерию Западной цивилизации.

М. Бернштам

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. П. КУТЕПОВ И Б.А. ШТЕЙФОН

В статье д-ра В. М. Зернова "К похищению ген. Кутепова", напечатанной в 138-й книге "Нового Журнала", приводятся новые интересные данные, относящиеся к этому, до сих пор до конца не выясненному действию ОГПУ. Очень жаль, что эта статья о событиях 1929-1930 гг. опубликована только теперь, с таким большим опозданием.

Д-р Зернов вспоминает рассказ своей покойной сестры С.М. Зерновой, познакомившейся с генералом Б.А. Штейфоном во время ее поездки в Галлиполи в 1921 году. Тогда Штейфон был начальником штаба ген. Кутепова. Позже, уже в Сербии, с ген. Штейфоном познакомилась и вся семья Зерновых.

Этим знакомством, видимо, и следует объяснить посещение С.М. Зерновой Штейфоном в январе 1930 года, о котором она рассказала тогда только брату. По словам Штейфона выходило, что "приехал он прямо из России, секретным образом, был в Одессе, привез ей мешочек родной русской земли".

Конечно, "мешочек родной русской земли" звучит трогательно. Но дело не столько в этом мешочке. Главное, о чем Штейфон поведал С. М. Зерновой, заключалось в его утверждении: "в России широко развивается деятельность мощной противобольшевистской организации". И у С.М. Зерновой "сложилось впечатление", что сам Штейфон лично и независимо возглавлял тогда большую тайную антисоветскую организацию. Он даже поставил перед С.М. Зерновой вопрос о сборе средств для этой организации в среде состоятельных людей русского Зарубежья.

Второе важное обстоятельство в рассказе С.М. Зерновой состоит в том, что в день похищения ген. Кутепова Штейфон "утром зашел к генеральше Кутеповой, заговорился с ней, а потом, когда она начала беспокоиться запозданием мужа, он стал ее успокаивать, уверенный, что генерал где-то задержался, и таким образом провел у нее большую часть дня".

В моей книге "Незримая паутина" отмечается участие Штейфона в конспиративной деятельности ген. Кутепова. По сведениям В.Л. Бурцева, в октябре 1929 г. Штейфон ездил в Россию с поручением от Кутепова. Результатами поездки Кутепов остался доволен. В чем заключались эти результаты, мне установить не удалось. Но этот период деятельности ген. Кутепова, так же как и работа организации С.П. Мельгунова "Борьба за Россию" были связаны с деятельностью второго "Треста", представителями которого в Москве были: бывший царский юрист полковник А.Н. Попов и бывший в 1918 году в Новороссийске начальником штаба у Кутепова полковник Н.А. де Роберти. Этот "Трест" в Париже официально представлял генерал П.П. Дьяконов, перешедший на службу к большевикам в 1922 году.

Вернувшись в Париж из навязанной ему январской встречи в Берлине с Поповым и де Роберти, Кутепов убедился в попытке втянуть его в этот "Трест". И если Штейфон говорил С.М. Зерновой о наличии в России "мощной антисоветской организации", то речь шла как раз о втором "Тресте". "Мощная организация" — это, по сути дела, перепев старых, уже известных мотивов: у Б. Савинкова были "либеральные демократы", а Мельгунову Попов, "Кузьма" по переписке, предлагал принять на вооружение "Треста" мельгуновскую "платформу борьбы за Россию". Тем самым в разговоре с С.М. Зерновой Штейфон повторял тот же миф, который Попов преподносил другим эмигрантам. Уже это одно говорит явно не в пользу Штейфона. А что же он рассказывал Кутепову? Этого теперь никто не знает.

Если верить Штейфону, то почему он оказался в квартире Кутепова в течение большей части рокового дня 26 января 1930 года? И был ли он там действительно? В те дни никто, в том числе и Л.Д. Кутепова, об этом не сообщали. И в русской печати Парижа имя Штейфона в то время вообще не упоминалось. Когда разгорелась тягостная газетная полемика между полковником Зайцовым и П.П. Дьяконовым, то, казалось бы, имя Штейфона должно было всплыть на поверхность. Но Бурцев почему-то о нем умолчал. Как выяснилось позже, в то время Бурцев верил Дьяконову и, следовательно, сам был втянут во второй "Трест", в котором, судя по его собственным откровениям, участвовал и Штейфон.

Кто же предал ген. Кутепова в руки комиссара 2-го ранга государственной безопасности С.В. Пузицкого? Судя по рассказу С.М. Зерновой, Штейфон в момент похищения Кутепова был в его квартире.

Значит, похитителем был кто-то другой. Похищение генерала Е.К. Миллера Скоблиным привело французское следствие к выводу, что и в похищении Кутепова был виновен тот же Скоблин. Понятно, почему обвинительный акт по делу Скоблиных начинался словами:

"26 января 1930 года генерал Кутепов, председатель Русского Обще-Воинского Союза... исчез при таинственных обстоятельствах... 22 сентября 1937 года, в свою очередь, исчез его преемник, председатель РОВСа генерал Миллер".

Спустя полгода после похищения Кутепова, летом 1930 года, Скоблины приобрели дом в Озуар-ля-Ферьер и зажили, по эмигрантским понятиям того времени, на широкую ногу. Все косвенные данные подтверждали, что этот дом и жизнь в достатке были наградой за похищение ген. Кутепова.

Был ли Штейфон советским агентом в момент похищения ген. Кутепова? На этот вопрос имеется ответ — письменное свидетельство капитана А.Н. Петрова, бывшего летом 1919 года комендантом поезда командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, данное бельгийской Сюртэ 27 августа 1929 года. С применением шантажа Петров был завербован советской разведкой для освещения жизни русской эмиграции. Порвав с советами, к своим показаниям он добавил список советских агентов в разных странах русского рассеяния. В этом списке в общей сложности значится 51 человек. В разделе "Сербия" названа фамилия Штейфона. Под списком Петров поставил свои инициалы "А.П." и дополнительно приписал: "Всех этих лиц видел, слышал или был в соприкосновении". На показаниях Петрова печать бельгийской Сюртэ. Если сведения Петрова верны, а не верить ему нет оснований, то в 1929 году Штейфон был советским агентом.

Другой вопрос: был ли Штейфон советским агентом во время командования им Русским охранным корпусом в Югославии? Может быть, да, может быть и нет.

Б. Прянишников

А. Н. БЕНУА

Две даты в текущем году, хотя и не являющиеся юбилейными, тем не менее заслуживают нашего внимания: 110 лет со дня рождения и 40 лет со дня смерти Александра Николаевича Бенуа. Известный художник, историк искусства, художественный критик и театральный деятель, Бенуа родился 3-го мая 1870 г. в семье архитектора Н.Л. Бенуа, строителя Мариинского театра, на месте сгоревшего театра-цирка, созданного ранее делом А. Н. по материнской линии Альбертом Кавос.

В доме царила любовная и серьезная атмосфера искусства и это давало возможность А. Н. с ранних лет пополнять запас своих знаний в этой области и развивать вкус. В 1894 г., окончив юридический факультет Московского университета, А. Н., однако, не увлекся юриспруденцией, а всецело посвятил свою жизнь искусству. Он являлся одним из основателей и главным идеологом объединения идеалистического эстетизма, известного под именем "Мир искусства", созданному в противовес реалистическому направлению "передвижников". Выставки кружка "Мир искусства" и журнал того же названия, редактировавшийся С. Дягилевым, создали целую эпоху, своего рода "русский ренессанс" в искусстве.

В связи с этим, не безынтересно мнение известного художественного критика Л. Камышникова, писавшего в одной из своих статей: "Русская молодежь заглянула в западное искусство через окно прорубленное журналом "Мир искусства". И человек прорубивший это окно в Европу был пламенным поклонником своего великого предшественника в устроении России — Петра Первого. Официально редактором журнала был С. Дягилев. И тут мы подходим к вопросу, который вероятно долго останется неразрешенным: кто является истинным правителем серебряного века русской живописи и театра — имея в виду балет, — Дягилев или Бенуа?" Знания Бенуа в области живописи были колоссальны. Уже в 24-летнем возрасте он перевел историю живописи Муттера в трех томах и по заказу автора дополнил издание четвертым томом, содержащим историю русской живописи.

Б. Зайцев пишет о встрече с Бенуа в начале текущего века: "Бенуа был тогда в цвете сил и энергии, лет тридцати с лишним, но уже чувствовался в нем вес и авторитет познаний, дарований и ничего навязываемого. Просто любезный и приветливый человек, покорявший не напором или силой, а высотой культуры вкусом и одаренностью".

Вспоминая о своем посещении вместе с Бенуа Версаля Б. Зайцев пишет: "Бенуа здесь как дома, всё знал, всё объяснял, мы почтительно слушали... Помню оживленное, почти восторженное лицо Александра Николаевича, показывавшего нам Версаль, как свое имение, где он знал каждый закоулок, каждый гвоздь... Удивительными казались познания этого человека. И восточная древность, и Греция, и Возрождение, и фламандцы, и французский 18-й век..."

Бенуа был непревзойденным знатоком культуры и искусства 17-18 веков. Вот я это вижу и рассказываю так, как чувствую и понимаю я, Александр Бенуа, и вы можете соглашаться или нет, но так я вижу, так пишу именно, как мне нравится. В театральной области работы Бенуа неоценимы. Как театральный художник он выступил впервые в 1900 г. в Эрмитажном театре, оформив "Месть Амура" Танеева. Позднее, в Мариинском театре, в его декорациях шли: "Гибель богов", "Павильон Армиды", "Пиковая дама". Для антрепризы Дягилева в Париже, он создал декорации к "Борису Годунову", "Петрушке" и "Соловью" Стравинского. Наконец, в Художественном театре в его декорациях и его постановке шли Мольеровские "Брак по неволе" и "Мнимый больной", равно как и Пушкинский спектакль — "Пир во время чумы", "Каменный гость" и "Моцарт и Сальери", которые он режиссировал совместно со Станиславским и Немировичем-Данченко.

К. С. Станиславский писал: "Широкая и всесторонняя образованность А. Н. Бенуа во всех областях знаний и искусства, заставляла дивиться тому, что способны вместить в себе человеческий мозг и память. Он обогащал своих друзей всевозможными сведениями и знаниями и точно ходячий энциклопедический словарь отвечал на все их вопросы". Б. Зайцев так описывает генеральную репетицию "Хозяйки гостиницы" в МХТе в декорациях Бенуа: "Когда раздвинулся занавес, сразу мы очутились во Флоренции. Милые сердцу черепичные крыши, развешанное на дворе белье на веревках, вдали бессмертная башенка Палаццо Веккио, свет, разлитый повсюду, голубые дали. Пьеса еще не начиналась, а весь зал аплодировал, приветствовал художника и прекрасный город".

В 20-х годах Бенуа эмигрировал из Сов. России и поселился в Париже. В эмиграции им были созданы декорации для парижской "Гранд Опера", миланской "Ла Скала" и других крупнейших театров. Наиболее известны из этих работ "Золотой петушок" Римского-Корсакова, "Евгений Онегин" и "Петя и волк" Прокофьева. К какой же

национальности причислял себя этот замечательный человек, русский по воспитанию и языку, в жилах которого текла французская кровь? Сам он в своих воспоминаниях называет себя "патриотом своей колокольни", подразумевая под "колокольней" обожаемый им Санкт-Петербург. Именно Санкт-Петербург, а не Петроград и уж, конечно, не город с последующим неудобосказуемым названием. Бенуа был горячим поклонником Петра Великого и нежную любовь к городу Петра сохранил на всю жизнь. На склоне лет, живя в Париже, душой он был в Петербурге и в альбомах своих делал зарисовки любимого города. В автобиографических заметках он писал: "Сию у открытого настежь окна, выходящего на милую, *ПОЧТИ РОДНУЮ* Сену..."

В моем архиве имеется неопубликованное письмо А. Н. Бенуа к С. Л. Бертенсону: "...столько в ваших мемуарах мест, читая которые я умилялся и мысленно протягивал вам руку, дабы крепко и сочувственно вам ее пожать. Особенно это касается всей эпопеи Художественного театра, к которому и я был одно время особенно близко причастен и который покинул только потому, что "они" (особенно Владимир Иванович — к нему я разделяю ваше особое почитание) поставили не-пременным условием мое полное переселение в Москву, что в 1915 г. мне особенно претило, точно я предчувствовал та обиду, которая вскоре должна быть нанесена *НАШЕМУ* с вами незабвенному, ни с чем не сравнимому С.-Петербургу! И вот теперь мы оба с вами ему изменили, зато, вероятно, и у вас, как и у меня, возрос *КУЛЬТ* Петербурга в чрезвычайной степени. И разумеется, для меня наш родной город продолжает носить то имя, которое ему дал в своей глубокой мудрости его создатель Великий Петр. Отправляя письма там живущим (за последнее время такая корреспонденция стала возможной и я этим широко пользуюсь, войдя снова в контакт с моими коллегами по Эрмитажу и Русскому музею), я каждый раз не без омерзения вывожу на конверте адрес с тем наименованием, которое досталось Санкт-Петербургу, благодаря ехидному коварству судеб... Надеюсь, что то обещание, которым вы заканчиваете вашу книгу и которое гласит, что вы еще издадите продолжение ваших заметок, сбудется. Дай Бог, чтобы вам лучше повезло, чем мне. Ведь благодаря краху Чеховского издательства я оказался сидящим на каком-то обручке моих воспоминаний, наиболее значительная часть коих едва ли когда-нибудь увидит свет. Вот это тоже очень досадно..."

Скончался А. Н. Бенуа 9-го февраля 1960 г. в Париже.

К. Аренский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый Г-н Редактор!

В Вашем журнале № 138 напечатана статья В. Зернова "К похищению ген. Кутепова". В ней читаем: "...При немецкой оккупации командовал так называемым "Русским охранным Корпусом"... Он (ген. Борис Александрович Штейфон. *М. В.*) боялся, что его могут отравить. Есть сведения, что при отступлении немецких войск, он погиб насильственной смертью." (стр. 133).

Можно сомневаться в точности этих строк. Я служил в "Русском Корпусе" (переименован) в должности командира Артиллерийского взвода I-го Казачьего, имени ген. Зборовского полка. Знаю, что 30 апреля 1945 года был издан приказ по "Русскому Корпусу" о вступлении в командование — оберста (полковника) А. И. Рогожина по случаю смерти ген. Б. А. Штейфона. После мы узнали причину смерти генерала Штейфона. Ген. Штейфон часто страдал от бессоницы. Поэтому принимал специальные снотворные пилюли и... приняв их... утром не проснулся. Смерть его констатировал врач штаба "Р. К." доктор Бычков.

Максим Бугураев,
Полковник К-р Арт. вз. полка

БИБЛИОГРАФИЯ

ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ*

В 1967 году британское правительство сократило до тридцати лет срок хранения в тайне государственных документов вместо прежнего полувека с момента событий. Граф Николай Димитриевич Толстой-Милославский выпустил первое издание своей книги "Жертвы Ялты" в 1977 году. Он смог учесть документы до 1947 и описать британскую политику в отношении советских пленных, в результате которой около миллиона с четвертью человек были репатриированы британцами в СССР.

Хотя факты выдач в сороковые годы были широко известны в русской эмиграции, они были скрыты от британского парламента, прессы и общества. После опубликования "Жертв Ялты" общественное возмущение этими действиями британского правительства было яростным. Общественное мнение ужаснулось открывшейся картине, в частности тому, что при выдаче было применено насилие.

Особенно поразил факт, что высшие чиновники в Министерстве иностранных дел не только скрывали всю операцию, но даже лгали новому министру иностранных дел Эрнесту Бевину, сменившему Антони Идена в 1945 г., уверив Бевина, что насильственных выдач нет.

Интересно отметить, что, когда в 1974 году появилась книга на ту же тему лорда Бетелла "Последняя тайна", она привлекла внимание

* Nikolai Tolstoy. Victims of Yalta. Revised and up-dated edition published by Corgi Books, London 1979. 640 pages, illustrations, notes, index. (1-st edition published by Hodder & Stoughton, London, 1977: Published in New York, 1978 with the title "The Secret Betrayal").

читателей, но острого общественного возмущения не вызвала. В то время как появление книги графа Толстого-Милославского вызвало запрос в парламенте, статьи в печати и поток читательских писем на страницах лондонской прессы. Был даже возбужден вопрос о необходимости расследования всех обстоятельств этой "репатриации", что было официально отклонено тогдашним министром иностранных дел, доктором Оуэном.

Чем объясняется такая разница в общественной реакции на эти две книги — "Последняя тайна" и "Жертвы Ялты"? Толстой-Милославский сам объясняет это тем, что его критика политики британского правительства гораздо резче, чем лорда Бетелла. Последний описывает события и включает много душераздирающих сцен, в особенности в Лиенце, где были выданы казачьи дивизии, но Бетелл еще не имел доступа ко всем материалам об этом деле, и тоже тон его книги несколько другой, чем у Толстого. В предисловии к "Последней тайне", написанном Хью Тревор-Ропером, королевским профессором истории при Оксфордском университете, говорится: "Об этой политике надо сожалеть, но она диктовалась необходимостью военного времени".

Граф Толстой-Милославский (который для облегчения усвоения иностранцами своего имени называет себя только Толстым) гораздо более критичен. Он показывает, что аргументы, выдвинутые Иденом и британским МИДом, о необходимости репатриации неубедительны. Британцы утверждали, что советских военнопленных необходимо репатриировать, чтобы добиться освобождения британских военнопленных, которые попали в советские руки при вторжении советских армий в восточную Германию. Но британцев в советских руках было много меньше, чем советских у союзников. И 23.744 британца были отправлены домой советскими властями уже к 1 сентября 1945 года.

Почему в таком случае Великобритания должна была репатриировать около миллиона с четвертью советских военнопленных и почему такая политика продолжалась до 1947 года, когда несомненно никаких британских военнопленных уже не было под контролем советских властей? Толстой подчеркивает, что едва ли устраивало бы Сталина делать широкоизвестным факт наличия столь многих советских в германских мундирах, попавших в союзный плен.

Когда британцы впервые столкнулись с проблемой советских военнопленных, которые попали к ним в руки после высадки в Нормандии в

июне 1944 года, они обратились за разъяснением в советское посольство в Лондоне. Посольство медлило с ответом целый месяц, ибо оно не знало, как признать факт существования советских военнопленных в германских мундирах, готовых сражаться против СССР. К тому же было опасение, что если немецкие власти узнают, что так называемые "германские части" выдают советчикам, это могло бы вызвать возмездие в отношении британских военнопленных в немецких руках. Из этого явствует, что решение вопроса о выдаче не вызывалось "необходимостью момента", как официально объясняется до сих пор.

Правда, что в 30-е годы многие британские интеллектуалы занимались идолопоклонством в отношении СССР, даже вплоть до государственной измены. Подобные настроения в какой-то степени отразились в пропаганде, которая пришла в конце концов к белочерным упрощенным определениям: либо фашист, либо антифашист. СССР рассматривался как союзник Великобритании, который сражался против нацистской угрозы, и поэтому расценивался как режим приемлемый в основном, а, стало быть, "демократичный". Такое понимание политической действительности объясняет, почему мелкие чиновники и младший офицерский состав не сознавали последствий политики, которую они помогали осуществлять. Многие из них искренно не понимали, почему советские не хотят вернуться домой. Правда о настоящем положении вещей в СССР очень медленно доходила до британцев. Граф Толстой-Милославский в беседе со мной рассказал, что в 1955 году, когда его арестовали за демонстрацию против посещения Великобритании Булганиным и Хрущевым и он провел ночь в полицейской камере, к нему зашел дежурный полицейский сержант и спросил, почему, собственно, он против советских вождей? В разговоре выяснилось, что сержант, будучи в армии, участвовал в репатриации военнопленных в СССР. Его тогда поразило, что люди предпочитали самоубийство возвращению домой.

Может быть, только в период "холодной войны" британцы начали понимать некоторые реальности советского режима. Однако более правильно сказать, что только появление А.И. Солженицына на британском телевизионном экране и на радио в 1976 г. открыло им глаза.

Но если так обстояло дело с осведомленностью британского общества в целом, неужели не было лучше осведомлено британское Министерство иностранных дел? А если оно было лучше осведомлено,

почему не сделало надлежащие выводы, занимаясь вопросом репатриации? На этот вопрос нелегко ответить. Сталин произвел *благоприятное* личное впечатление на Антони Идена, как, кажется, и на многих других союзных вождей. Иден хотел "угодить" Сталину, вероятно, с тем, чтобы добиться его содействия в формировании ООН. Иден, кажется, понимал, какая судьба ожидает советских репатриантов в СССР, но его ответ был до крайности рассудочно холоден: "Если эти люди не вернутся в Россию, куда их деть? Мы их здесь не хотим". И дальше: "Мы не можем позволить себе роскошь миндальничать с ними". Автор книги возмущен таким отношением. Он подчеркивает, что, хотя частично эту репатриацию можно было бы считать покрытой условиями ялтинского договора, никак нельзя было бы обосновать выдачу тех русских пленных, которые никогда не были советскими гражданами. Однако выдали людей, которые воевали как союзники Великобритании в Первой Мировой войне и которые оказались во время гражданской войны вне России. Даже выдали женщин и детей, хотя БИМИД знало, что они никогда не были советскими гражданами, и акт выдачи их был совершенно никем не требуемой жестокостью.

Насколько об этом был осведомлен сам Черчилл, неясно. Когда вопрос о выдаче обсуждался на заседании кабинета, Черчилл заволновался, но, кажется, Идену удалось его переубедить.

Автор поднимает также вопрос о законности политики, проводившейся БИМИДом. В пересмотренном и дополненном издании "Жертвы Ялты" 1979 г. Толстой-Милославский показывает, что БИМИД решило вопрос в духе "выгодности", а вопрос "законности" оказался *второстепенным*. Нормально военнопленные определялись носимым ими мундиром, а не национальностью взятого в плен. Такой подход спас во время войны, например, поляков и чехов, служивших в британской армии и взятых в плен. Этот критерий применялся ко всем военнопленным, кроме советских, которые оказались единственным исключением из правила. БИМИД оказалось в столкновении с Государственным Департаментом в Вашингтоне из-за допустимости такого исключения. Патрик Дин, советник по юридическим вопросам БИМИДа, признал, что могут быть недосмотры в британском отношении к советским, но выдвинул аргумент, что БИМИД вне опасности от критики, поскольку оно воздержалось от публичного высказывания на эту тему. Автор пересмотрел статьи Гаагской и Женевской конвенций и высказывания чиновников БИМИДа,

замешанных в выдачах, и приходит к определенному выводу (который он высказал как предположение в первом издании книги), но не мог тогда доказать, что, "когда британское правительство передавало советских пленных в немецких мундирах советским властям, оно это делало в полном сознании, что оно намеренно нарушает и свои обязательства перед международным законом, и свои специфические соглашения, договоренные с германским правительством". К этому пересмотренному изданию прибавлено "Приложение", в котором эти данные, собранные Толстым-Милославским, рассматриваются профессором-юристом. Профессор полковник Драпер, бывший военный прокурор на суде военных преступников в Нюрнберге и в течение 1974-77 годов юридический советник делегации Соединенного Королевства на дипломатической конференции о военном праве, пересмотрел в этом Приложении разные юридические вопросы, в особенности статус советских граждан, и решения, принятые о них БИМИДом. Он показывает, что отношение БИМИД было постоянным к советским гражданам, но, по-видимому, оно никогда не обдумало всерьез легальность своих поступков. Он недоумевает, почему ввиду сложности тогдашнего положения никто не запросил мнения высших юридических инстанций Соединенного Королевства. А по британской практике полагается в случае спорности юридических вопросов запрашивать мнение соответствующих высших инстанций.

Толстой-Милославский провел шесть лет за писанием этой книги и вся тема его глубоко волнует. Он указывает в своем предисловии, что его в исследовании подбодрило несколько случайных совпадений. Во-первых, в "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицын описывает судьбу репатриированных и ставит вопрос: "Какой Толстой нам опишет это Бородино?" Автор уже начал тогда свое исследование, но текст Солженицына подействовал на него, как шпоры. Во-вторых, автор является представителем старшей ветви рода Толстых. Его прямой предок, Андрей Толстой, был старшим братом того Петра, который стал министром при Петре Великом. Петра Толстого послали вернуть царевича Алексея, бежавшего в Неаполь. Петр Толстой убедил его вернуться на родину, где царевича убили. В-третьих, в октябре 1944 года была конференция в Москве, когда Черчилль и Иден полетели на совещание со Сталиным. Здесь Иден и обещал Сталину вернуть всех советских граждан. И эта конференция шла под секретным названием — "Толстой".

Автор хотел бы полного публичного обследования всего этого дела, которое он считает "военным преступлением первой степени". Поскольку такой разбор навряд ли когда-либо произойдет в Соединенном Королевстве, единственным путем было бы возбуждение дела в международном суде защиты человеческих прав в Страсбурге.

Можно глубоко сожалеть, что книга графа Толстого-Милославского, особенно в пересмотренном издании, все еще не переведена на русский язык.

Екатерина Андреева

Кембриджский университет

В. ВЕЙДЛЕ. ЭМБРИОЛОГИЯ ПОЭЗИИ. Введение в фоносемантику поэтической речи. Предисловие Е. Эткинда. Институт славяноведения. Париж. 1980. 296 стр.

Владимир Васильевич Вейдле — замечательный знаток литературы и искусства. Такого у нас нет и не скоро будет. В Сов. Союзе и на Западе немало русских ученых с той же эрудицией, но не находим у них той широкой ориентации и глубокого понимания, которое было у В. В.

Лет 25 тому назад В. В. как-то надоело писать научным языком и он ввел в свои очерки особенный говорок — не розановский, а свой собственный — вейдлевский. Это особенно заметно в первой главе книги, где он описывает одно свое филологическое *приключение* в Бразилии. В научном институте Сан Пауло его внимание привлекла исчерна-кремнисто-аспидная змея: "Разбираю с трудом письма: смерть через пять минут, а имечко — яракуссу. Читаю еще раз. Не ошибся? Нет. Только звучать оно должно, конечно, Жараракуссу (в португальском произношении. Ю. И.). Ничего, хорошо и так. Поистине прав Гоголь: иное название еще драгоценнее вещи". В. В., ученый, но и поэт, невольно русифицировал эту экзотическую рептилию — связал её с яростью и укусом. Из этой поэтической этимологии родился новый звуковой смысл или, по удачной терминологии В. В., *звукосмысл*. Это совсем не "каприз", а словотворчество.

По утверждению В. В., и здесь он совпадает с некоторыми другими учеными, напр. с Нортропом Фрай (Frye), поэзия создается из сумбура, бормотания, но и осмысливается поэтом, который иногда сливает звук и смысл в звукосмысл.

Метод В. В. — органический, и именно поэтому он назвал свой труд *Эмбриологией поэзии*. Этот его подход противоположен торжествующему в западной науке механическому методу формалистов, структуралистов, которые В. В. замалчивали, как и марксисты. У Р. О. Якобсона, К. Ф. Тарановского, Юрия Лотмана В. В. находит "тоталитарный структурализм" и, признавая их заслуги, с ними полемизирует — не резко, но метко. Для В. В. каждое слово и в языке, и в поэзии живое существо, которое никогда не может, не должно быть полностью анализировано, и поэтому нельзя преодолевать столь гонимую учеными педантами субъективность. Здесь В. В. совпадает с немецкими философами начала века — Виндельбандом и Рикертом. Они верно утверждали — в гуманитарных науках нет точности естественных наук. Ведь даже в статистике мы пользуемся субъективно выбранными признаками. Когда человек изучает не анатомию, а человеческое творчество, он не может быть вполне объективным. Но и структуралисты иногда занимаются *смыслами*, и зачастую неудачно. Так, К. Ф. Тарановский и Юрий Лотман усмотрели динамику движения в лермонтовском стихотворении: Выхожу один я на дорогу... А В. В. остроумно и верно разъяснил: Михаил Юрьевич, действительно, вышел, но куда не двинулся и предался созерцанию. При этом В. В. никогда не утверждает, что он на 100% прав: его тончайший анализ всегда приблизительный, а многие ученые самоуверенно хотят найти какое-то единственно правильное суждение о данном артефакте, как они называют произведения искусства, не замечая, что это и биофакты, а также психофакты! Наконец, В. В. ориентируется и на биографии поэтов, на историю, а структуралисты, как и американские "новые критики", отвергают и биографизм и историзм.

Ссылаясь на Гёте, В. В. делает различие между изображением и выражением. Он утверждает: художник необходимо изображаемый им предмет заново создать в самом себе, чтобы его выразить в искусстве, и В. В. это показывает на примерах из русской, французской, немецкой, английской литературы. И здесь он не обходится без филологических приключений с Царем Оксумороном или Царицей Ономатопоеей! Как жаль, что В. В. редко вел семинары. Вот уж у кого можно было бы

поучиться студентам пониманию поэзии, но для этого очень даже нужно "шевелить мозгами", а также и чувствовать. Но для механических подсчетов большого ума не требуется, как и сердца... Этот досадный пробел восполняет *Эмбриология поэзии*, где В. В., по возможности, избегает научной терминологии и мудро, живо учит — как надо читать и понимать стихи. Здесь опять-таки нужно соображать и, ориентируясь на данную культуру, совмещать анализ с интуицией. В. В. всегда избегал систематизации, классификации. Он в искусстве мыслил, а тотальный структурализм иногда исключает всякое мышление. Школа Вейдле — школа строгого и свободного мышления в искусстве. При этом, опорные пункты для своего анализа он часто находил у поэтов, писателей, у Гёте или Розанова, а также у старых "несистематических" формалистов — у Юрия Тынянова или Бориса Эйхенбаума.

Не имею возможности в этой заметке охватить все темы и проблемы, затронутые в книге, которая должна стать настольной для литературо- и искусствоведов. Это *ведство* В. В. часто не выносил, хотя многое, действительно, ведал.

В. В. прежде всего гуманист: он впитал всю гуманистическую культуру, скажем, от Петрарки до нашего кризиса гуманизма. Он также и христианский гуманист: духовный сын богослова о. Сергия Булгакова, который тоже впитал светский гуманизм и в молодости был даже марксистом, а позднее стал одним из самых проникательных критиков коммунизма. Для В. В. ясно: нельзя понять всё вообще европейское искусство без понимания христианства, которое вдохновляло и гуманистов в эпоху т. н. и уже многими современными учеными *отмененного* Ренессанса. Как-то В. В. сказал, чтобы понять *Божественную Комедию* Данта или *Братьев Карамазовых* Достоевского, нужно, хотя бы гипотетически, стать католиком или православным.

Почти все очерки, включенные в книгу, были опубликованы в *Новом Журнале*. В послесловии В. В. Вейдле благодарит Е. Г. Эткинда, по инициативе которого *Эмбриология поэзии* была включена в серию "Русской библиотеки" парижского Института славяноведения. Книге предпослано дельное и доброжелательное предисловие Эткинда. Он написал: "Мысли В. В. об эстетике и поэзии не пройдут мимо читателей как на Западе, так и в СССР. Но здесь нужно уточнение: сам В. В. повторял — он или его книги вернутся на родину, когда эта *безымянная страна* опять будет называться Россией".

Юрий Иваск

М. АНДРЕЕНКО. "ПЕРЕКРЕСТОК". РАССКАЗЫ. Париж. 1979.

Сборник рассказов "Перекресток", принадлежащий перу известного художника Михаила Федоровича Андреевко и изданный трудами большого коллекционера и ценителя русского искусства и литературы Ренэ Герра, является для пишущего эти строки особенно ценным явлением. Посещение ателье художника и личное с ним знакомство в 1976 г. оставило во мне желание ближе познакомиться с жизнью и творчеством этого вдумчивого, много жившего мастера. Сборник "Перекресток" не только удовлетворяет это желание, но и значительно расширяет понимание личности М.Ф. Андреевко. Сразу же оговорюсь — в рассказах его нет никакой философии искусства, никаких "ключей" и объяснений его абстрактной живописи.

Рассказы Андреевко — беллетристика, основанная на воспоминаниях, встречах, размышлениях. Речь идет о Париже, о парижских кафе, об ателье художников, о судьбах людей. Не берусь судить о чисто литературных достоинствах этих рассказов. Главное в них то, как и что видит автор.

В предисловии к сборнику Ренэ Герра пишет: "Каждый человек, каждый предмет, любое живое существо таит в себе нечто непонятное, до конца непостижимое, напрягающее нашу интуицию и ум — вот к чему вновь и вновь побуждает нас автор. В этом скрывается его приверженность к тому типу искусства (и творчества вообще), который Edmond Jaloux метко назвал "Магическим реализмом". К этому безусловно правильному определению хотелось бы прибавить лишь одну мне лично близкую и понятную черту — наличие во всех рассказах Андреевко элемента грусти. Не сентиментальной, ностальгической, а той философски-созерцательной грусти, которая, думается, неизбежно присутствует во всяком серьезном творчестве. Кем-то было сказано, что грусть потому-то и близка поэтам, что в ней — и в ней одной! — бесконечное количество оттенков, от радости и юмора до мрачной безысходности. (Чистая радость и *joie de vivre* слишком динамичны и односторонни). Все рассказы М. Ф. Андреевко в большей или меньшей степени содержат эту творческую, созерцательную грусть, которая органически вплетается в разного рода сюжеты.

Тут и описания старого, уходящего Парижа (самая, пожалуй, ностальгическая часть рассказов), и почти "мистери стори" (Нераскрытое дело"), разные необычные происшествия и наблюдения ("Салон

мадам Т.", "Три рубашки", "Совпадения"), и, наконец, вдумчивые и ласковые "Собака из Флоренции" и "Мыши" — совершенно очаровавшие меня наблюдения над жизнью этого подпольного "народа".

Лаконический, ничем не форсированный рассказ отличает литературный стиль Андреенко. Его глаз замечает смешное и трагическое, случайное и типичное с одинаковым вниманием и спокойствием. Симпатии, сочувствие не подчеркиваются, но всегда ощущаются. Близость участника и отдаленность наблюдателя сливаются воедино. В этом, пожалуй, видна рука художника, т.к. работа над полотном требует в одинаковой степени и свободы, и контроля над собой, не допуская взлетов и срывов. (Они, конечно, бывают, но опытный художник умеет с ними справиться и восстановить баланс). Как и абстрактные полотна Андреенко, виденные мною в его ателье, проза его обладает равновесием в лучшем смысле этого слова. Описание Андреенко парижских кафе и их завсегдатаев интересно не только как характерный набросок местных оригиналов. Парижское кафе всегда было своего рода наблюдательным пунктом жизни. В нем люди учились участвовать в жизни, находясь одновременно вне ее, — идеальное состояние для творческого человека. Парижское кафе воспитывало творческие индивидуальности. Его влияние чувствуется и в прозе Андреенко.

Хочется отметить еще одно качество рассказов Андреенко, которое, не найдя более подходящих слов, определяю как "атмосферу" или "аромат". Не скрою, что меня отчасти побуждают употребить именно эти слова впечатления, вынесенные мною из визита в ателье художника. Есть в ателье старых, много работавших художников особый шарм, понятный, возможно, лишь коллегам по профессии. Как старый сад, не расчищенный и не подстриженный, где нет новеньких дорожек, а есть тропинки и таинственные заросли, ателье художника, со стопками книг, полотнами и подрамниками, со старой мебелью и — о, да! — даже пылью и мышами, чем-то бесконечно привлекательно и правдиво. Оно имеет "атмосферу". Таким же духом тайны и правды жизни веет от рассказов М.Ф. Андреенко. Всем, кому близка эта атмосфера, сборник рассказов "Перекресток" доставит редкое удовольствие.

Сергей Голлербах

С. В. БЕЛОВ. "РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
'ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ' "

Комментарий. Под редакцией академика Д. С. Лихачева. Пособие для учителя. Ленинград. "Просвещение". 1979 (240 стр.)

Сергей Владимирович Белов известен как знаток Достоевского и библиограф. Настоящая книга — труд многих лет и смело может быть названа большой новостью в изучении Достоевского и его города — Санкт Петербурга. Труд С. Белова делится на две неравные части: 1) творческая история романа, поэтика романа и эпоха, изображенная в романе. 2) наиболее обширная часть — комментарии, идущие от главы к главе, часто от страницы к странице романа. Д. С. Лихачев пишет во введении к этой большой научной работе: "Книга С. В. Белова посвящена одному из самых гениальных и читаемых произведений мировой литературы. "Преступление и наказание" — единственный из романов Достоевского, изучаемый в советской школе... Достоевский... многое не договаривал, рассчитывая на духовное приобщение читателя к своему миру. В этом духовном мире имеет значение и разное положение топора во время убийства Раскольниковым старухи-процентщицы, и Лизаветы, и описание внешности Раскольникова, и часто упоминаемый четвертый этаж, и числа "семь" и "одиннадцать..." и "желтый" цвет, наиболее устойчивый в романе, и тридцать копеек, которые Соня вынесла Мармеладову на похмелье".

С. Белов пишет, что в романе "раскрывается творческий мир Достоевского как особая реальность, как живой духовный организм, где имеет значение буквально все: любая мелочь, незначительные подробности". Суть романа мы ощутим лучше всего по двум фразам из черновых записей писателя: "Неисповедимы пути, которыми находит Бог человека" и "Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает счастье, и всегда страданием". — С. Белов прав, указывая на слияние Достоевским трех фабул: 1) Раскольников и его теория, 2) семья его — мать, сестра, Лужин и 3) Мармеладовы с Соней и Свидригайловым.

В романе действительно все важно. Важно, например, слово "ВДРУГ". Достоевский его сознательно употребляет 560 раз, важно и повторение слова "СТРАННЫЙ" для подчеркивания неожиданного, чепроделенного. Символика чисел исключительно важна и интересна. Число три особенно ярко и число семь. "Три раза позвонил, три раза ударил топором, три встречи Раскольникова с Порфирием, в трех шагах

стреляет Дуня в Свидригайлова, три билета вручает Соне Свидригайлов. три раза приходила Марфа Петровна, (т. е. ее привидение), у Сони три дороги, три часа дожидается Разумихин, три окна, Марфа Петровна выкупила Свидригайлова за тридцать тысяч сребреников" и т.п. "Семь лет, семеро детей, семь лет каторги, семь часов, семь дней" и так далее. Особо интересны и комментарии к именам героев. Раскольников не только от расколовшегося духовно человека, он из рода раскольников. Письмо матери из губернии на "Р-й". Тогда была только Рязанская губерния на "Р". Мать подчеркивает, что род Раскольниковых известен двести лет. В Рязанской губернии тогда жило много раскольников, а Достоевский ими особо в это время — 1860-е годы — интересовался. Желает принять на себя грех Раскольникова Миколка из раскольниковых мест той же губернии. Это только один пример из книги Белова.

Весь комментарий можно разделить на РЕАЛИА и СПИРИТУАЛИА. В первых мы находим объяснения топографии Петербурга, ряда слов типа "шарманка" из немецкой песенки "Шармант Катерин". Ручной немецкий органчик пришел к нам через Польшу и стал модным. "Т. мост" — Тучков мост, "К-ного переулк" — Конный переулок, теперь — переулок Гривцова и т. д. "Вершков двенадцати росту" — два аршина двенадцать вершков — около 186 сант. Шкалик — 1/5 бутылки — 100 граммов. "Лицо выбрито по-чиновничьи" — баки без усов и побритый подбородок. "С желтым стаканом, наполненным желтою водою" — точнейшая деталь: в Петербурге не было тогда водопровода, стакан в полицейской конторе полон желтой воды, а от осадков ее стал желтым. "Петербургский листок" 1865 г. отмечает: "что за вода в этих колодцах... цвет ее подходит к цвету пива". "Стоит, будто папироску свертывает..." Только летом 1865 г. разрешено курить на улице. Особо интересны многочисленные выпады писателя против "Что делать?" Н. Г. Чернышевского и "Современника". "Книгопродавец Херувимов естественнонаучные книжонки выпускает... рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что — человек". "Разумихин здесь издевается над статьей в "Современнике" Г. З. Елисеева (семинариста), тот пишет: "Разные мнения о том, женщины — люди ли? Наше предубеждение в пользу женщин". Издатель в черновиках сперва назван Зайчиковым, но в окончательном тексте он стал Херувимовым. Намек на семинаристов в редакции "Современника". Сам Н. Некрасов называл свою редакцию "моя консистория". Таких фактов приведено очень

много. Но становится грустно, когда Белов должен объяснять читателю слова типа "обедня", "отпевание покойника", "литургия", или когда начинаются цитаты из Ленина, говорится о "советской науке" как особой. Есть и ошибки: в дореволюционной России гимназии не имели семь классов, а восемь (стр. 141). На стр. 77 говорится об Антихристе, "изображавшемся обычно в Евангелиях в виде зверя и особой печатью отмечавшего своих приверженцев". В Евангелиях этого нет. Это из — Апокалипсиса, гл. 13, ст. 12, 15, 16. Слово КУТЬЯ не от греч. похороны — КЕДЕИА, а от КУККИА, как писали все крупнейшие лингвисты, и значило "бобы, зерна". Совсем опущено, что первый, кто занялся серьезно символикой и значением солнца в творчестве Достоевского, был о. Павел Флоренский. Пропущена моя работа о Евангелиях и символике "Капернаума" еще 1929 г. в двух номерах журнала "Путь" (№ 23 и 24). Нельзя писать, как делает С. Белов, что "фистула — ГОРТАННЫЙ ГОЛОС". Фистула есть фальцет, женоподобный тонкий голос. В. Даль называет фистулу "ГОЛОВНОЙ ГОЛОС". Есть и другие мелочи. Но книга в основе прекрасна, научно и тщательно сделана, и для понимания стиля, идей, языка и символики Достоевского она действительно уникальна. О ней я бы предложил написать не отзыв, а несколько статей людям, любящим и знающим творчество Достоевского.

Р. Плетнев

"DIEU EST VIVANT". CATECHISME POUR LES FAMILLES. Ed. CERF, Paris, 1979, 486 p.

Парижское издательство "Серф" обогатило православную учебно-религиозную литературу семейным катехизисом на французском языке. Книга, составленная "православным Братством", имеет несколько анонимный характер, ибо в ней нет списка составителей. В книге напечатан краткий отзыв о ней митрополита Мелетия, главы православной греческой церкви во Франции. Предисловие составлено известным во Франции церковным деятелем Оливье Клеманом. В книге 500 страниц различных текстов, много цветных репродукций древних икон.

Катехизис предназначен для людей разного возраста и поэтому составители его попытались найти некую срединную позицию, исходя из которой можно дидактический материал дать, так сказать, для разных уровней восприятия.

Вся книга покоится на семи столпах — темах из жизни Иисуса Христа: Рождестве, Крещении, Преображении, Благовестии царства

Божьего, Распятия и Воскресении, Вознесении и ниспослании Духа Святого на апостолов в день Пятидесятницы, Втором пришествии и жизни будущего века. Это — части книги, подразделяющиеся, в свою очередь, на главы. Рассмотрим, для примера, первую часть. Она состоит из трех глав: 1) Образ и подобие Божие; 2) Грехопадение и надежда; 3) Новый Адам — Воплощение. Каждая из тем, затронутая в данной главе, рассматривается в трех перспективах: а) ветхозаветных откровений и пророчеств; б) описания исторического события, каким оно дано в Новом Завете, и в) историко-литургическом окачествовании (соответственная иконография, гимнография — текст и ноты).

Напр., первая глава трактует тему сотворения мира, сотворения человека, искушения и грехопадения. В тексте — цитаты из Библии и указания на избранные места, относящиеся к данному событию. Часть текста представлена в виде беседы между "старцем" и "учеником", в которой первый отвечает на недоуменные вопросы второго не только касательно истории нашей религии, но и проблем, возникающих в повседневной жизни в области этики.

Книга эта для лиц, владеющих французским языком и желающих ознакомиться с нашим вероучением (либо вспомнить то, чему мы учились в детстве и отрочестве), имеет очень большую ценность. Было бы хорошо, если бы она была издана и в русском переводе.

Игумен Геннадий (Эйкалович)

КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА

В. Вейдле. Эмбриология поэзии. Предисл. Е. Эткинда. Русская библиотека Славянского Института. Париж. 1980 (296 стр.). Собрание статей В. Вейдле, печатавшихся в "Новом Журнале" (1972-1976).

М. Цветаева. Избранная проза в двух томах (1917-1937). Предисл. И. Бродского. Изд. "Руссика". Нью Йорк. 1979 (т. I — 457 стр., т. II — 365 стр.).

Б. Прянишников. "Незримая паутина". Изд. автора. Нью Йорк. 1979 (395 стр.).

В. Завалишин. Плеск волны. Стихи. Нью Йорк. 1979 (147 стр.).

В. Робсман. Живые видения. Рассказы. Изд. "Посев". 1979 (124 стр.).

А. Бахрах. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж. 1980 (204 стр.).

- В. Войнович.* Претендент на престол. Новые приключения солдата Ивана Чонкина. ИМКА-Пресс. Париж. 1979 (357 стр.).
- А. Мариенгоф.* Роман без вранья. Изд. "Прибой". 1928. Перепечатано изд. Willem A. Meeuws. Предисловие и комментарии проф. Гордона МакВэй. Оксфорд. 1979.
- Н. Ульянов.* Спуск флага. Статьи. Нью Хевен. 1979 (147 стр.).
- Л. Найда.* Дороги жизни. Нью Йорк. 1979 (129 стр.).
- Архиепископ Андрей.* Единое на потребу. Проповеди. Свято-Ильинское изд. Калифорния. 1977 (135 стр.).
- З. Шаховская.* В поисках Набокова. Изд. "Свободная печать". Париж. 1979 (167 стр.).
- Э. Боброва.* Янтарный сок. Поэмы, стихи. Торонто. 1977 (118 стр.).
- М. Михайлов.* Ненаучные мысли. Предисл. М. Маггеридж. Изд. "Заря". Торонто. 1979 (95 стр.).
- Дм. Бобышев.* Зияния. Стихи. Изд. ИМКА-Пресс. Париж. 1979 (236 стр.).
- А. Авторханов.* Сила и бессилие Брежнева. Изд. "Посев". 1979 (327 стр.).
- М. Богаевский.* Исканья. Стихи. Париж. 1978 (55 стр.).
- П. Муравьев.* Тень Дон Кихота. Рассказы. Изд. "Слово". Нью Йорк. 1980 (153 стр.).
- Инок Григорий Круг.* Мысли об иконе. 30 иллюстраций. ИМКА-Пресс. Париж. 1978 (167 стр.).
- Память.* Историч. сборник воспоминаний, очерков. Выпуск 2. Москва. 1977. Париж. 1979 (595 стр.).
- М. Андрееenko.* Перекресток. Рассказы. Предисл. Ренэ Герра. Париж. 1979 (207 стр.).
- Клеопатра Болотина.* Багряный закат. Роман. Изд. "Глобус". Сан Франциско. 1979 (349 стр.).
- Андрей Московит.* Метаполитика. Strathcona Publ. Co. 1978 (249 стр.).
- Мария Шкапская.* Стихи. Overseas Publ. London. 1979 (141 стр.).
- Владимир Филандров.* Джульетта из Генуи. Рассказы и повести. "Максим". Франция. 1979 (157 стр.).
- Юрий Миролюбовъ.* Достоевский и революция. Германия. 1979. (репринт)
- А. Краснов-Левитин.* Лихие годы 1925-1941. ИМКА-Пресс. Париж. 1977 (456 стр.).
- Метрополь.* Литературный Альманах. Изд. Ардис. Анн Арбор. 1979 (760 стр.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- В. В. Розанов.* Религия и культура. С. Петербургъ. 1899. ИМКА-Пресс. Париж. 1979. (264 стр.) (репринт).
- Игумен Никон.* Письма духовным детям. ИМКА-Пресс. Париж. 1979 (158 стр.).
- Лев Регельсон.* Трагедия русской церкви, 1917-1945. Послесловие прот. Иоанна Мейендорфа. ИМКА-Пресс. Париж. 1977 (625 стр.).
- И. Р. Шафаревич.* Социализм как явление мировой истории. ИМКА-Пресс. Париж. 1977 (390 стр.).
- Леонид Плющ.* На карнавале истории. Overseas Publications Interchange LTD. Лондон. 1979. (711 стр.).
- Голоса солидарности.* Собрал и подготовил к печати Сергей Петров. Overseas Publications Interchange LTD. Лондон. 1979. (118 стр.).
- Н. Горбаневская.* Перелетая снежную границу. Стихи 1974-1978. ИМКА Пресс. Париж. 1979. (119 стр.).
- Фазиль Искандер.* Сандро из Чегема. Ардис. Анн Арбор. 1979 (604 стр.).
- Н. А. Покровская.* Родине. Сборник стихотворений. США. 1979 (62 стр.).
- Алексей Ремизов.* Взвихренная Русь. Комментарии Андрея Козина. Overseas Publications Interchange LTD. Лондон. 1979. (710 стр.).
- И. А. Ильин.* О монархии и республике. Редакция, предисловие и "Приложение" Н. П. Полторацкого. Содружество. Нью Йорк. 1979. (329 стр.).
- Н. П. Полторацкий.* Монархия и республика в восприятии И. А. Ильина. Содружество. Нью Йорк. 1979 (85 стр.).
- Борис Поплавский.* Собрание сочинений. Стихи. Беркли. 1980. (99 стр.).
- Е. Дубнов.* Рыжие монеты. Стихи. Голдфинчпресс. Лондон. 1978. (91 стр.).
- Яков Бергер.* Склонение Фавна: стихи и пародии. Лондон. 1979. (70 стр.).
- Николай Попович.* Учение Будды в рациональной интерпретации. Аргентина. 1980. (108 стр.).
- Gordon McVay.* Isadora and Esenin. Ardis. Ann Arbor. 1980 (p. 335).
- G. Cannac.* N. Evreinoff en France. Bibliothèque Théâtrale. Paris. 1980 (p. 47).
- Juri Krotkov.* The Red Monarch. Scenes from the Life of Stalin. Translated by T. Mairs. Norton and Company. N.Y. 1979 (p. 253).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией
РОМАНА ГУЛЯ

■
В 1980 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

■
Подписная цена на 1980 год 24 доллара
(за 4 книги)

Цена одной книги — 7 долларов
Во Франции — 25 франков

■
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025

Телефон редакции и конторы: 666-1692

Прием по делам редакции и конторы — ежедневно, кроме
праздников и суббот, от 10-ти до 12-ти час. дня
